

Пророчество дьявола

(история одной книги)

Освобождение — это познание того,
кем мы были и кем мы стали,
где мы были и куда заброшены,
куда мы стремимся и что искупаем,
что есть рождение и что — возрождение.

Гностик Теодот

То, что скрыто от вас, я возвещу вам это.

Евангелие от Марии Магдалины

Содержание

От автора

Рим, 2011 год

Богемия, 1209 год

Киев, 2010 год

Сотворение мира, начало времен

Богемия, 1209 год

Стокгольм, 2010 год

Богемия, 1209 год

Стокгольм, 2010 год

Богемия, 1229 год

Прага, 2010 год

Богемия, средние века

Вена, 1581 год

Прага, 1594 год

Рим, 1594 год

Киев, 2010 год

Где-то под Киевом, 2010 год

Прага, 2010 год

Рим, 1998 год

Киев, 2010 год

Где-то под Киевом, 2010 год

Рим, 2011 год

Киев, 2010 год

Прага, 1594 год

Киев, 2011 год

Богемия, 1229 год

От автора

31 декабря 2007 года Объединенное Библейское общество (The United Bible Society) объявило в прессе, что отныне полная Библия с второканоническими книгами доступна на 123 языках. Вместе Ветхий и Новый Завет были изданы на 438 языках, кроме этого Новый Завет переведен еще на 1168 языков, а Библия переведена на 848 дополнительных языков частично. Таким образом, Библия полностью или частично переведена на 2454 языков народов мира.

А вот чего не знает никто, даже Библейское общество, — это сколько же всего было написано, переписано и издано экземпляров Библии. Есть данные, что эта цифра превышает 6 миллиардов. Если им верить, то выходит, что практически каждый житель планеты — христианин, иудей, мусульманин, буддист, индуист, поклоняющийся каким-то своим особенным богам или вообще неверующий, — уже обеспечен экземпляром Святого Писания. 95% населения имеют возможность читать Библию на родном языке.

Среди всех известных человечеству библий Codex Gigas — Библия дьявола — является самым большим по размеру, удивительным по содержанию и необыкновенным по исполнению памятником христианской культуры. Эта книга таит столько загадок, что и семи веков с момента ее создания не хватило, чтобы до конца все их разгадать. Здесь вы найдете историю этой удивительной книги, которую автор выдумал всю — от начала и до конца.

Ну, почти всю.

Во всяком случае совпадения встречающихся здесь имен и событий с реальными именами и событиями прошу считать случайными.

Хотя случайного ничего не бывает.

Рим, 2011 год

Последний день октября в Риме выдался солнечным и прохладным. Центральная площадь Ватикана пьядца ди Сан Пьетро была залита светом и до краев заполнена разноязыкой толпой. Тысячи людей, образующих настоящее людское море, собрались в этом христианском Колизее не случайно. Как было объявлено в прессе и пронеслось тревожной вестью по всем католическим приходам земного шара, сегодня, 31 октября, ровно в полдень епископ Рима намерен обратиться к человечеству с неким чрезвычайным посланием. Эта новость вызвала небывалый интерес мировых средств массовой информации, однако Ватикан отверг все запросы журналистов, отказавшись сообщить какие-либо дополнительные подробности.

Таинственность, сопровождавшая подготовку к этой церемонии, да и сам факт провозглашения послания «Urbi et Orbi» — «Граду и Миру» — в День всех святых, наводили на мысль об исключительности происходящего. В воздухе витало напряженное ожидание, созвучное нетерпеливому гулу толпы. Центральный балкон базилики Святого Петра, перед которым с самого утра выстроился караул швейцарских гвардейцев, был еще пуст. Лишь легкий ветерок неторопливо играл с висящим здесь же алым полотнищем с гербом Ватикана

— ключами от Рая и Рима, да лениво перебирал цветными перьями на металлических касках гвардейцев.

В один момент все изменилось. Раздался звон колоколов, часы пробили полдень. Огромные стеклянные двери балкона распахнулись, и к народу вышел сам Папа. С его появлением невидимый оркестр исполнил знаменитый «*Hymnus et modus militaris Pontificalis*» — государственный гимн Святого престола. Как только музыка стихла и раздались приветственные крики толпы, понтифик поднял правую руку, чтобы поприветствовать верных на площади, перекрестил их и начал говорить:

— «*А теперь я пришел возвестить тебе, что будет с народом твоим в последние времена, так как видение относится к отдаленным дням*».¹

После этих слов на площади воцарилась напряженная тишина.

— Дорогие братья и сестры!

O felix Roma — O Roma nobilis!

Сегодня я пришел к вам с посланием, которое наполняет тревогой и болью мое сердце. Ибо как Спаситель наш Иисус Христос принял крестные муки ради спасения всего человечества, так и сегодня ваша мать-Церковь принимает на себя тяжкое, но славное бремя защиты всех своих верных, а равно и заблудших душ Божьих от происков дьявола. Да, возлюбленные мои братья и сестры, истинно говорю вам: ныне сам Антихрист и его присные восстали из тьмы веков и посягают на основы нашей веры, Церкви, идеалы Христа, которые есть Любовь и Смирение. Они угрожают всему светлому, что есть в нашей жизни, самому существованию человечества.

Где же искать нам защиты? Никто из земных царей не властен над силами зла. Лишь на Господа следует уповать нам, ибо все, что случается, — в Его только воле. Вспомните, что написано об учениках Христовых, которые не поверили в чудо воскресения: «И они, оправдываясь, говорили: “Этот век неверия и беззакония сатаны, который через нечистых духов не позволяет, чтобы истинная сила Божия была постигнута. Посему яви нам свою справедливость”». И Христос ответил им: «Мера лет царства сатаны исполнилась. Но грядут страшные свершения и для тех, за кого, грешных, я принял смерть, чтобы они могли вернуться к Истине и не грешить больше, и наследовать Духу и нетленной славе чистоты в небесах».

И вот свершилось! В наших архивах неутомимыми подвижниками — учеными и исследователями — только что обнаружены древние манускрипты, в которых устами самого князя Тьмы предрекаются неисчислимы бедствия, ожидающие человечество уже в самом ближайшем будущем. Там содержатся многочисленные пророчества о грядущих болезнях, войнах и разрушениях. Эти документы столь ужасны, что их невозможно читать без содрогания. Они были переданы нами в Конгрегацию доктрины веры и признаны подлинными. С их страниц клеветает сам сатана.

Потому мы собрались сегодня здесь, в самом сердце матери-Церкви, на земле, освященной муками святого апостола Петра, щедро политой кровью тысяч первохристианских мучеников, чтобы вместе вознести молитву все милостивому Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу и просить Его о защите и покровительстве. Ибо сказано в книге пророка Даниила: «Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его».²

¹ Даниил 10:14.

² Даниил, 3:89.

Голос каждого из нас, взятый отдельно, слаб, а козни лукавого значительны и хитры. Он изобретателен в том, чтобы отвернуть человека от пути истинного, денно и ночью ищущая нашу бrenную плоть и смущая бессмертный дух. Но вспомните — князь мира сего не смог совладать со Спасителем, устоявшим во всех искушениях, не сможет он этого сделать и с теми, кто живет по заповедям Божьим, в смирении и кротости, в чистоте и покаянии, кто силен истинной верой в Иисуса Христа. Все вместе, соединив наши сердца и души в общей молитве к Господу и Спасителю нашему под благодатной сенью Святой Римской католической церкви, мы отвергнем любое зло, насылаемое антихристом на род людской! Отныне и до Рождества Христова каждый день, в каждом храме и в каждой часовне вы найдете молящихся отцов Церкви. Молитесь с ними, обратите свои чаяния к Всевышнему, и вместе мы сотворим духовный щит человечества от козней князя Тьмы!

Ибо сказано в Святом Писании: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один».³ Потому не может ведать лукавый, что ждет славное человечество, а среди прочего — чинить зло тем, кто истинно верует. И если не миновать нам последней битвы, то написано также: «И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их; а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков».⁴ Так и будет! Я благословляю вас на битву со злом! Да прибудет с вами Всевышний, Его сила и Его милость! Амен.

Богемия, 1209 год

Герман любил, когда наступала ночь. Каждый божий день с тех пор, как к нему пришло осознание собственной судьбы, он с великим нетерпением ожидал захода солнца. Вместе с темнотой в воздухе вокруг монастыря разливалась волнующая благодать, предметы и живые существа волшебным образом преображались, а небо раскрывало свои объятия его жаждущему взору. Уже много лет таинство ночи было острейшим наслаждением для его израненной души.

Лучше всего, конечно, когда по ночам бывало лунно и звездно, но, даже если небо к вечеру и застилало облака, Герман с надеждой всматривался в слегка припудренную серебристой пылью небесную высь, пытаясь разглядеть звездный престол Всевышнего. Для привыкших к темноте глаз бенедиктинского монаха даже того света, который едва пробивался сквозь пелену похожих на заснеженное поле облаков, было вполне достаточно, чтобы увидеть его. Престол был на месте, но обычно он пустовал...

Магия ночных преображений была его союзницей и спасительницей, если не сказать — сообщницей. Если бы Герман был Творцом, то созданный им день состоял бы только из двух частей — предвечерья и ночи. Ибо днем он был всего лишь рано повзрослевшим от своей непосильной ноши горбуном с не очень аккуратно выстриженной тонзурой, красноватыми, вечно воспаленными глазами монастырского писаря - скриптора, одетым в латанную-перелатанную черную сутану и сбитые сандалии. Ночью все было иначе. В мягком лунном свете горб будто покидал его спину, волосы становились густыми и шелковистыми, глаза

---

³ Матфей, 24:36.

⁴ Откровение Иоанна Богослова, 20:9—10.

переставали слезиться, а сутана превращалась в новую и чистую. И тогда Герман расправлял спину и плечи, а жизнь снова казалась ему исполненной смысла, добра и справедливости.

Сегодняшняя ночь была просто замечательной. Стояла поздняя осень, и первый снег уже присыпал долину и лес, что раскинулся вокруг монастыря. Легкий морозец окутал своими объятиями землю, была полная Луна, ни ветерка... Герман с наслаждением втянул ноздрями утреннюю свежесть и выдохнул облачко пара. Потом еще и еще. Так он играл с морозным воздухом и слушал музыку вселенской тишины, забравшись в самое шумное место в монастыре — на колокольню. Впрочем, он был здесь по делу. Герман даже фонарь оставил внизу, на лестнице, чтобы ничто не мешало видеть звезды. Скоро ведь надо будет звонить к пробуждению, ибо бенедиктинский устав делит день монаха на строго определенные части и числит пунктуальность среди главных его добродетелей. Всякое, даже малейшее, отступление от этого правила влечет за собой наказание, а первейшее требование их Учителя предписывает вставать зимой еще до петушиного пения. Сегодня была его очередь определить по звездам, когда же наступит подходящий момент. Эта обязанность была значительно приятнее, чем вскакивать с постели при первом же ударе звонаря. Опять-таки, устав святого Бенедикта гласил, что вставать следует без промедления, в противном случае это считалось проступком, который подлежал рассмотрению на обвинительном капитуле. Не могло быть и речи, чтобы снова уснуть. По утрам приор с фонарем в руках обходил кельи и, если находил нарушителя, просто ставил фонарь в его ногах, после чего будил. Провинившийся должен был взять этот фонарь и, в свою очередь, продолжить обход, чтобы найти другого провинившегося и вручить ему переходящий знак вины, который таким образом превращался в видимое доказательство совершенного проступка. Тот монах, который последним оставался с фонарем в руках, подлежал публичному осуждению и наказанию.

За все эти годы Герман ни разу не нарушил устав и очень этим гордился. Он научился любить монастырские порядки и своих братьев во Христе. Прожив в Божьей обители более десяти лет, он узнал, что среди них нет святых и безгрешных. В душе чуть ли не каждого монаха было нечто, что тот тщательно скрывал от мира. Вот, к примеру, брат Айван как-то обмолвился, что в молодости убил напавшего на него человека и пришел в монастырь отмаливать свою грешную душу. Или другой случай: однажды, и это случилось совсем недавно, прекаптор Сильвестр привел в монастырь женщину и удерживал ее три дня в одном из помещений, примыкающих к скрипторию. Когда несчастная, замерзшая и голодная, стала звать на помощь, ее обнаружили и выдворили из монастыря. При других обстоятельствах Сильвестр понес бы весьма суровое наказание, но их монастырь был мал — всего чуть больше двух дюжин монахов, — и заменить монаха во время службы было попросту нечем. После долгого обсуждения его проступка на капитуле старший певчий был наказан дополнительными работами по чистке бани и отхожих мест, но остался при должности. Правда, его также лишили доступа к монастырской печати.

Едва различимые изменения произошли на небе — оно чуточку посветлело. «Пора!» — подумал Герман, взялся за веревку и качнул колокол. В тишине ночи прозвучал гулкий призыв к молитве. Он ударил еще и еще раз. Даже тьма вынуждена была отступить под столь мощным напором. Все, дело сделано, теперь ему и самому следовало поспешить, чтобы не опоздать к всенощной.

Он схватил фонарь, торопливо спустился вниз по винтовой лестнице, быстро добрался до монастырской галереи и лишь там, присоединившись к общей процессии, замедлил шаг,

смиренно сложил руки и предался очищающим дух молитвам. Герман крепко усвоил, что братии полагается молиться в то время, когда не молится никто другой. Именно тогда им надлежало петь вечную славу Всевышнему, ограждая тем самым мир от Зла подлинным духовным щитом.

Однако в этот день ему не было суждено сосредоточиться на мыслях о Боге. Размышления о проступке Сильвестра упорно не шли из головы. Ведь до того, как принять постриг, Герман так и не познал женщины, и, наверное, поэтому в его сознании женское начало никак не хотело сосуществовать с библейским образом источника греха и соблазна. Женщина оставалась для него тайной, которой было предназначено пасть именно в этот день.

После службы и молитв вместе с рассветом наступило время для работ. Сегодня монастырский ризничий определил ему в обязанность собрать в близлежащем лесу хворост и заготовить дрова, ибо сгорбленная спина молодого монаха была как нельзя лучше приспособлена для переноски больших вязанок дров, которые ризничий потом использовал для приготовления углей. Герман взял с собой веревки, небольшой топор и отправился в лес.

Если ночь была его тайным союзником, то лес — злейшим врагом. Именно дерево погубило его спину, та проклятая надломившаяся ветка была во всем виновата. И теперь деревьям, кроме молодой и невинной поросли, нечего было ждать от него пощады. В этот раз в поисках достойного объекта отмщения он зашел поглубже в чащу, укрытую еще не устоявшимся снежным покровом, выбрал себе в жертву несколько дубков и сосен и, как заправский дровосек, приступил к рубке. Герману работалось легко, даже весело. В лесу было тихо, лишь вороны громким и сердитым карканьем отзывались на стук топора. Немного болела спина, но к этой боли он давно привык. Он рубил ветви на удобные для вязанок части и сносил их к проходящей через лес широкой тропе. Наконец набралось достаточное количество хвороста и дров и можно было приступить к доставке их в монастырь.

Он уже собирался закинуть за спину первую вязанку, как вдруг услышал какой-то сторонний звук. Это был характерный, сопровождавшийся легким пофыркиванием лошади скрип, который издают давно не мазанные колеса телеги. В безмолвном лесу это звучало так: скрип-скрип-фыр, скрип-скрип-фыр. Герман оглянулся и просто не поверил своим глазам: прямо по тропе к нему медленно приближалась повозка, запряженная сивым меринком. Тот был стар и едва передвигал ноги, но, тем не менее, повозку тянул исправно. «Хвала Всевышнему!» — подумал Герман. Ведь теперь он сможет доставить дрова в монастырь на повозке — кто же откажет в таком пустяке монаху-бенедиктинцу?

— Эй! — крикнул он, чтобы предупредить хозяев повозки о своих добрых намерениях. — Эй! Бог вам в помощь!

Но ответа не последовало. Вскоре телега поравнялась с Германом и остановилась. В ней никого не было.

Точнее, это ему так сначала показалось, ибо, обойдя ее сзади, он вдруг заметил торчащие из-под наваленного в повозке тряпья ноги в разбитых кожаных ботинках. Герман откинул тряпье. Ноги в ботинках оказались частью женщины, которая была неподвижна — то ли мертва, то ли без сознания. Она была в крови, со всклокоченными и спутанными черными волнистыми волосами, в разорванном в нескольких местах, довольно дорогом платье. Герман постоял в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу, поежился от вдруг наступившего ощущения холода и в поисках поддержки огляделся по сторонам. Он будто

надеялся, что вслед за телегой появится кто-нибудь более опытный и мудрый, чем он, кто знал бы, что нужно делать в такой ситуации. Но никто не появился. Они были в лесной чаще одни. Герман обошел телегу сбоку, привстал на цыпочки и наклонился над лицом женщины, чтобы понять, дышит ли она, как та вдруг открыла глаза и, видимо, попробовала закричать, но издала лишь какой-то неясный, хотя и довольно громкий, kloкочущий грудной звук — то ли вздох, то ли всхлип. Герман в испуге отскочил от телеги. Женщина была жива.

Герман присел на сложенную им самим у дороги вязанку дров. Он был взволнован. Как нарочно, только сегодня на утренней службе он размышлял об этом странном случае с Сильвестром, и вот, пожалуйста, теперь он сам столкнулся с женщиной. Видимо, Господь тоже решил его испытать. Герман заметил, что женщина в телеге приподнялась и смотрит на него.

— Помогите мне, прошу вас, — прошептали ее губы. Видимо, ее сил хватило лишь на то, чтобы сказать эти несколько слов, ибо, когда Герман вновь приблизился к телеге, женщина опять была неподвижна и лежала с закрытыми глазами. Герман наконец спокойно разглядел ее. Она была очень красива, с тонкими чертами чуть смугловатого лица, явно не из местных. По правде говоря, это была самая красивая женщина из всех, которых Герман когда-либо видел в жизни.

Но что же ему с ней делать? О том, чтобы отвезти ее в монастырь и перепоручить заботам брата-госпиталия, не могло быть и речи. Сильвестр уже был наказан за аналогичный проступок, а он — прекантор. Герману грозило куда более суровое наказание, чем старшему певчому. Но и бросить умирающую женщину в лесу было бы грехом, ибо ясно, что до следующего утра ей не дожить, а довезет ли ее мерин до человеческого жилья — на это было очень мало надежды. Такого доходягу волки растерзают вмиг, едва только стемнеет. И тогда Герман решил отложить доставку дров до времени полуденного отдыха, а пока свезти эту незнакомку в ближайшую деревню, где было устроено нечто вроде странноприимного дома для приезжающих в монастырь паломников из окрестностей.

По прибытии в деревню выяснилось, что там как раз остановилось на постой несколько человек. Они вняли просьбе монаха и приняли женщину из его рук, пообещав позаботиться о ней. Герман же отправился с телегой за дровами. Ему нужно было спешить, чтобы успеть закончить работу до дневной трапезы. С телегой ему понадобилась всего одна ходка, чтобы перевезти заготовленные дрова в монастырь. Герман все успел сделать вовремя. Он очень гордился своим поступком, ибо спасти умирающую душу, пусть и женскую, было богоугодным делом. Если бы он только знал, какое смятение в его жизнь внесет эта случайная встреча...

Киев, 2010 год

Профессор Сергей Михайлович Трубецкой, известный киевский специалист по древним рукописям, как раз готовился закончить свою лекцию на историческом факультете университета эффектным парадоксальным пассажем, когда в аудиторию вбежал запыхавшийся и чрезвычайно возбужденный декан. Он всем своим видом выказывал нетерпение, да так, что его лицо и даже лысина покраснелись. Трубецкой был вынужден прервать лекцию на полуслове и отпустить студентов на пару минут раньше. Концовка

занятия была скомкана, а Сергей Михайлович любил ставить точку красиво, мастерски. Но что поделаешь, начальство есть начальство.

— Подвергайте сомнению каждую вашу догадку, каждую гипотезу, ищите изъяны в собственных теориях, а не то это сделают другие, — говорил Сергей Михайлович, предоставляя декану возможность отдышаться. — Особенно это важно, если вам в руки попадет редкий, уникальный артефакт, и не имеет значения — рукопись это, монетка или черепок. Часто именно от первооткрывателя зависит, как интерпретировать находку, и его мнение оказывает огромное влияние на все последующие исследования. Не стоит спешить, объявляя каждую найденную в Иерусалиме урну с древними останками последним пристанищем земного тела Иисуса Христа, каждую валяющуюся там щепку — кусочком животворящего креста, а каждую обнаруженную рукопись — первоисточником Библии. Ибо не каждый Иисус — Христос, и не каждый пергаментный свиток содержит Божьи откровения. Скромнее надо быть, скромнее. — Трубецкой улыбнулся. — Рекомендую не забывать мудрые слова, сказанные самим Спасителем в апокрифическом Евангелии от Фомы: «Если слепой ведет слепого, оба падают в яму». Так что берегите зрение. Все, на сегодня вы свободны, — произнес он наконец заветную для каждого студента фразу и повернулся к декану. — Что случилось, Константин Львович? — спросил Трубецкой с легким неудовольствием в голосе. — Вы мне помешали обратить внимание студентов на некоторые палеографические особенности Пересопницкого Евангелия...

Тот протянул Трубецкому конверт.

— Вам письмо, — прошептал Константин Львович сдавленным от волнения голосом, — от короля Швеции. Какое тут еще Евангелие!

— От кого? От короля Швеции? — с нескрываемым любопытством переспросил Трубецкой. Характерным движением он взъерошил свои волнистые волосы. — Любопытно однако. Что же, давайте поглядим, что от нас с вами хочет Его Королевское Величество. Держу пари, его зовут или Карл, или Густав.

Сергей Михайлович присел на парту и взял в руки конверт из дорогой бумаги благородного желтоватого оттенка с тремя золотыми коронами в левом верхнем углу и запечатанный, как в старые добрые времена, изумительной красоты печатью из красного сургуча. Он вскрыл печать, достал украшенный королевскими вензелями и отливающий мраморной белизной лист бумаги, развернул его и стал читать. Письмо было написано по-английски и в примерном переводе на русский звучало, как сюита:

«Уважаемый профессор Трубецкой,

Ваши научные труды в области исследования древнейших рукописей Библии, равно как и других священных книг, позволяют нам надеяться, что наше приглашение прибыть в Стокгольм, чтобы принять участие в изучении уникального памятника, известного в мировой библеистике как Codex Gigas, будет воспринято Вами положительно.

Этот кодекс, который также называют Библией дьявола, хранится в Шведской Королевской Библиотеке с 1649 года, когда в конце Тридцатилетней войны он был захвачен шведскими войсками в Праге, вывезен в Стокгольм и преподнесен в дар королеве Швеции Кристине. Эта самая большая из известных в мире библий написана в XIII столетии в Богемии. Она имеет длинную и полную приключений историю. Упомянутая книга считается одним из чудес света и, без сомнения, хранит множество тайн.

Я надеюсь, сказано достаточно, чтобы заинтересовать Вас нашим предложением о сотрудничестве.

Директор Шведской Королевской Библиотеки в Стокгольме доктор Конрад Густаффсон ожидает Вашего приезда с нетерпением. Он уполномочен решить все вопросы, связанные с Вашим пребыванием в Швеции.

Карл Густав»

— Ну, что я говорил, — с удовлетворением отметил Трубецкой, — его зовут Карл Густав.

— Не отказывайтесь, Бога ради, — проговорил все еще шепотом Константин Львович, хотя они остались в аудитории одни, — эта работа принесет славу не только вам, но и университету...

Ему было совершенно безразлично, как именно зовут короля Швеции. Но ему было далеко не все равно, примет ли Трубецкой это приглашение.

— Да уж, конечно, — миролюбиво произнес Сергей Михайлович, — о чем речь. Монархам не отказывают. Придется ехать.

Надо сказать, что волнение декана было вполне понятно и легко объяснимо. Сергей Михайлович был известным ученым-палеографом, и, когда он принял решение перейти из своего академического института в университет, исторический факультет с радостью принял его в свои объятия. С тех пор Константин Львович пребывал в нетерпении, ожидая случая, когда профессор Трубецкой оправдает возложенные на него надежды и прославит не только себя, но и альма-матер очередным громким открытием. А оно все не шло. И вот Бог, а точнее, король Швеции услышал его молитвы. Исторический факультет, стены и преподаватели которого еще не забыли лекции по истории КПСС, получил наконец шанс прославиться. За будущий успех стоило выпить. И как раз это в стенах факультета проблемой не было.

Далее каждый занялся своим любимым делом. Декан отправился обмывать неожиданно свалившуюся удачу, а Трубецкой — размышлять. Сергея Михайловича обуревали совершенно отличные от деканских мысли. Ему было лестно внимание монарха — ведь не каждый же день получаешь подобные письма! — однако он прекрасно осознавал, что в Европе имеется масса высококлассных специалистов — историков и палеографов, способных разгадать любые загадки Библии. Почему же выбор пал именно на него? Ясно, что ответ на этот вопрос следовало искать в этом самом кодексе, а до тех пор — в имеющихся по этому поводу публикациях. Супруга и коллега Трубецкого Анна Николаевна Шувалова, историк и талантливый исследователь, была непревзойденным мастером сбора и анализа информации. Используя в том числе свои связи в научных кругах Санкт-Петербурга, где она когда-то работала в университете, ей удалось в течение считанных дней собрать все необходимые публикации о Codex Gigas. Сухие данные уже проведенных исследований свидетельствовали о следующем.

Самая большая в мире Библия была, очевидно, написана между 1200 и 1230 годами в Богемии, в небольшом бенедиктинском монастыре близ города Подлажице (ныне часть чешского города Храст). Манускрипт написан на латыни. Он представляет собой своего рода средневековую энциклопедию, так как содержит сумму знаний монахов бенедиктинского ордена на начало XIII века. Кроме Ветхого и Нового Завета книга включает также такие известные труды, как «Этимология» Исидора Севильского, «Иудейские войны» Иосифа Флавия, «Богемская хроника» Козьмы Пражского, а также несколько трактатов разнообразной тематики, в том числе медицинской, список насельников бенедиктинского монастыря, «Зерцало грешника» (сборник, содержащий назидательные рассказы-exempla

для проповедников), различные заговоры, календарь с синодиком и некоторые другие записи. Первоначально в рукописи было 640 пергаментных страниц, из которых 624 сохранились до нашего времени в хорошем состоянии. При создании манускрипта было использовано не менее 160 ослиных шкур. Размер переплета — 92 сантиметра в длину, 50 сантиметров в ширину. Толщина книги — 22 сантиметра, а ее вес — 75 килограммов.

На протяжении своей истории книга несколько раз переходила из рук в руки монахов разных монастырей. Подлажицкий бенедиктинский монастырь был полностью разрушен во время религиозных войн XV века. Достоверно установлено, что в 1594 году император Священной Римской империи король Богемии Рудольф II — по совместительству оккультист и алхимик — заинтересовался Codex Gigas и перевез фолиант в свой пражский замок. Во время Тридцатилетней войны, в 1648 году, рукопись в качестве трофея забрали отсюда шведские войска. Год спустя кодекс был преподнесен в дар шведской королеве Кристине. С тех пор и до настоящего времени рукопись хранится в Шведской Королевской библиотеке в Стокгольме.

По мнению исследователей, для того чтобы написать подобный труд, автору, кем бы он ни был, понадобилось бы приблизительно двадцать, если не тридцать, лет жизни. Некоторые склонялись к тому, что эту книгу вообще не мог написать один человек. Во-первых, он должен был бы иметь весьма глубокие духовные и научные познания в столь различных областях, что это было маловероятно для средних веков. Во-вторых, простому монастырскому послушнику понадобилось бы очень много свободного времени для такой работы, но, как известно, у монахов, живущих по уставу святого Бенедикта, для переписывания рукописей в скриптории предоставлялось всего несколько часов в день. Однако анализ чернил и почерка однозначно свидетельствовал, что на всех страницах почерк и стиль писания идентичный, указывающий на одного автора. Впрочем, особое внимание книга заслужила не только и не столько из-за своих физических параметров и необычного содержания. На 290-й странице этой Библии во весь рост изображен сам дьявол.

Ходит легенда, по которой этот манускрипт появился вследствие сговора одного из послушников монастыря в Подлажице с падшим ангелом. Якобы монах, который провинился перед монастырским настоятелем, желая избежать сурового наказания, пообещал не только написать лучшую Библию своего времени, но и нарисовать к ней иллюстрации, чтобы искупить проступок и прославить свой монастырь. Его предложение было принято. Однако уже к полуночи монах осознал, что не сможет выполнить обещанного, и обратился к Люциферу за помощью. Взамен тот потребовал душу послушника и изображение своего «портрета» на одной из страниц будущей Библии.

Большое изображение нечистого, находящееся почти в середине книги, является во многих отношениях необычным. К примеру, нарисованный дьявол будто заключен в замкнутое пространство, причем изображен он на пергаменте, который отличается темным оттенком. Стиль написания заговоров по изгнанию дьявола на страницах, которые следуют за его изображением, тоже несколько отличен от того, которым написаны все остальные тексты; религиозные деятели объясняют этот факт проявлением «темных сил». На предыдущей странице перед изображением дьявола находится рисунок некоего божественного царства — Небесного Иерусалима, указывающего, по мнению ряда исследователей, на стремление автора подчеркнуть бесконечное противостояние между добром и злом.

Кодекс был довольно детально изучен в XIX веке двумя чешскими учеными и с тех пор не особенно привлекал внимание публики. В 2007 году его выставляли на всеобщее обозрение в Праге. И вот теперь поступило приглашение Трубецкому прибыть в Стокгольм, чтобы продолжить изучение знаменитой книги. Все это было крайне интересно, однако истинная причина такого приглашения так и оставалась неясной.

Сотворение мира, начало времен

Серафим Люцифер (по-славянски Денница) — Сын Зари, занимавший высокое положение в Божественной иерархии, восстал со своими присными, частью ангелов, против воли Бога. Он был величественным и прекрасным ангелом, лучшим из лучших, и Господь любил его. «Так говорит Господь Бог: ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Эдеме, в саду Божием; твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями; рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото, все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и нанизанное на тебе, приготовлено было в день сотворения твоего. Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней. Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония»⁵. Ибо Люцифер отказался поклониться Адаму — первочеловеку, как созданному, пусть и по воле Божьей, но из праха: «Я — лучше его: Ты создал меня из огня, а его создал из глины».⁶ Будучи ослеплен гордынею, он возжелал занять место, равное Всевышнему, и поднял мятеж.

Суть этого мятежа была в том, что он выбрал служение своему эго, своей личности, а не Богу. Он привлек на свою сторону многих последовавших за ним ангелов, «третью часть звезд»⁷ и заставил их поклоняться и служить себе. Он воспытал ненавистью к людям, как к причине, которая разъединила его с Богом.

Вот как об этом мятеже написано в «Апокалипсисе»:

«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним»⁸

Ангельскому воинству Архангела Михаила и Архангела Гавриила удалось освободить от мятежников Царство Божие. Люцифер и его сторонники утратили свой Свет и, низвергнутые, нашли себе прибежище во Тьме. Теперь Люцифер стал противником Божьему замыслу — сатаною. Обернувшись змием, он сумел опорочить Адама и Еву в глазах Господа, став навеки также и клеветником — дьяволом. Падшие с ним ангелы стали демонами.

⁵ Иезекииль, 28:12—15.

⁶ Коран, 38:76.

⁷ Откр., 12:4.

⁸ Откр., 12:7—9.

Но все в этом мире подчинено лишь Всевышнему, и зло, и добро случается по Его только воле. И возжелал Господь, чтобы дьявол стал духом зла, карающим нечестивых, но, кроме того, искушающим праведных, дабы те узнали предел собственной праведности и увеличивали свои заслуги перед Всевышним, преодолевая искушения...

И стали тогда говорить демоны людям, искушая их: зачем вам почитать того, кого вы не видите и не слышите? Почему бы вам не использовать жизнь для получения удовольствий и разнообразных выгод для себя?

И многие услышали демонов и стали отвлекаться от Божественных истин и поступать так, как их учили коварные нахлебники. При этом они теряли присущий им свет, продавали свои бессмертные души дьяволу, бесконечно отдаляясь от Бога.

А в уши постоянно проникала ложь падших о том, что люди — сами себе боги, что царь земного мира — человек и он сможет силой заставить покоряться себе природу, да и самого Бога. И в этой борьбе победит сильнейший, а великая цель оправдывает любые средства.

Постепенно чувство любви ко всякому творению от Бога, от окружающих людей и до самых мелких тварей, было подменено в душах людей жадностью, враждой, завистью, злобой, вожделением.

Число же бесов неисчислимо, они многолики и искусны. Падение было быстрым. В обмен на дарованные дьяволом земные блага человек стали отдавать ему свои души. И с тех пор многим кажется, что подручных князя тьмы не остановить...

Богемия, 1209 год

Монастырь монашеского ордена Святого Бенедикта, который Господь в Его бесконечной премудрости поместил в чудесной долине неподалеку от городка Подлажице в Восточной Богемии, был совсем невелик. Храм, ризница, зал капитулов, колокольня, внутренние галереи, кельи, баня и небольшой сад составляли все его основные строения. В повседневной жизни именно галереи служили средоточием монашеской жизни. Здесь проходили процессии и совершались омовения перед приемом пищи, здесь читали, молились и размышляли. К галерее примыкала библиотека и скрипторий — место для переписывания рукописей. С точки зрения Петра Достопочтенного, особо почитаемого среди бенедиктинцев девятого аббата Ключни, именно переписывание являлось самой полезной для братии работой, так как позволяло послушникам «вращивать плоды духа и замешивать тесто для выпечки небесного хлеба души». Для некоторых монахов это занятие служило также способом побороть праздность, победить плотские пороки и тем самым обеспечить, как писал Святой Иероним, свое спасение. Для Германа же переписывание составляло часть его аскезы и ничуть не тяготило. По правде говоря, он был лучшим скриптором среди братии.

Распорядок дня в монастыре как нельзя лучше способствовал ночным очарованиям Германа. Спать монахи ложились рано, с закатом солнца, а уже ранним утром, еще до первых петухов, начинали свою службу. Для Германа же предрассветные часы всегда несли с собой какую-то неясную тревогу, другое дело — сумерки. Вроде бы и то, и другое — граница Света и Тьмы. Но если по утрам для приходящего Света все шло просто отлично, то для уходящей Тьмы — хуже не бывает... Именно по этой причине монахам было так важно просыпаться перед самой зарей, ведь тьма коварна, она не хочет уходить одна и все время

норовит прихватить кого-нибудь с собой. Свет так никогда не поступает. Поэтому предвечерье не таило угрозы, наоборот, это было время для отдыха и душевного успокоения.

День начинался с первым ударом колокола, который звал на всенощную, затем наступал черед утрени с перерывом на короткий сон, службы после утрени, и так далее по строгому раз и навсегда установленному расписанию. Тому, кто хотел вести правильную жизнь, надлежало вставать очень рано, в тот час, когда все остальные еще спят. Монахи всегда испытывали особое расположение к ночным часам и первой заре — предрасветным сумеркам. Сам святой Бенедикт восхвалял часы бодрствования в прохладе и тишине, когда чистая и свободная молитва легко возносится к Небу, когда дух светел, а в мире царит совершенный покой.

Герману нравились монастырские порядки, как и то, что свободного времени у него практически не было. Обязательное участие в капитуле, индивидуальные молитвы и службы вместе со всей братией, совместные трапезы, работа в скриптории и блаженные часы повечернего уединения... Суровый, но мудро выписанный устав монастыря Святого Бенедикта был правилом, из которого в монастырской жизни не бывало исключений.

Следует заметить, что Герман был не совсем обычным монахом. Ибо не только вера в Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа привела его в монастырь. Монашество не было его свободным выбором, а скорее, вынужденным шагом. История его жизни была незатейлива, но и в ней нашлось место для горькой тайны. Герман ведь не всегда таскал на себе ненавистный горб. В детстве он был обычным деревенским мальчишкой, гибким и стройным. Они с друзьями без усталости носились по окрестным лесам и полям, перевоплощаясь то в бесстрашных рыцарей Христова воинства, то в охотников за драконами. Они сражались с сарацинами и злыми духами, и Герман был лучшим из бойцов армии света, их лидером, заводилой. Он любил испытания и очень гордился своей силой и ловкостью. Это и погубило его.

Однажды во время игры он и несколько его друзей забрались на большой развесистый дуб, что царствовал на опушке леса, — он по-прежнему там стоит как ни в чем не бывало, — и расхрабрившийся Герман решил показать, как лихо он умеет перебираться, даже перепрыгивать с ветки ветку. Видимо, в тот самый момент злые духи, с которыми мальчишеское войско вело непримиримую борьбу, не дремали. Одна из веток, на которую всем своим весом оперся Герман, неожиданно хрустнула, надломилась, и он камнем полетел вниз, прямо на торчащие из земли корявые корни дуба...

Когда он очнулся в родительской хижине, страшно болела спина, и эта боль отдавалась мучительным эхом по всему телу. Герман и сейчас помнил ту боль, пронзительную, безжалостную, всепоглощающую, видел у своего ложа плачущую мать и монаха из близлежащего монастыря, призванного помочь спасти его юную душу. Очевидно, монах знал свое дело, и Герман выжил, хотя и пролежал плашмя почти месяц. Он вроде бы выздоровел, но уже через несколько лет противный горб взобрался на его спину, да так там и остался навсегда. Провести всю жизнь в одиночестве, будучи обузой для семьи, или ежедневно благодарить Господа за свое чудесное спасение, вступив в братство монахов-бенедиктинцев — выбор был невелик и очевиден. Так он оказался в монастыре, прошел все ступени посвящения, обучился грамоте и со временем стал лучшим в монастыре скриптором. Это случилось более десяти лет тому назад. И было это совсем не просто.

Поначалу, по прибытии в монастырь, во вступлении в братство ему было отказано. Такова традиция бенедиктинцев — допускать в монастырь лишь прошедших испытание.

Потому на протяжении долгих пяти дней монах-привратник оскорблял и прогонял его, чтобы убедиться в твердости намерений. Герман же сносил унижения терпеливо, ночевал у ворот обители, и в конце концов ему позволили войти. В монастыре его поместили в келью для новичков и указали, где спать и принимать пищу. По прошествии месяца назначенный настоятелем брат прочитал ему устав, чтобы Герман хорошо понял, к чему приступает. Через два месяца церемония чтения повторилась, через четыре и шесть — снова. Лишь после этого публично, в присутствии всех, он принял обещание не отступать от своего намерения, быть всегда исправным в поведении, нравах и послушании. Все это Герман, к тому времени уже обучившийся основам грамоты, написал собственноручно. Именно тогда обнаружились его особенные способности к писанию, и аббат определил ему аскезу в скриптории.

Но даже после всех этих испытаний его душа все еще пребывала в смятении. Он вновь и вновь переживал свое падение. Все случившееся с ним казалось таким глупым, нелепым, несправедливым — в один миг потерять свою жизнь, все, что было ему дорого. Ужаснее всего было предательство друзей, которые забыли о нем и больше не звали с собой, и Эльзы — дочери пастуха Жижки. Эльза была дамой сердца рыцаря Германа, во имя которой он и совершал подвиги. Это нежное белокурое создание, служившее до его падения средоточием самых нежных чувств, стала избегать его. Лишь много позднее, уже пребывая в монастыре, Герман понял, что в противостоянии времени и вечности всегда побеждает вечность, и простил ее.

Со временем его детские обиды стерлись из памяти. Однако одно воспоминание, точнее, сон настолько прочно поселился в душе Германа, что ему пришлось с ним смириться. Даже на исповеди он не смел до конца открыть свою душу аббату, ибо сон тот был ужасен.

Не отдавая себе отчета, Герман все время мысленно возвращался к той игре на ветвях дуба, к своему падению и пытался понять, как же такое несчастье могло произойти с ним. Обычно подобные мысли посещали его на рассвете, во время утренней молитвы. «За что, Господи, за что?» — вопрошал он, умываясь втайне от братии слезами. И вот однажды ему приснился сон. Будто идет он по той самой подло надломившейся дубовой ветке, осторожный и ловкий, как рысь, и вдруг оборачивается и видит за своей спиной ужасное существо — самого дьявола... Это было некое страшное на вид подобие человека. Небольшого роста, с тонкой шеей и круглым зеленым лицом, совершенно черными глазами, бугристым, морщинистым лбом, тонкими ноздрями, выступающей челюстью, скошенным узким подбородком и козлиной бородой, мохнатыми острыми ушами, взъерошенной щетиной вместо волос, собачьими зубами, клиновидным черепом, впалой грудью и с горбом на спине, в грязной отвратительной одежде, это существо шло, крадучись, за ним, и пасть его глумливо кривилась в усмешке... И вот в какое-то мгновение раздается дьявольский хохот, ветка не выдерживает, слышится громкий треск, Герман камнем летит вниз, и — темнота... Он и спустя годы помнил тот сон, и от каждого такого воспоминания кровь стыла в жилах. Иногда ему даже приходилось сказываться больным, чтобы восстановить отнятые этим сном силы.

Герман боролся с зеленым дьяволом как мог. Он истязал себя физическим трудом, постился по самым строгим канонам, неистово молился и умирал свою плоть плетью. На какое-то время ему удавалось отогнать образ лукавого, но тот неизменно возвращался, как бы насмехаясь над усилиями монаха. Не было никакой пользы говорить о том сне аббату — не ровен час выставит из монастыря за связь с дьяволом, и тогда выход один — с моста в

реку. Сон этот, как и горб, стал тяжелой ношей. Так и жил монах Герман: с одним горбом — на теле, с другим — в душе.

Однажды, пребывая в поисках душевного спасения от дьявольских мук, он спросил престарелого брата Кристофера, которого ему определили в наставники, о природе искушения человека нечистым. Благо, отец Кристофер был мудр и сохранял ясность ума даже в весьма преклонном возрасте, и вот что он рассказал Герману:

— Никто, брат мой, не войдет в Царствие Небесное, кто не пройдет через искушение. Самого Иисуса дьявол трижды искушал в пустыне иудейской, и трижды лукавый был отвергнут Спасителем. Ибо по крещении своем Иисус, руководимый Духом Святым, проникся мыслью о приуготовлении себя к предстоящему подвигу постом и молитвой в полном уединении и удалился в бесплодную пустыню. И вот в час крайнего изнурения Богочеловека душевной сорокадневной борьбой явился к Нему дух злобы, завистник и враг человека искони. Не вспоминал ли он тогда свою первую победу над человеком в раю? Его ли гордости не возмечтать о новой победе и над Сыном Божьим и тем навек воцарить над миром? Ему ли допустить исполнения тяготеющей над ним угрозы быть сокрушенным под пятой обетованного Богочеловека?

И дух Тьмы, ослепленный гордостью своей, решился искушить Господа, проследив за крайним напряжением сил человеческого естества в Богочеловеке. Написано: «Когда Он, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал, приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих.

Потом берет Его дьявол в святой город и ставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедаю о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего.

Опять берет Его дьявол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. Тогда оставляет Его дьявол, и Ангелы приступили и служили Ему».⁹

Смотри: словом Божиим отражает Христос все три искушения. «Не хлебом одним будет жить человек...» — возражает Он на первое из них и указывает тем искушителю, что не станет творить чудеса, дабы избавиться от мук телесных, ни от сущих, ни от грядущих. Он указывает также на духовную пищу, которой питается человек истинно верующий, когда забывает на время о пище телесной, не имея нужды в ней; эта духовная пища есть слово Божие, Божественное учение, ибо сказано: «Всякое слово Божие к алчущему подобно пище поддерживает жизнь его».

Замысел же второго искушения состоит в том, чтобы возбудить в Иисусе желание вынудить чудо со стороны Бога, тем самым обнаружив в Нем тщеславие, самонадеяние и духовную гордость. Если Ты Сын Божий, как бы говорит дьявол, то Бог для Тебя все сделает, сотворит чудо по одному Твоему желанию. «Не искушай Господа Бога твоего», — возражает ему Христос. Смысл этого ответа таков: не должно требовать от Бога чуда по своему волеизъявлению, ибо лишь один Всевышний знает, когда следует явить волю свою.

⁹ Евангелие от Матфея, 4, 2—11.

Открывая пред взорами Христа все царства мира и славу их, продолжает дьявол искушать Его, говоря: «Все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне». Это еще более дерзкое, чем два первых, искушение Господь опять отражает словами Писания, но предварительно всемогущим словом своим повелевает искусителю прекратить свои действия: «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Сущность и сила этого последнего искушения состоит в том, что Христу предлагается внешняя царская власть над миром вместо предначертанного волей Его Отца пути искупления вины человечества через крестную смерть, воскрешение и основание всемирного духовного и вечного царства... И снова тверд духом Спаситель, и отражен нечистый. Лишь осознав тщетность своих попыток, оставил Его князь Тьмы, и тогда ангелы приступили и служили Ему.

Помни, брат мой Герман, что дьявол-искуситель и грешные наклонности скрываются внутри нас самих, и порою нестерпимо кажется, что власть нечистого сильна и неприступна. Но ведь Иисус имел ту же человеческую природу, что и мы, и Он одолел все искушения — значит, и мы имеем надежду устоять и спастись, и надежда эта дарована нам Им самим... Верю и молитвою спасешься.

Покойный ныне брат Кристофер будто предвидел, что настанет день, когда Герман тоже подвергнется искушению. Это случилось во время их новой встречи с Софи — именно так звали женщину, которую Герман спас в лесу. Он вновь увидел ее через несколько дней, когда посетившие монастырь паломники сказали ему, что женщина поправилась и просит о встрече с ним. Герман согласился не сразу. Он стеснялся своего изуродованного тела и совершенно не знал, как нужно вести себя с женщинами. Герман осознавал, что при свете дня никакая их них не может счесть его достойным внимания. И хотя такие мысли могли бы показаться странными для монаха, не стоит забывать, что Герман был молод и девственен и ему подобные размышления были простительны.

Под вечер он все же решился навестить ее в деревне, а увидев, не поверил своим глазам. Софи набралась сил, смыла кровь с лица и платья, расчесала волосы и стала еще прекраснее, чем прежде.

— Ты просила, чтобы я пришел, — сказал ей Герман, войдя в хижину и смиренно опустив глаза. — Вот он я. Что может сделать для тебя скромный слуга Господень?

Он не подавал виду, что пребывает в смятении, но на самом деле его сердце бешено колотилось. Герман с трудом понимал, что с ним происходит. Софи подошла к нему, взяла его руку в свои и поднесла к губам.

— Я обязана тебе жизнью, — тихо произнесла она бархатистым голосом. Софи говорила, путая французские и латинские слова. — И хотела с тобой увидеться, чтобы отблагодарить за доброту... Это не ты, а я хочу что-то сделать для своего ангела-спасителя. И хотя это был не мой выбор — я лучше предпочла бы смерть, чем принять жизнь из рук католика, — я тебе очень признательна. Ты, очевидно, хороший человек.

Герман попытался выдернуть руку.

— Что ты такое говоришь? — испуганно воскликнул он и огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что они одни. — Чем не угодила тебе католическая церковь? Ты еретичка??? Не кощунствуй, не ровен час услышит кто, тебя просто сожгут!

— Не прячь глаза, посмотри на меня, — ответила на это Софи. Их взгляды встретились. — У тебя замечательные, добрые глаза... Но в них грусть... Пстой, ты ведь не всегда был

горбуном, так? Присядь, Расскажи мне о себе, прошу тебя, — ласково добавила она. Но Герман решительно отстранился.

— На все воля Божья, — сказал он, — я не хочу об этом говорить.

— Хорошо, — Софи погладила его руку, — быть может, позже... Тогда позволь, я расскажу тебе, кто я и откуда, а ты — спаситель и отныне покровитель мой — потом решишь, жить мне или умереть от рук палача. Прошу тебя, выслушай.

Герман повиновался.

— Я из города Безье, что в Лангедоке... — начала было она, но тут же остановилась, так как при этих словах Герман вскочил и в ужасе забился в угол хижины. Кровь отхлынула от его лица. Он стал бледнее снега.

— Что? Что ты сказала? — прошептал он. — Так ты — из еретиков-альбигойцев?

В те годы каждый католик знал, что Папа объявил крестовый поход против еретиков-альбигойцев и послал огромную армию в Лангедок на искоренение катарской ереси. Иметь с ними дело или предоставлять убежище еретикам считалось страшным грехом.

— Прошу тебя. — Софи снова приблизилась к нему, взяла его руку и прижала к своей груди. Грудь была мягкой и упругой одновременно, а прикосновение — просто волшебным... Герман вдруг ощутил внутри себя какое-то новое необыкновенное чувство, мгновенно, как бы ниоткуда возникшую силу, волнуемое и приятное возбуждение.

— Выслушай меня, умоляю, — попросила Софи, — только выслушай. На ее глазах выступили слезы.

Теперь Герман не стал вырывать руку. Он был чрезвычайно взволнован и потому просто опустился на пол хижины и приготовился слушать.

— Я принадлежу одной из самых благородных семей Лангедока, — Софи продолжила свой рассказ тихим убаюкивающим голосом. Она будто рассказывала детскую сказку. — Мы, альбигойцы, верим в чистоту духа, созданного добрым Богом Нового Завета, и порочность Тьмы, созданной злым Богом Ветхого Завета. Ибо есть два бога — Добра и Зла. Я знаю, что ты веришь в единого Бога. Но предположи, к примеру, что твой «единый» Бог благ, справедлив, свят, мудр, праведен, всемогущ и знает все сущее еще до того, как оно свершится. И, конечно, это Он создал ангелов, которых Сам избрал от начала, без какого-либо внешнего принуждения от кого-либо. Ибо никто ни к чему принудить Его не может. И предположи после этого, что он знал судьбу всех Его ангелов до того, как они возникли, поскольку в Провидении Его уже наличествуют все события в будущем. Он знает и причины, по которым часть тех ангелов должна будет оставаться в течение всего времени демонами. Тогда, без сомнений, неизбежно следует, что те ангелы никогда не могли бы оставаться добрыми, святыми или покорными своему Господу, в чьей только власти все вещи происходят от вечности, кроме той меры, которую сам Бог знает от начала. Если Бог ведал все вещи от начала и знал, что Его ангелы станут в будущем демонами, ибо все причины, которые сделают в будущем тех ангелов демонами, возникают всецело внутри Его Провидения и не угодно Богу делать их иными, чем такие, какими он их создал, то по необходимости следует, что вышеназванные ангелы не могли никаким образом уклониться от того, чтобы стать демонами. И это в особенности истинно, поскольку невозможно, чтобы нечто из того, что Бог знает, как долженствующее произойти, каким-либо образом изменяется так, что этого в будущем не случается, — главным образом в Нем, который от начала знает все будущее полностью... И, таким образом, выходит, что тот Бог, о котором вы говорите, что он благ, свят, правосуден, мудр и праведен, который превыше любых слов, и

был той самой причиной и породителем зла, и это зло, несомненно, следует отвергать. А если это не так, то мы вынуждены признать существование двух начал. Одно — Благо. Другое — Зло, исток и причина несовершенства ангелов и также всего земного зла...

— Замолчи... — простонал Герман. Ему следовало бы оттолкнуть Софи и убежать, но это было выше его сил. — Я — простой монах и не понимаю твоих слов, я не хочу их понимать! Гореть мне вместе с тобой в аду, еретичка...

Он закрыл уши двумя руками и сжался в комок, будто стараясь избежать проникновения еретических измышлений внутрь себя, своего тела и духа. Софи пододвинулась к нему и попыталась обнять, чтобы успокоить. Герман пробовал вырваться, но запах женщины в такой непосредственной близости, который он почувствовал впервые, пьянил его больше, чем монастырское вино, и ему, очевидно недолюбленному матерью, вдруг страстно захотелось к ней прижаться...

— Я не хотела доставить тебе страдания, прости меня... — Софи погладила его по спине. — Я только пыталась сказать, что если наше учение — ересь, то остается только одно: согласиться, что дьявол — это такое же порождение Всевышнего, как и ангелы небесные, и мы должны принять Зло как равное Добру благо. Однако это совсем не страшно, ведь Тьма — это просто отсутствие Света, и она без Света не существует. Зло, созданное Богом, — это лишь возможность делать то, чего Он не хочет, но позволяет, дабы у человека был выбор... Но ведь как покаяние рождается внутри греха, так и Свет творится внутри Тьмы. Тот, кто создал внешнюю сторону, создал и внутреннюю... Мир, как и любовь, существует вечно, он не имеет ни начала, ни конца. Наш закон — это закон Любви, а наша Церковь так и зовется — Церковь Любви. И нас предали анафеме и огню... — Она печально вздохнула. — А теперь иди ко мне, — тихо прошептала Софи, — не бойся, ну что ты, что ты...

Она прижала его к себе и стала гладить. Герман вдруг потерял ощущение реальности, у него закружилась голова. Он уже давно и прочно забыл, что такое нежность, а тут... Софи помогла ему освободиться от сутаны, стала ласкать и помогла сделать все, что нужно. Она не произнесла больше ни звука, но ее движения говорили больше, чем любые слова... Так Герман познал женщину. Став мужчиной, он ощутил себя на вершине блаженства. Чувства, которые он испытывал, были необыкновенными. Но это наслаждалось его тело, дух же был раздавлен. Он лежал рядом с полуобнаженной, божественной красоты еретичкой и, приходя в себя, с каждым мгновением все острее осознавал, что отныне гореть ему вечно в аду, ибо согрешил он страшно... Герман с трудом оторвал взгляд от молочной кожи и упругой, высокой груди Софи, которая мерно вздымалась с каждым вздохом.

— Знаешь, — вдруг сказала Софи, приподнимаясь и натягивая платье, — ты не один из них, я чувствую это.

— О чем ты? — испуганно проговорил Герман. Он испытывал стыд, который был, наверное, сродни первородному стыду Адама и Евы, и поэтому тоже поспешил прикрыть свою наготу сутаной.

— Этой весной в Лангедок пришла армия крестоносцев, посланная Папой Иннокентием III... Они полностью вырезали население Безье — двадцать тысяч человек — мужчин и женщин, стариков и малых детей, католиков и катаров. Я сама слышала, как Симон де Монфор, их предводитель, кричал: «Убивайте всех, Бог на небе узнает своих!» Отец спас меня, отправив прочь из города вместе с несколькими вооруженными слугами. Мы скакали день и ночь, пересекли всю Германию, где за нами охотились, как на дичь, пока однажды не пал последний слуга. Благородные рыцари, которые скорее напоминали кровожадных

головорезов, чем воинов Христа, надругались надо мной и, видимо решив, что я умерла, бросили на околице какой-то деревни. Сердобольные крестьяне забрали моего коня, но побоялись оставлять меня у себя. Они просто уложили меня в старую телегу, закидали тряпьем и перепоручили милости мерина. Так скажи мне — кто из нас одержим дьяволом? Разве не именем Христа его рыцари нарушили половину Божьих заповедей? Так кто же из нас большой грешник и еретик?

Они помолчали несколько минут. А потом Герман, сам не зная почему, рассказал ей о своем падении и о страшном сне с нечистым. Ему вдруг показалось, что Софи стала частью его самого, его внутреннего мира, первой и единственной из смертных, кому он не побоялся поведать о зеленом дьяволе. Она выслушала его, сидя на полу и обхватив руками колени, а когда Герман закончил, вдруг произнесла:

— Знаешь, я верю, что ангельские души, созданные добрым божеством, томятся в темницах наших тел по велению сатаны. Земная жизнь есть наказание и единственный существующий ад. Но жизнь, слава Богу, конечна, и души наши в конце концов спасутся... Твой горб... он не навечно с тобой. Однажды ты выберешь свободу и избавишься от него. Верь мне.

Стокгольм, 2010 год

Столица Швеции — город во многих отношениях удивительный. Разбросанный по островам, умело соединивший архитектурные стили по меньшей мере шести прошедших веков, по-скандинавски сдержанный и по-шведски роскошный, он был свидетелем многих исторических событий, горьких поражений и славных побед. Именно так — в обозе армии победителей — в середине XVII века и попала в Стокгольм Библия дьявола. Сергей Михайлович прилетел вслед за ней триста шестьдесят два года спустя на обычном рейсовом самолете. К тому времени книга уже вернулась домой после выставки в Праге, где ее смогли видеть сотни тысяч людей. Всего три раза за три с половиной столетия эта Библия покидала Стокгольм: Нью-Йорк, Берлин и вот теперь — Прага.

В Шведской Королевской библиотеке, расположенной в живописном парке Хумлегартен, недалеко от королевского дворца, его действительно ждали. Однако приветливый директор библиотеки, доктор Конрад Густафссон, не спешил перейти прямо к делу. Ни для кого не секрет, что скандинавы вообще люди спокойные, неторопливые и обстоятельные. Так вот, для начала господин Густафссон устроил как бы невзначай, за чашкой кофе Сергею Михайловичу небольшой экзамен и, лишь убедившись, что тот превосходно осведомлен о структуре и особенностях различных вариантов библий, их композиции, о проблемах с их переводом, успокоился и вызвался лично проводить Трубецкого в хранилище. Было видно, что он очень волнуется перед тем, как показать Codex Gigas киевскому гостю. Густафссон все время поправлял безукоризненно сидящий твидовый пиджак, стряхивал с него невидимые пылинки и подтягивал узел аккуратнейшим образом повязанного галстука. Его волнение передалось и Трубецкому. Наконец они оказались в специальной комнате, где в стеклянном шкафу при постоянной температуре и влажности хранилась необыкновенная книга.

Доктор Густафссон жестом пригласил Трубецкого подойти к стеллажу, надел перчатки, напоминающие хирургические, и приподнял изготовленное из особой ткани покрывало,

которым была прикрыта Библия. Сергей Михайлович обомлел. Он видел в своей жизни множество книг, древних и современных, но сейчас перед ним было и вправду грандиозное творение.

— Я смогу детальнее ознакомиться с книгой? — спросил он после нескольких минут восторженного молчания и разглядывания.

— Разумеется. Мы предоставим в ваше распоряжение все необходимые принадлежности и аппаратуру, — ответил директор библиотеки. Даже безмолвное восхищение гостя доставляло ему очевидное удовольствие.

Книга лежала на специальной подставке и была раскрыта — считалось, что так хранить ее правильнее. Доктор Густаффсон аккуратно перевернул несколько страниц до места, отмеченного закладкой. Это была та самая страница 290, где во весь ее громадный размер красовался красно-зеленый рогатый и четырехпалый князь Тьмы. Страница несколько потемнела, очевидно, от воздействия света, однако и в таком состоянии изображение нечистого поражало своей экспрессией. И хотя дьявол на рисунке напоминал скорее забавного чертенка из детской сказки, чем того ужасного демона, каким его стали представлять позднее художники средневековья, следует помнить, что в начале XIII века с подобными изображениями не шутили. Появление князя Тьмы в Библии вполне могло быть расценено как святотатство с очевидными последствиями для автора, кем был он ни был. Сергей Михайлович с минуту рассматривал рисунок, затем вдруг отстранился и на несколько секунд прикрыл глаза. Совершенно неожиданно ему на какое-то мгновение стало дурно. Трубецкому даже пришлось опереться руками на стеллаж, чтобы не упасть. Директор библиотеки, который внимательно наблюдал за гостем, тактично отвернулся, сделав вид, что не заметил происшедшего.

— Спасибо, — произнес после паузы Трубецкой. — Это потрясающе, но на сегодня чертовщины достаточно.

Доктор Густаффсон понимающе кивнул и вновь прикрыл книгу покрывалом.

— Могу ли я спросить вас, доктор, — Трубецкой все-таки решился задать главный вопрос, когда они вышли из хранилища и вернулись в кабинет директора, — для чего вам понадобились мои услуги? Ведь, как я понимаю, книгу уже исследовали, причем не раз. Однако если сам король прислал приглашение, значит, случилось нечто неординарное?

— Да, вы совершенно правы, профессор. — Густаффсон вновь кивнул. — Мы думали, что знаем о Codex Gigas все, но, увы, или, наоборот, к счастью, это оказалось не так. Когда вы завтра начнете работать с книгой, то и сами легко обнаружите несколько странных особенностей, которые никто толком объяснить не смог. Во-первых, сразу после рисунка дьявола в Библии содержатся заклинания по его изгнанию. Так вот, все эти шестнадцать страниц — и только они из 624 сохранившихся страниц Кодекса — сильно потемнели в последние годы, будто кто-то хочет, чтобы они вообще исчезли. Во-вторых, из книги неизвестно когда, как и почему пропали восемь листов. Они находились в ней непосредственно после изображения дьявола. Судя по всему, эти листы были вырезаны ножом, причем довольно грубо, но кем и по какой причине — неизвестно. Все существующие версии относительно этих страниц являются пока только догадками. И, наконец, третье. В 1819 году королевскому переплетчику по имени Самуэль Сендман поручили реставрировать сильно поистрепавшийся оригинальный переплет книги. Вы видели его работу — она безукоризненна. Но на старом кожаном переплете с его внутренней стороны он обнаружил нечто, чему тогда никто не придавал значения. Речь идет о записи сразу

двух славянских алфавитов — кириллицы и глаголицы. Мы думаем, что они были написаны в конце XIV столетия аббатом бенедиктинского монастыря по имени Дивизиус. Во всяком случае, такая версия выдвигалась нашими чешскими коллегами. Тот монастырь находился в городе Бревнове, там же, в Богемии. Библия дьявола довольно долго хранилась в его библиотеке. Ну, присутствие кириллицы хоть как-то объяснимо, но глаголица на исходе XIV века... Хотя неясно, зачем вообще было изображать славянские алфавиты в латинской библии? Согласитесь, это странно.

Трубецкой кивнул.

— Вы рассказываете удивительные вещи, — произнес он задумчиво. — Теперь я начинаю понимать. Раз там появились славянские алфавиты, хотя книга и написана на латыни католическим монахом, значит, здесь есть работа и для представителя православной цивилизации.

Доктор Густаффон рассмеялся.

— Именно. Вы попали в точку. Но я предлагаю продолжить разговор о делах завтра, а сегодня идемте ужинать. Я вас приглашаю.

Кухня в стокгольмском ресторане «Мастер Андерс» была не просто восхитительной — она была изысканной. Однако ни морские деликатесы, ни великолепное «Шардоне» 1999 года не могли заменить двум ученым разговор о деле всей их жизни.

— Мы бы хотели, чтобы вы посмотрели на книгу свежим взглядом, — сказал Густаффон в промежутке между устрицами и запеченным морским окунем. — Последними из славян эту книгу исследовали чешские ученые Йосиф Печирка и Беда Дудик в XIX веке. Но они не дали ответов на все вопросы. Например, так и осталось неясным, кто и зачем оставил по всему манускрипту надписи «Я был здесь», датируемые XVI или XVII столетиями. Непонятно, почему Ветхий и Новый заветы списаны с Вульгаты, а Деяния апостолов и некоторые другие тексты — с более ранних переводов, в частности с Ветус Латина. Кстати, о дьяволе: Деяния апостолов написаны, очевидно, по тексту, составленному архиепископом Каглиари, это на Сардинии, который в IV столетии активно боролся за чистоту веры.

— А при чем тут к этому епископу дьявол? — переспросил Трубецкой.

— Имя, друг мой, все дело в имени. Его — этого архиепископа — звали Люцифер. Да-да, именно «светоносный». В те годы, очевидно, Люцифер еще не рассматривался как противник Бога, если архиепископ носил его имя. Но я продолжу. Вообще-то говоря, последовательность расположения священных текстов в Codex Gigas соответствует не принятым в XIII столетии канонам, а скорее так называемым библиям Каролингов, которые были в ходу в VIII—IX веках. В нашей Библии перепутаны даже книги Ветхого Завета, но в целом написано просто идеально. Автор этого творения — монах по имени Герман Отшельник — был, очевидно, отличным мастером-скриптором, ибо почерк всюду ровный, одинаковый.

— Так автор книги известен?

— Он оставил в конце списка насельников монастыря краткое и чрезвычайно скромное упоминание о себе, без всяких подробностей — только имя. В книге не обнаружено также никаких пояснений относительно ее композиции.

— Вы знаете, а ведь я встречался с аналогичными случаями, исследуя и другие старинные библии. Из моего опыта следует, что такое необычное расположение текстов может быть объяснено довольно просто — несколько хаотическим использованием

первоисточников. То есть, видимо, переписчик не был глубоко образован в вопросах библейского канона и просто взял за основу те книги, которые имелись под рукой. Как я понимаю, тот монастырь, где все это происходило, был незначительным?

— Да, и это тоже одна из загадок: почему в столь маленьком и едва ли известном монастыре был создан такой колоссальный памятник...

— Мне кажется, что это многое объясняет. Согласитесь, что в небольшом монастыре просто могло и не быть полных канонических библий в переводе Иеронима Блаженного, ведь книги в средние века были очень дорогим удовольствием. Скорее всего, библиотека этого монастыря была сформирована из случайных книг и переписчик просто не имел выбора, он пользовался тем, что было под рукой. Другое дело, что более опытные монахи должны были бы подсказать ему правильную компоновку книг Святого Писания, однако этого, очевидно, по неведомой нам причине не произошло... Существуют ли какие-то версии по поводу этих странных славянских алфавитов?

— Увы, до недавнего времени на них не обращали должного внимания. Но когда начали стремительно темнеть страницы, расположенные после изображения дьявола, то наши специалисты стали тщательно перепроверять всю книгу и снова на них наткнулись. Было решено вернуться к этому вопросу. У вас, возможно, уже есть идеи?

— Ну, про идеи говорить пока рановато. Однако могу вам сказать, что в моей домашней библиотеке имеется издание так называемых «Киевских глаголических листков». Это одна из древнейших старославянских глаголических рукописей, дошедших до нас. Она содержит отрывок из литургии по римскому обряду и считается переводом с латинского оригинала. Рукопись датируется X веком, а вот ее происхождение признается западнославянским — чешским или моравским, на что указывает ряд особенностей языка. Хотя в тех землях славянское богослужение было запрещено начиная с середины XI века, монахи в Богемии хорошо владели славянской письменностью. То есть сам факт появления этих алфавитов вполне объясним. Об остальном поговорим, когда я посмотрю книгу. Мне понадобится ультрафиолетовая лампа и микроскоп.

На следующий день Сергей Михайлович приятно удивил шведов своей пунктуальностью. Ровно в девять утра он был в библиотеке. Хозяева тоже не ударили в грязь лицом — к его приходу все было готово.

Трубецкой начал с того, что тщательно осмотрел основную часть книги. Он еще раз убедился, что тексты, без всяких сомнений, были написаны одной рукой и при этом повсюду использовались одни и те же чернила, изготовленные из красителей растительного происхождения. Однако и то, и другое не сработало, когда дело дошло до славянских алфавитов. В свете ультрафиолетовой лампы было отчетливо видно, что чернила, которыми они написаны, подсвечивают, а значит, сделаны на основе металлов. Кроме того, славянские буквы были выписаны будто наспех, небрежно, в неправильном порядке...

«Стоп! — мысленно сказал себе Трубецкой. — А что тут вообще написано? Густаффсон говорил что-то про алфавиты».

Он взял микроскоп и стал скрупулезно исследовать букву за буквой. То, что он увидел, напоминало средневековое хулиганство. Все буквы глаголицы были странным образом исковерканы, встречались дважды и трижды, был нарушен их порядок. Но самым удивительным было то, что надпись на глаголице оказалась палимпсестом¹⁰. После

¹⁰ Рукопись на пергаменте (реже папирусе) поверх смытого или соскобленного текста.

исследования под микроскопом стало совершенно очевидно, что нынешняя запись сделана поверх более раннего текста, предварительно очень аккуратно стертого. Кириллица же, в отличие от глаголицы, действительно оказалась алфавитом в одном из первоначальных его вариантов и с буквами, расположенными в правильной последовательности. После недолгих размышлений Сергей Михайлович решил детальнее изучить основной текст книги, а к вопросу о записи на глаголице вернуться чуть позднее. Однако затем его осенила идея: снять копии с этих текстов и отправить их по электронной почте Анне в Киев. Так он и сделал, предварительно позвонив ей и попросив внимательно посмотреть, что не так с этими островками славянизма в католической библии. После этого Трубецкой продолжил свою работу.

Когда позвонила Анна и взволнованным голосом начала ему что-то говорить, Сергей Михайлович был так погружен в свои мысли, что поначалу ничего не понял. Но затем она произнесла волшебное имя — Леонардо да Винчи, и Трубецкой сразу сосредоточился.

— Что? Что ты говоришь? Повтори, пожалуйста, еще раз, — сказал он Анне, отодвинув микроскоп в сторону.

— Глаголица записана в зеркальном отражении, и поэтому тебе все буквы кажутся знакомыми, но перекоженными. Таким приемом пользовался для секретного письма Леонардо да Винчи. А что касается кириллицы, то там, по моему мнению, все в порядке. Это просто один из вариантов алфавита в западнославянском исполнении, каких в средние века было множество. Там есть небольшие ошибки, свидетельствующие, что для скриптора буквы кириллицы были не очень хорошо знакомы, но в целом ничего особенного.

Возникла пауза.

— И что это означает? — произнес Трубецкой, все еще до конца не осознавая смысла сказанного.

— Это уже твоя забота, дорогой профессор. Я чем смогла — помогла. Давай заканчивай там и возвращайся. Я по тебе соскучилась.

Подсказка Анны оказалась просто фантастической. Был уже поздний вечер, и поэтому Сергей Михайлович закончил все дела с книгой и поспешил в гостиницу, к трюмо в ванной. Там он взял листок с переписанной абракадаброй на глаголице и поднес к зеркалу. Его супруга оказалась права: все буквы тут же обрели правильное начертание. Трубецкой тщательно их переписал, одну за другой. Но они все равно составляли некую последовательность знаков, которая никак не складывалась в имеющий смысл текст. Одно было абсолютно очевидно: это — не алфавит. Разгадка пришла к нему утром, и при весьма необычных обстоятельствах.

Богемия, 1209 год

Они с Софи больше не встречались, ибо Герман пребывал в чудовищном смятении духа. Все те каноны и правила, которым он следовал на протяжении стольких лет, все то, во что он верил и что казалось незыблемым, теперь требовало каких-то дополнительных усилий, обоснований и доказательств. Он вдруг осознал, что Софи появилась в его жизни не случайно. Во всей этой истории он трижды подвергся искушению и трижды согрешил... В первый раз, дав приют еретичке, которую преследовали по приказу самого Папы. Он повторно согрешил, слушая ее ядовитые речи, и не смог им противиться. Наконец, он

вступил с нею в плотскую связь, предав тем самым обет монашества. Нет и не может быть ему прощения...

Герман потерял сон. Во время службы ему казалось, что в наказание за грехи Господь отторгнул его и теперь не приемлет его молитву. Не в силах больше выносить душевные муки, он решил пойти на исповедь к самому отцу-настоятелю, чтобы покаяться, очистить душу от скверны и искупить свой грех. Ибо нет больших мук для человека, чем муки совести. Покаяние — вот единственное средство для успокоения и спасения души. Так учит Святое Писание, так учили и продолжают учить отцы Церкви.

В назначенный день и час Герман пришел в храм. Он был искренен в своем раскаянии и рассказал настоятелю все как есть. Возмущению последнего не было предела. Такого проступка в истории монастыря не совершал еще никто. Мало того, что монахом сотворен плотский грех, так еще с еретичкой! Если об этом узнают папские визитаторы¹¹, его, без сомнения, сместят, и вообще неизвестно, чем все это кончится... Могут не только сана лишиться, но даже отлучить от Церкви, ибо он — настоятель, и только он лично ответствен перед орденом и Папой за порядок в монастыре и поддержание устава. А Церковь и Папа в те годы были всемогущи и беспощадны. Папа Иннокентий III смог добиться верховенства духовной власти над светской, он назначал не то что аббатов и епископов, а даже императоров, объявлял войны и посылал войска в походы. Это он ввел для духовенства обет безбрачия и требовал неукоснительного исполнения предписаний Церкви.

Все эти мысли в считанные секунды пронеслись в голове настоятеля. «Но есть ведь еще и тайна исповеди», — подумал он. План действий созрел сам собой.

— Ты согрешил, сын мой, — сказал он, обращаясь к Герману, — и согрешил чудовищно. Но Всевышний милостив, и только тот грех не искупаем, в котором раб Божий не раскаивается. Я вижу, что ты всей душой сожалеешь о содеянном, и вот тебе мое слово.

Отныне ты отлучаешься от стола и от совместной молитвы с братьями. Ты будешь принимать пищу последним, из того, что останется после общей трапезы. Братьям будет запрещено входить с тобой во всякое общение. Ты примешь обет молчания и не будешь говорить ни с кем, будь то братия или миряне. Ты также оставишь все остальные работы и вскоре приступишь к написанию Библии, которой еще не видел христианский мир. Ты соберешь в одну книгу Святое Писание, труды Исидора Севильского и Иосифа Флавия, хронику Козьмы Пражского, других ученых мужей... С того дня ты станешь отшельником и не выйдешь из своей кельи, пока не закончишь свою работу. Ты приступишь к труду во имя Господа, как только будет готов пергамент. Я распоряжусь, чтобы тебе дали все необходимое для письма. А до тех пор иди и молись, денно и нощно молись за спасение своей грешной души. *Ora et labora.*¹² Амен.

С этими словами настоятель перекрестил Германа и удалился.

Следующее утро застало Германа в его келье, где он пребывал в самозабвенных молитвах. Он принял наказание достойно и готовился совершить труд, который определил настоятель. Ему не с кем было прощаться в миру перед тем, как удалиться от света, он хотел лишь покоя. Но ему суждено было пройти через еще одно испытание.

¹¹ Визитатор — (лат.) духовное лицо, уполномоченное епископом или генералом ордена на осмотр всех подведомственных ему монастырей.

¹² Молись и трудись (лат.).

По дороге в библиотеку, куда Герман направился, чтобы подобрать необходимые для будущей работы книги, ему встретился брат Сильвестр. Против обыкновения, ибо в монастыре не было принято предаваться праздным разговорам, тот придержал Германа за рукав сутаны и тихо произнес ему на ухо:

— Настоятель вызвал папского визитатора и солдат. Софи схвачена, и сегодня ее, как еретичку, казнят на костре.

Герман ничего не сказал в ответ, только вздрогнул. Новая, неизведанная доселе боль пронзила его сердце. Это была боль от предчувствия невозполнимой потери. И еще тут было замешано предательство, ведь, вызвав солдат, настоятель нарушил тайну исповеди... От бессилия и отчаяния у Германа подкосились ноги, он упал на колени и заплакал. Сильвестр же, сделав свое дело, как ни в чем не бывало отправился восвояси, оставив Германа в смятении. Тот постоял, коленапреклоненный, с опущенной головой, еще несколько минут, затем вдруг очнулся, вытер слезы, поднялся с колен и бросился в деревню. Спасти Софи он не мог, но и не увидеть ее напоследок было выше его сил.

Деревня кишела солдатами, полным ходом шли приготовления к казни. Посреди базарной площади уже вкопали столб, соорудили помост и обложили его хворостом. Герман успел как раз к тому моменту, когда из странноприимного дома вывели Софи. Она шла с гордо поднятой головой. Плотная, гудящая толпа зевак собралась вокруг помоста, но Герман сумел пробраться очень близко. Среди селян бытовала примета, что прикосновение к горбу монаха приносит удачу, и его охотно пропускали вперед. Он не мог ничего сказать, но хотел хотя бы встретиться глазами с Софи, чтобы послать ей мир и прощение. И вот их взгляды пересеклись.

«Не плачь и не грусти, — говорили ее глаза. — Тело есть клетка для души, а смерть — это просто обретение свободы...» — «Прости меня, — отвечал ей мысленно Герман, — я не виноват, что все так случилось, это все настоятель — он предал тайну исповеди. Я ничего не мог поделать и принимаю этот грех на себя... Я буду молиться день и ночь за спасение твоей души...»

Софи взошла на помост, и ее привязали к столбу. Сам аббат подошел к ней, чтобы причастить перед смертью, но Софи лишь плюнула на распятие и рассмеялась.

— Ведьма! — прокричал настоятель, покидая помост. — Еретичка! Гореть тебе в огне адском!

Солдаты подожгли хворост. Герман был совсем близко и видел, как спокойно было лицо Софи даже в тот момент, когда огонь стал подбираться к ее ногам. Она, очевидно, была готова к встрече с вечностью.

Вдруг Софи повернула к нему голову и отчетливо прокричала сквозь дым и огонь:

— Запомни: сатана действует в мире с тем, чтобы у каждого человека был выбор между добром и злом. Всяк час он карает нечестивых и искушает праведных, но он не всемогущ! Есть один день в году — иудеи называют его Йом Киппур¹³, — когда он не властен над людьми. Будь свободным, очисти свой дух, и ты спасешься! Спасешься!

Ее последние слова утонули в треске горящего хвороста и гуле разошедшегося пламени. Герман готов был поклясться, что видел, как белый ангел взлетел над кострищем. Это была

¹³ Йом Киппур (ивр. יוֹם כִּפּוּר, «День искупления»), на русский язык обычно переводится как «Судный день») — в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.

душа Софи, первой и единственной женщины в его жизни. Он отвел глаза в сторону, ибо не смог сдержать слез...

Зрелище казни потрясло Германа. Он не помнил, как вернулся к себе в келью. Ему нужно было побыть одному. Он встал на колени перед висящим на стене распятием и начал молиться, как учил сам Иисус в Евангелии от Матфея: «Господи, Отче наш...» Он произносил молитву медленно, вкладывая в каждую строчку всю душу. И впервые в жизни споткнулся...

Что-то не получалось. Герман никак не мог сосредоточиться. Что может быть проще и величественнее, чем «Отче наш»? Неожиданно что-то в этой молитве его обеспокоило.

«Не введи нас во искушение...» Но разве это Господня забота — вводить нас во искушение? Не сатана ли этим помышляет — искушением? Но тогда почему же мы молим Всевышнего не искушать нас? Не потому ли, что Зло, как и Добро, тоже подвластно ему? Ведь нет же Тьмы без Света... Она для того и существует, чтобы вечно возрождался Свет. Разве не об этом говорила Софи? Как странно это все...»

Герман поднялся с колен. Ему явно сегодня было не по себе, даже молиться как должно не получалось. В душе возникло беспокойство, какая-то тяжесть, даже страх. И тут он почувствовал чье-то присутствие. В келье вдруг наступил леденящий холод, источник которого находился где-то позади него. Герман медленно обернулся и остолбенел от ужаса. Перед ним на висящем в воздухе кресле сидел и нагло усмехался сам... дьявол. Это было зеленое, с кроваво-красным ртом, длинными рогами, когтистыми четырехпальными лапами, закутанное в горностаевую шкуру чудовище. Герман замер. Он хотел перекреститься, но руки будто налились свинцом: не то чтобы поднять — даже пошевелить ими не было никакой возможности. От холода и страха его охватила дрожь. Герман прижался спиной к стене кельи и не сводил глаз с нечистого.

— Разве ты не ждал меня? — спросил дьявол с издевкой в голосе. — Ты ведь должен был догадаться, что настанет день, когда я приду за тобой.

— Кто же тебя ждет, — стуча зубами, с трудом вымолвил Герман, — исчадь ада...

— А кого же ты только что просил не ввести тебя во искушение?

— Я Господу нашему возносил святую молитву, а не тебе, нечистый. Что хочешь ты от меня? Оставь меня, проклятый змий!

— Ну, нет, — дьявол покачал головой, — мы теперь всегда будем вместе, ты и я. Особенно после того, как Софи благодаря тебе отправилась в ад. Грех на тебе неискупаемый.

— Нет! Нет! Я не виноват в этом! Это все настоятель! Чего ты хочешь от меня? — снова вскричал Герман. — Я — простой монах, и даже душа моя ничего не стоит... Но если и она тебе понадобилась — забирай, только не мучь...

— Оставь свои стенания, — ответил незваный гость, скорчив презрительную рожу. — Что мне твоя душа? Есть кое-что поинтереснее. Разве не знаешь ты, что демоны и бесы не только за душами охотятся, но и являются носителями ученого знания? Вот возьми какого-нибудь неуча, — принялся рассуждать нечистый, — преобразившегося однажды во врачавателя или там философа-проповедника, и спроси, а как это с ним приключилось? Все очень просто: простецы совсем не вдруг начинают говорить на разных языках, оказываются сведущими в богословских вопросах, медицине и разнообразных природных свойствах, но потому, что одержимы демонами. Я и тебя направлю на этот путь. Ибо *истина — это познание зла*. Разве ты не этим делом — познанием зла — намереваешься заняться?

— Нет! Я буду писать Библию, там нет тебе места!

— Ну вот, — дьявол покачал головой, — ты невежественен и потому говоришь то, о чем не знаешь. Я — частый гость в Библии. *Daemon est Deus inversus*, — назидательно произнес он. — Дьявол есть обратная сторона Бога. Как говорили древние: где право, там и лево, где перед, там и изнанка... Так как же ты, служа Богу, хочешь без меня обойтись? Все, решительно все имеет обратную сторону. И потом, ты теперь все равно мой, смертный грешник. Ты ведь так и не раскаялся в своих грехах, не так ли?

Это было, как всегда выходит у дьявола, и не правда, и не ложь, а так — неправдивая правда. Герман-то раскаялся, но в то же время с гневом думал о предательстве тайны исповеди настоятелем и с каждой секундой все больше сожалел о своем решении исповедаться. Однако не мог же он так просто согласиться с дьяволом.

— Нет! — вскричал Герман. — Нет! Триста тридцать три раза — нет! Как бы страшно я ни согрешил, я принадлежу Свету, а ты — Тьме!

— Но ведь написано: «Тот, кто создал Свет, создал и Тьму». Ты пал, и я пал, — сказал на это дьявол, — какая же между нами разница?

— Я упал по случаю, а ты, дьявольское отродье, восстал против Господа и справедливо был низвергнут! — Герман наконец смог поднять руку и перекреститься, но дьявол даже не поморщился.

— Так ты ничего не понял? — Дьявол скорчил гримасу и расхохотался. — Ты до сих пор думаешь, что упал «по случаю»? Так запомни: ветви того дуба прочнее железа и сами по себе никогда не трескаются. Гордыня — вот истинная причина твоего падения. Впрочем, как и моего, — снисходительно заметил он.

Герман почувствовал, как его тело покрылось капельками холодного пота. Гордыня — один из семи смертных грехов... Неужели это все были проделки аспида? Дьявол продолжал хохотать. Раскаты его смеха были оглушительны. «А что, если братья услышат и прибегут сюда?» — мелькнула у монаха мысль.

— Да не переживай ты так, — дьявол перестал смеяться и махнул когтистой лапой, — никто ничего не услышит. Они меня не интересуют. Мне нужен только ты.

— Зачем же я понадобился тебе, князь Тьмы? — прошептал Герман. Он едва держался, чтобы не потерять сознание.

— Я всего лишь хочу, чтобы ты с должным усердием выполнил наложенное на тебя наказание, — ответил дьявол, став вдруг чрезвычайно серьезным. — Не для настоятеля, но для меня ты сделаешь то, что навеки прославит меня, а заодно, быть может, и тебя, — таящим угрозой шепотом произнес он. — Ты напишешь самую великую Библию в истории вашего жалкого человечества. И это будет Библия дьявола.

Стокгольм, 2010 год

На следующее утро Сергей Михайлович проснулся очень рано. Ему не спалось. Из головы никак не шла эта странная загадка с двумя алфавитами. Он даже пробовал медитировать, чтобы понять, зачем кому-то могло понадобиться помещать в такой книге, где нет ни одного слова на ином языке, кроме латинского, славянские алфавиты, причем один из них — глаголицу — в зашифрованном виде. Однако медитация ничего не дала, только голова разболелась. Ему пришлось встать, принять холодный душ, выпить кофе и отправиться искать отгадки на свои загадки в Королевскую библиотеку.

Собравшись, Сергей Михайлович вышел из гостиницы и зашагал по направлению к парку Хумлегартен. Перед самым парком он стал переходить дорогу. Она была совершенно пуста, но, как только Трубецкой сделал несколько шагов по проезжей части, неожиданно из-за поворота вылетел синий «СААБ». Тормозной путь шведского автомобиля оказался на несколько миллиметров длиннее, чем этого хотели бы водитель и Трубецкой. В результате машина слегка толкнула Сергея Михайловича и он с небольшими ушибами оказался на асфальте. Трубецкой не успел опомниться, как из машины выпорхнула очаровательная молодая женщина и кинулась к нему. Она затараторила что-то по-шведски.

Сергей Михайлович, морщась и потирая ногу, все же нашел в себе силы сказать ей относительно спокойно, что по-шведски он не понимает.

— Простите, ради Бога, вы не ушиблись? Вы в порядке? — Девушка мгновенно перешла на английский.

— Да вроде бы все на месте, — ответил Трубецкой, поднимаясь. При прочих равных условиях он, конечно же, высказал бы ей все, что думает по этому поводу, благо великий и могучий русский язык позволяет в деталях описать самые тонкие ощущения человека, пострадавшего в такой дурацкой ситуации, однако сдержался. Ибо девушка была просто очаровательна.

Нарочито прихрамывая, Трубецкой проковылял до ближайшей лавочки, где присел вроде как для того, чтобы прийти в себя. В действительности он отделался легким испугом и мог бы преспокойно отправиться дальше по своим делам, но какой же нормальный мужчина упустит возможность познакомиться с такой красавицей-шведкой? Та, в свою очередь, убрала машину с дороги, припарковалась недалеко на «аварийке» и под села к нему.

— Я очень сожалею о случившемся, — сказала она и протянула ему руку. — Меня зовут Маргарет.

— Очень приятно. — Сергей Михайлович оставался джентльменом. — Меня зовут Сергей.

— Сергей? — переспросила она. — Это славянское имя. Вы из России?

— Нет, я из Киева.

— А-а-а, да, я знаю, когда-то бывала в тех краях, — протяжно, с акцентом произнесла Маргарет, — хотя это было довольно давно. Я могу что-то для вас сделать? Отвезти вас к врачу?

— Нет, спасибо. Мне уже значительно лучше. Больше испуга, чем каких-либо проблем со здоровьем.

— Ладно, — как-то легко согласилась Маргарет. Она встала и протянула ему карточку. — Тут есть мой телефон. Если вы все же будете нуждаться в помощи, позвоните. Мне очень неудобно, что я доставила вам такие неприятности.

Она направилась к машине. Трубецкой проводил ее долгим взглядом, ибо воистину было на что посмотреть. Лишь затем он обратил внимание на карточку. Там было написано: «Маргарет Херманн. Мастер рейки. Духовные практики. Спиритические сеансы. Тел. + 46 (8) 666-МАРГО». При взгляде на номер ее телефона Сергея Михайловича как будто молния ударила. Он вдруг вспомнил, что не только в Швеции, но и в других странах, особенно в Соединенных Штатах, существует традиция записывать телефонные номера буквами. Так делали когда-то и в СССР. Но все это — недавняя история, а ведь в древности и иудеи, и греки, и славяне тоже использовали буквы — в том числе глаголицу и кириллицу — для записи цифр. Как же он мог об этом забыть!

Дорожное происшествие тут же вылетело из головы. Трубецкой поднялся с лавочки и, слегка прихрамывая, — все же столкновение давало о себе знать — поспешил в библиотеку. Там он взял записанную после применения «зеркальной» технологии последовательность знаков глаголицы и заменил их соответствующими цифрами. Затем вместо получившихся цифр он записал буквы кириллицы в соответствии со вторым имеющимся в кодексе алфавитом. То, что у него вышло в результате, напоминало эпизод из детективной истории о Шерлоке Холмсе «Пляшущие человечки». Текст в приблизительном переводе со старославянского гласил:

«Ищи ответ на Каменном мосту. Иезуит хранит его».

Сергей Михайлович почувствовал себя изнеможенным. Так бывает, когда после яркой вспышки сознания наступает упадок сил. В ту секунду он не мог понять, что произошло. Необходимо было сосредоточиться.

Ответ на какой вопрос следовало искать? И где находится Каменный мост? В каком городе, стране? При чем тут еще и какой-то иезуит? Сергей Михайлович провел несколько минут в глубоких размышлениях. Похоже, что все надо было начинать заново. Трубецкой решил, что прежде всего стоит познакомиться поближе с Обществом Иисуса и выяснить, не пересекались ли пути иезуитов и Библии дьявола.

Орден иезуитов был основан 15 августа 1534 года, когда в Париже, в часовне Монмартрского собора Игнатий Лойола, Франциск Ксаверий, Петр Фабер и четверо других монахов приняли клятву посвятить свои жизни Богу и учредили Общество Иисуса — Орден иезуитов, члены которого подчинялись бы только Папе Римскому. Именно они должны были стать самыми ревностными хранителями и защитниками чистоты католической веры. В течение последующих двух веков иезуиты при поддержке Ватикана приобрели чрезвычайную власть и влияние как в духовной, так и в светской жизни средневекового общества.

«Нельзя исключать, что такой документ, как Библия дьявола, могла их по-настоящему заинтересовать. Наиболее яростные ревнители католицизма неминуемо сожгли бы эту книгу на своих кострах, если бы добрались до нее, а она жива и поныне...» — размышлял Сергей Михайлович. Ему не составило труда установить, что оба монастыря, имевших отношение к ранним годам существования Библии дьявола — в Подлажице и в Седлеце, — были разрушены во время гуситских войн еще в 1421 году, то есть за столетие до возникновения Ордена иезуитов. Видимо, поэтому во второй половине XVI столетия книга оказалась в библиотеке крупного бенедиктинского монастыря в Бревнове, а потом была перевезена в Прагу королем Рудольфом II. Имеются свидетельства, что Рудольф, хотя и был католиком, иезуитов терпеть не мог. Это означало, что верные слуги Папы Римского могли до нее и не добраться. С другой стороны, расшифрованная Трубецким надпись никак не напоминала случайный текст. Это было искусно составленное кем-то тайное послание, причем сделано оно было не в XIV веке, а значительно позже, ибо первоначальная надпись на глаголице была стерта. Однако кем и когда — установить было невозможно. Другой бы впал в отчаяние, но Сергей Михайлович считал себя опытным бойцом. Он знал, что в таких случаях лучший способ — оставить все как есть и дать возможность событиям самим течь по predeterminedенному свыше руслу. А там что-нибудь да и обнаружится.

Перед тем, как покинуть библиотеку, он заглянул к Густаффсону. Директор Королевской библиотеки был просто в восторге от открытия Трубецкого, однако не имел ни малейшего понятия, о каком Каменном мосте могла идти речь в зашифрованном послании.

Во всяком случае, он авторитетно заверил Сергея Михайловича, что в Стокгольме сооружений с таким названием нет и никогда не было.

К вечеру надо было определяться с ужином. Трубецкой обдумал все еще раз и набрал номер телефона на карточке. Маргарет ответила сразу, будто ждала его звонка.

— Приезжайте ко мне, — сказала она просто, — тут и поговорим. Она назвала адрес.

Через час Сергей Михайлович был у калитки ее дома на улице Провидения, 23. На звонок откликнулись сразу. Ажурная металлическая калитка в высокой каменной стене отворилась, он вошел внутрь и оказался в чудесном, не по-шведски заброшенном саду. Сюда не проникал шум города, вокруг все было увито плющом и диким виноградом, росли диковинные деревья, а к дому вела выложенная камнем дорожка. Маргарет, очевидно, ждала его и сама открыла дверь.

— Прошу, проходите, — приветливо произнесла она. — Как вы себя чувствуете? Как нога?

— Спасибо, — Трубецкой вручил ей небольшой букет цветов, ибо не мог и помыслить прийти в гости к даме с пустыми руками, — со мной все хорошо. У вас чудесный сад.

— Да, это моя слабость. Мне нравится, чтобы все было, как в старину, но хорошего садовника теперь не сыскать. Стокгольм — город из камня. Все приходится делать самой.

Они прошли в гостиную, где горели свечи, на столике в ведерке со льдом стояла откупоренная бутылка вина, а на столе — сыр, фрукты и орехи. Комната была обставлена современной мебелью — просто, но с большим вкусом.

— На вашей карточке указано, что вы занимаетесь духовными практиками, — сказал Сергей Михайлович, принимая приглашение присесть в удобное глубокое кресло. Маргарет налила ему и себе вина, протянула бокал Трубецкому и тоже присела.

— Да, это правда. Я люблю открывать новые горизонты. По моему мнению, духовные возможности человека в буквальном смысле безграничны и далеко превосходят все то, о чем знает современная наука. Например, я уже не раз убеждалась, что при соответствующих условиях специально подготовленный человек может видеть как прошлое, так и будущее.

— Ну, насчет будущего не уверен, а вот о прошлом узнать кое-что я бы не отказался. — Сергей Михайлович допил вино и поставил пустой бокал на столик.

— Вас что-то конкретное интересует?

— Ну, вы же медиум, так давайте поставим чистый эксперимент. Сможете определить, что меня больше всего сейчас занимает? Согласны?

— Конечно.

Маргарет отставила свой бокал, из которого едва сделала один глоток, поднялась с кресла и пригласила Трубецкого сделать то же самое. Ему пришлось снять пиджак, ослабить узел галстука и разуться. Потом она усадила его напротив себя на ковер и попросила принять удобную для медитации позу. В отличие от стройной и гибкой девушки долговязому Сергею Михайловичу это было сделать непросто, но раз сам попросился, пришлось постараться. Маргарет протянула руки, взяла его за запястья и закрыла глаза. Она стала что-то тихонько напевать, чуть-чуть раскачиваясь в такт мелодии. Сергей Михайлович ощутил, как кисти рук стали теплыми, затем тепло распространилось вверх до предплечий. Его веки отяжелели и сами по себе закрылись. Он впал в транс.

Когда Трубецкой пришел в себя, то увидел, что Маргарет снова перебралась в кресло. Она ела орехи.

— Простите, но после сеанса мне необходимо восстановить силы, — произнесла Маргарет. — Как вы себя чувствуете?

— Как после глубокого сна. Я долго отсутствовал?

— Это как сказать. — Девушка рассмеялась. — Если физически — то минут пятнадцать, а если духовно — то, может быть, и века, кто знает...

Сергей Михайлович чувствовал себя неловко. Его подташнивало, и у него кружилась голова.

— Вы знаете, это все было очень любопытно, но я, пожалуй, пойду.

Он встал с ковра, обулся, взял пиджак и, слегка покачиваясь, направился в прихожую.

Маргарет поднялась, чтобы его проводить.

— Мне все же несколько обидно, — сказала она, когда Сергей Михайлович уже приоткрыл входную дверь, — что вы даже не поинтересовались, удалось ли мне что-нибудь узнать.

— О Боже, — Трубецкой смутился, — вы абсолютно правы. Я совершенно забыл, зачем приходил! Прошу прощения, я немного не в себе. Так как там, в тонких мирах?

— В тонких, как вы говорите, мирах считают, что вас сейчас больше всего на свете занимает некая книга, старинная, надо полагать, ибо с ней связано множество загадок. Так вот вам подсказка свыше, которая должна помочь найти ответы на некоторые вопросы: Каменный мост — это в Праге.

Богемия, 1229 год

Минуло двадцать лет. Герман, в соответствии с данным им обетом, провел их в уединении, непрерывно, день и ночь работая над огромной Библией, которая должна была стать искуплением всех его грехов. Книги из монастырской библиотеки, служившие для него источником священных и энциклопедических текстов древних авторов, одна за другой переключивались с левой стороны стола на правую, где Герман держал отработанный материал.

Глаза скриптора, прежде красные и воспаленные, привыкли за этот немалый срок к постоянному полумраку, царившему в келье, и даже уже не слезились. Они просто перестали хорошо видеть, и ему оченьгодились специальные увеличительные стекла, переданные настоятелем, через которые все буквы казались больше и были видны отчетливее. Со дня затворничества Герман не видел своего отражения в зеркале, а он сильно постарел — еще больше сгорбился, кожа приобрела землистый оттенок, волосы поседели и стали редкими. Но все это не имело никакого значения. Накануне он как раз закончил 289 страницу будущей книги, изобразил во всем его величии Небесный Иерусалим — Царство Божие и начал новый день с того, что долго и с удовольствием рассматривал свое удивительное творение. Он многому научился за это время: смешивать краски, выбирать пропорции и цветовую композицию. Буквы латинского письма ложились аккуратно, строчка за строчкой на предварительно разлинованные страницы. Но самое важное заключалось в том, что все эти годы дьявол не беспокоил его — ни во сне, ни наяву. Герман уже решил, что богоугодное дело, которое он избрал для себя, и строжайшее соблюдение Божьих заповедей на протяжении всех этих лет отторгнули от него князя Тьмы. Закончить в благостном

спокойствию дело всей жизни было пределом его мечтаний, абсолютным блаженством для души.

Однако пора было приступать к работе.

Прежде чем сесть за стол, где были разложены уже разлинованные листы пергамента, чернила, перья и краски, Герман, как обычно, произнес молитву. Затем он перекрестился и уже хотел было подняться с ложа, на котором сидел, как почувствовал сзади чье-то горячее как огонь прикосновение. Герман вздрогнул от дурного предчувствия. Он сидел неподвижно, боясь обернуться, и чувствовал, как по его волосам, шее, спине разливается обжигающее пламя.

— Герман, — раздался сладкий, нежный женский голос, — здравствуй, любимый мой...

Этот голос он уже когда-то слышал. Софи! Господи, это же был ее голос! Он резко обернулся. За спиной никого не было. Он посмотрел по сторонам, заглянул под ложе. Никого.

— Я здесь, любовь моя, — снова раздался сладострастный шепот.

Герман медленно поднял глаза. Из дальнего угла кельи на него смотрели два горящих уголька. Они приблизились, и в свете лампы из темноты отчетливо проступила зеленая рожа дьявола...

— Я здесь, Герман, иди ко мне, — произнесли дьявольские губы, но в ушах Германа звучал сладкий голос Софи.

Дьявол расхохотался.

— Что, хотелось бы в рай, да старые грехи не пускают?

— Зачем ты снова пришел? — Герман в отчаянии закрыл лицо руками. — Мне так спокойно было без тебя, оставь меня, я тебе ничего не должен.

— Я никогда о тебе не забывал. Просто занят был, — перестав хохотать, сказал дьявол. — Помогал Папе Римскому справляться с катарами и альбигойцами. Да и очередной крестовый поход нельзя было оставить без внимания. Потрудились на славу. Пролитой крови надолго хватит. Двадцать лет отдал как один день, чтобы искоренить ересь. Должен признаться, подустал.

— Ты помогал Папе Римскому искоренять ересь? Как такое может быть?

— Мне все равно, кто вершит зло. Но где зло, там и я. И потом, обидно, что катары считают меня Богом Ветхого Завета. Не такой уж я и ветхий...

— Чего ты хочешь? Оставь меня! — повторил Герман.

— Не раньше, чем ты сделаешь то, для чего я все это задумал. — Дьявол замолчал, а затем со значением в голосе произнес: — Следующим рисунком в этой книге будет мой портрет.

— Нет! — вскричал монах. — Нет, никогда!

— Никогда не говори «никогда», — злобно прошипел князь Тьмы. — Ты, смертный человек, из праха создан, в прах и обратишься, и ты никакого понятия не имеешь ни про Вечность, ни про «никогда»! Жалкий кусок глины, возмнивший себя Божьим творением! Хотя, — дьявол вдруг снова заговорил сладким женским голосом, — если тебе приятнее так... — Он вдруг обернулся прекрасной обнаженной женщиной. — Или так... — И предстал в виде светлого ангела. — А хочешь, могу и так... — Перед Германом стоял, а точнее, парил в воздухе сам Христос.

Герман, в ужасе забившись в угол кельи, неистово крестился.

— Перестань тратить на это время. — Демон снова принял свое обличье. — У меня еще есть дела. Встань и продолжи свою работу. С этого момента время для тебя не сдвинется с места, пока ты не закончишь. Ибо завтра — Судный день, Йом Киппур, и я не уверен, что Всевышний Творец оставит твое жалкое имя в Книге Жизни. А вдруг Он решит, что тебе уже пора на покой? Как известно, пути Господни неисповедимы, а мне нужно, чтобы ты закончил то, что было задумано.

Йом Киппур! В памяти Германа отчетливо всплыли слова Софи о том, что дьявол не властен в этот день над человеком. Значит, спасение было уже близко.

И в этот момент он почти физически почувствовал, как непонятная черная тень вдруг просочилась сквозь сутану и мертвой хваткой сжала его сердце. В глазах Германа потемнело, он охнул, схватился за грудь и пошатнулся...

— То-то же, — прошипел где-то вдалеке дьявол, — даже и не помышляй ослушаться меня, не то накажу так, что все семь кругов ада покажутся тебе садом Эдема...

Герман не мог больше противиться злу. Это было выше его сил. Он покорился. Боль отступила, и он взялся за работу.

Когда портрет дьявола был закончен, Герман в изнеможении отодвинул от себя пергамент и прислонился спиной к прохладной стене кельи. Нечистый будто ждал этого мгновения. Он приблизился к столу, с удовлетворением, если только такое чувство может выражать лицо дьявола, взглянул на портрет и произнес:

— Хорошо! А теперь ты запишешь слово в слово все, что я скажу тебе.

И дьявол стал диктовать. Это были пророчества о грядущих страшных событиях, ожидающих человечество через тысячу лет, о войнах и смутах, о смертях телесных и о духовном падении людей. Девятнадцать стихов, девятнадцать картин ужасного будущего уместились на восьми пергаментных листах. Герман был в изнеможении, ибо воистину смертный человек имеет лишь малые силы для зла, потом они неминуемо истощаются и он просто уходит...

Когда пророчества были записаны, силы оставили Германа, он уронил голову на стол и потерял сознание. Он пребывал в забытьи неведомо сколько времени, а когда очнулся, то снова увидел перед собой разгневанного дьявола, который вскричал:

— Когда ты наконец закончишь свою Библию? Я не могу больше ждать!

Удивительно, но этот сон — или что-то другое, случившееся с ним, — вернул Герману силы.

— Ты сказал, что время не сдвинется с места, пока я не закончу, — твердо произнес он. — Тогда не торопи меня. Я больше не стану с тобой говорить! Мне нужно писать.

Герман взял перо и, больше не обращая внимания ни на что, принялся за работу. Он страстно хотел отомстить дьяволу за то насилие, которое только что испытал, и потому сразу после дьявольского пророчества написал раздел про заговоры против нечистой силы и заклинания для экзорцизма. Затем — медицинские рецепты, календарь праздников и список монахов, населяющих монастырь. В конце Книги он вывел: «Герман Отшельник, 1229 год».

Все 640 листов пергамента были исписаны. Герман сложил их стопкой один на другой и увидел, что труд, который он завершил, был бы неподвластен никакому человеку. «Что ж, с Божьей помощью, или с дьявольской, но я это сделал!» — подумал он с гордостью. Герман поднял голову и посмотрел в темноту, где, как он предполагал, все это время прятался нечистый.

— Я исполнил то, что ты хотел, — сказал он. — И теперь ты можешь взять мой труд, но ты никогда не получишь мою душу!

В эту секунду за монастырскими стенами раздался петушинный крик. Наступил Йом Киппур. Монах встал, бережно погладил рукой книгу — труд всей его жизни — и впервые за двадцать лет вышел из кельи. Ему было уже совсем не страшно, когда за его спиной взвыл от гнева и бессилия дьявол. То, что Герману еще надлежало совершить, теперь казалось самым простым из всего, что ему пришлось пережить в жизни. Страх боли и наказания превысил в его душе страх смерти.

Герман поднялся на столь хорошо знакомую монастырскую колокольню. Было еще темно, но где-то вдалеке уже зарождалось утро. Глаза монаха, отвыкшие от света, щурились на едва показавшиеся из-за горизонта розовые лучи солнца.

— Я больше не принадлежу ни Богу светлому, ни тебе, князь Тьмы. Я — свободный человек! Свободный! — только и прошептали на прощание его губы.

Герман перекрестился и с улыбкой на устах шагнул вниз.

Он так и не узнал, что, пока он писал свою книгу, по приказу Папы Иннокентия III только в Лангедоке были методично истреблены сотни тысяч людей. В 1229 году на Тулузском соборе Римской католической церкви были установлены строгие правила относительно розыска еретиков-альбигойцев и их наказания, а через три года Папа Григорий IX учредил специальный суд для расследования альбигойской ереси под эгидой доминиканцев — «псов Господних». Позже этим станут заниматься иезуиты. Так что смерть Софи, которую Герман искупал всю свою жизнь, была на самом деле вовсе не его грехом. Она легла на совесть тех, кто, прикрываясь именем Бога, во имя абсолютной власти уже погубил и еще готовился погубить многие тысячи невинных душ.

Прага, 2010 год

После Киева из европейских столиц Прага была самым желанным городом для Трубецкого. Что тут еще скажешь: удивительно уютный, утопающий в зелени и с потрясающей архитектурой город. И, уж конечно, среди всех его исторических жемчужин самой, наверное, знаменитой достопримечательностью является Карлов мост через Влтаву, соединяющий Пражский Град и Старое Место. Построенный в начале XV века по приказу короля Карла IV, он видел и пережил многое. Именно через него в 1420 году войска гуситов прорвались в Малую Сторону, а в 1648 шведы атаковали Прагу. Множество легенд связано с этим мостом, и одна из них гласит, что его помог построить сам дьявол, ибо ни время, ни войны, ни наводнения оказались над ним не властны.

Тонкую подсказку Маргарет по поводу Каменного моста Трубецкой успел оценить, еще пребывая в Стокгольме. Дело в том, что у знаменитого пражского Карлового моста был предшественник, который сначала назывался Юдифин мост, затем — Каменный. Карловым он стал лишь в XVIII веке. Когда это выяснилось, Сергей Михайлович поспешил поделиться своими открытиями с Конрадом Густаффсоном. Тот только покачал головой.

— Видите, без специалиста по славянским рукописям загадку с алфавитами разгадать было бы просто невозможно. Я рад, что мы не ошиблись, пригласив вас. Но все равно остается главный вопрос: кто и зачем вырезал восемь листов из книги? Что на них было написано?

— Честно говоря, — Сергей Михайлович был откровенен, — я пока не представляю. Однако думаю, что искать ответы на эти вопросы, как гласит странная надпись в книге, теперь следует в Праге.

— Уверен, что вы правы, — ответил на это Густафсон, — и библиотека будет рада покрыть все ваши расходы на эту поездку. Дайте мне только сутки, чтобы все организовать.

Трубецкой вылетел в Прагу, как и обещал Конрад, через день. Чутье подсказывало ему, что развязка этой истории уже близка. Лишь одно обстоятельство не давало ему покоя все дорогу до чешской столицы — странное исчезновение Маргарет. Дело в том, что буквально на следующий день после их совместной медитации Трубецкой решил еще раз навестить ее, чтобы поблагодарить за подсказку и продолжить знакомство. Однако все попытки дозвониться до Маргарет оказались тщетными. Тогда он взял такси и отправился на улицу Провидения, 23. Калитка была на месте, как и прежде, однако на звонок долго никто не отвечал. Затем калитка приоткрылась и из-за нее выглянул пожилой слуга в рабочей одежде. Сергей Михайлович попытался объяснить, что ему нужна Маргарет, но тот лишь мотал головой и пожимал плечами, показывая, что он ничего не понимает, а в доме никого нет. Когда же слуга с трудом выдавил из себя пару слов на английском, Трубецкой понял, что перед ним — садовник, который, однако, про Маргарет ничего не знает. Что же, одна загадка сменила другую, но на эту время тратить было жалко. Сергей Михайлович вернулся в отель, скоротал вечер за размышлениями о Библии дьявола, а на следующий день, уже к обеду, был в Праге.

Столица Чехии приняла его в свои объятия с нежностью, характерной для городов, которые любят, — и они любят в ответ. Он остановился в гостинице «Пирамида», привел себя в порядок и пешком отправился в сторону Влтавы. От отеля по прямой до Пражского Града и Карлового моста — всего ничего.

Прогулка придала Сергею Михайловичу бодрости. Спустившись мимо Града вниз, к реке, он наконец ступил на мост. На Карловом мосту легко потерять голову — так он красив и необычен. Одного взгляда на этот музей под открытым небом было достаточно, чтобы понять и вторую часть расшифрованной им в Стокгольме подсказки, — насчет «иезуита». Очевидно, представителя «Общества Иисуса» следовало искать среди установленных на мосту скульптур. Поэтому для начала Сергей Михайлович решил не спеша, тщательно осмотреть все находящиеся на мосту композиции и попытаться определить, какая из них может претендовать на роль таинственного «хранителя».

Мимо него то и дело проходили группы туристов со всего мира. Их было так много, что мост напоминал разноцветный муравейник. И вот, пробираясь мимо столпившихся возле скульптуры покровителя Праги Яна Непомуцкого то ли британцев, то ли американцев, его взгляд случайно упал на сопровождающего их экскурсовода. Трубецкой обомлел, враз забыв о скульптурах, ибо перед ним стояла и о чем-то увлекательно рассказывала... Маргарет. В какой-то момент их глаза встретились, однако девушка продолжала говорить как ни в чем не бывало. Сергей Михайлович решил проследовать за группой, чтобы в удобный момент все же объясниться с ней. Слишком удивительной и неожиданной была эта встреча на пражском мосту.

— Много легенд связано с Карловым мостом, который прежде назывался Каменным, — говорила профессиональным, заученным тоном Маргарет, пока группа туристов и примкнувший к ним Трубецкой поднимались на Староместскую мостовую башню. — Одна из них гласит, что во время его строительства воды Влтавы все время сносили уже

сложенные каменщиками опоры и это в конце концов вызвало гнев короля Карла. Тогда архитектор моста в отчаянии заключил сделку с дьяволом, которому в обмен на помощь посулил душу первого прошедшего по мосту. И вот удивительным образом опоры удалось установить, мост был построен, и назначен день его торжественного открытия. Королевская процессия спустилась со стороны Града на берег и готовилась перейти через мост. Архитектор не мог сознаться в сговоре с самим дьяволом и в ужасе думал о том, что произойдет с первым, кто пройдет по мосту. А если первым пожелает быть сам король? И вдруг он заметил, как из стоящей на берегу толпы вышел одетый в черную сутану монах. Он был горбат и прихрамывал, но именно он первым прошел по мосту. Да так при нем навсегда и остался.

С этими словами она указала на странную скульптуру, что стояла в конце лестницы на самом верху. Это была фигура сгорбленного старика в монашеском одеянии. Скульптура сильно пострадала от времени, но детали выразительного образа монаха были все еще четко различимы.

— Никто не знает, как его звали и почему именно он оказался на мосту первым, но чью-то душу он спас, — так закончила свой рассказ Маргарет. — А сейчас, — громко объявила она, — вы можете сделать фотографии и купить сувениры. Встречаемся внизу, у выхода из башни через пятнадцать минут.

Туристы разошлись. Трубецкой решил, что момент настал, подошел к экскурсоводу и, стараясь быть приветливым, сказал:

— Здравствуйте, Маргарет. Я вас искал, но вы так неожиданно покинули Стокгольм... Я хотел поблагодарить вас за помощь, ведь ваша подсказка оказалась как нельзя более кстати... Я не знал, что вы работаете еще и экскурсоводом.

При этих словах девушка посмотрела на него с таким выражением лица, что Сергей Михайлович едва не поперхнулся.

— Простите, но вы меня с кем-то путаете, — холодно произнесла она. — Меня зовут Кристина, и я никогда в жизни не бывала в Стокгольме, к сожалению. Соответственно, вам не за что меня благодарить.

Трубецкой почувствовал себя крайне неловко. Он готов был поклясться, что перед ним стояла Маргарет, и в то же время ее взгляд и голос вполне естественно передавали искреннее возмущение. Бейдж на красиво очерченной груди девушки гласил: «Кристина Подлущка, экскурсовод».

— Я заметила, что вы следуете за группой. Я, в принципе, не возражаю, но нам скоро ехать. Мне нужно подготовить автобус. Простите.

Кристина, или Маргарет, это уже было не столь важно, еще раз окинула Трубецкого ледяным взглядом и направилась по ступеням вниз. Сергей Михайлович и каменный монах остались на вершине башни вдвоем. «Наваждение какое-то», — подумал Трубецкой. Он постоял еще пару минут, а когда площадка вновь стала заполняться очередной группой туристов, тоже отправился вниз, на мост. Видимо, с девушкой-экскурсоводом он просто обознался, однако задачу по поиску «иезуита» никто не отменял.

Более ни на что не отвлекаясь, он дважды прошелся по мосту, внимательно осматривая украшающие его скульптурные композиции. Тридцать скульптур, разбитых на пятнадцать пар, расположенных равномерно по всей длине моста, почернели от времени, но не утратили изящества и ореола тайны. Он задержался возле святых Кирилла и Мефодия. Это была единственная скульптура на мосту, посвященная православным святым, и, как гласила

надпись возле композиции, она была установлена буквально перед Второй мировой войной, то есть, в отличие от остальных скульптур, относительно недавно. Рядом с Кириллом и Мефодием пожилой чех продавал мелкие сувениры.

— Прошу прощения, что беспокою вас, — обратился к нему Трубецкой, — но, может быть, вы знаете, почему эта скульптура установлена намного позже остальных?

— Пожалуйста, — вежливо ответил чех. — Да, я знаю, я много лет здесь работаю. На этом месте до Кирилла и Мефодия была скульптура святого Игнатия Лойолы, но однажды ее смыло во время сильного наводнения. Тогда водой разрушило две арки моста с этой стороны, и их долго восстанавливали. — Чех встал со своего стульчика и показал, где именно были разрушения. — Вот здесь и здесь. Я даже слышал, что когда ремонтировали арки, то внутри их что-то нашли и забрали в Национальный музей, — продолжил он. — Я думал, это меч рыцаря Брунцвика. Знаете, есть у нас в Чехии такая легенда, что его меч замурован в кладке этого моста, но никто не знает где. Говорят, что однажды, когда придут на чешскую землю тяжелые времена, выедет святой Вацлав во главе браничных рыцарей, чтобы помочь, и тогда на Карловом мосту его конь споткнется о камень. А под вывернувшимся камнем обнаружится славный меч Брунцвика. Святой Вацлав его вытащит и воскликнет: «Всем врагам Земли Чешской склонить головы!». И с тех пор воцарится в Чехии мир и покой навсегда.

Сергей Михайлович поблагодарил чеха за рассказ, хотя слушал он его в пол-уха. Какой там меч Брунцвика! Детские сказки! Ведь генерал Игнатий Лойола — это легендарный основатель Ордена иезуитов! И если в арках моста, вблизи того места, где стояла его скульптура, что-то нашли, то это может быть... Трубецкой буквально бегом кинулся в Национальный музей — Клементинум. По дороге он позвонил Конраду Густаффсону в Стокгольм и попросил поддержки.

— Конрад, вы ведь недавно контактировали с пражским музеем по поводу выставки Codex Gigas, — говорил он на бегу, — вы не могли бы мне помочь со связями? — Трубецкой остановился перед трамвайной линией в ожидании светофора и кратко изложил Густаффсону свои подозрения. Тот сразу все понял.

— Хорошо, доктор Трубецкой, я сейчас постараюсь найти для вас контакты в музее, — с легким скандинавским акцентом, который у него усиливался при волнении, сказал доктор Густаффсон. — Позвоните мне, когда доберетесь туда.

Конрад выполнил свое обещание. В Клементинуме Сергея Михайловича ждали и, когда он рассказал о своей просьбе, сразу провели в отдел рукописей. Там Трубецкого попросили подождать. Через четверть часа приятный молодой служащий отдела по имени Ян принес бережно завернутый в ткань кожаный цилиндрический футляр, похожий на те, в каких обычно хранят карты или чертежи. Он открыл футляр и аккуратно извлек на свет восемь пергаментных листов, отлично сохранившихся в столь подходящей упаковке. Листы были такого размера, что у Трубецкого практически не оставалось сомнений, — они вполне могли быть из Библии дьявола. Ян аккуратно развернул их и разложил перед гостем. У Сергея Михайловича от нетерпения заныло под ложечкой. Он склонился над первой страницей. Потом отложил ее в сторону и бегло просмотрел вторую, третью, четвертую... Разочарованию Трубецкого не было предела. На лежащих перед ним восьми листах был написан... устав святого Бенедикта — основателя Ордена бенедиктинцев! Как рассказал Ян, судя по анализу чернил, запись датировалась XVI—XVII веками. В таком документе не было ничего сверхнеобычного, и именно поэтому находка была расценена музейными экспертами

как пусть и странный, но рядовой артефакт, который может заинтересовать ну разве что исследователей средневековых монашеских орденов. Очевидно, ни о какой возможной связи этих страниц со знаменитой Библией дьявола в Праге не подозревали.

Как и Трубецкой не подозревал о том, что сразу после их разговора «экскурсовод Кристина Подлуцка» спустилась вниз башни, зашла в женскую комнату, достала из сумочки косынку и темные очки, надела их, сняла бейджик и после этого направилась вовсе не к автобусу с туристами, а к поджидавшему ее возле башни автомобилю. Водитель вышел, отдал ей ключи, а сам поспешил на мост и неотступно следовал за Трубецким, пока тот осматривал скульптуры, а затем — до самого музея. Убедившись, что Сергей Михайлович застрял там надолго, он переговорил с кем-то по мобильному телефону, взял такси и укатил в неизвестном направлении.

Богемия, средние века

О гибели Германа в монастыре узнали не сразу. О нем вообще редко вспоминали в последние годы, однако, когда один из братьев, принесший отшельнику еду, обнаружил пустую келью, он немедленно известил об этом аббата. После недолгих поисков тело скриптора, лежащее неподвижно у подножия колокольни за монастырскими стенами, было обнаружено. Настоятель приказал подготовить Германа к погребению как самоубийцу, то есть без надлежащих по церковному канону церемоний, а сам отправился в келью затворника.

Через час приор нашел его там, в безмолвном восхищении рассматривающего невероятный труд, выполненный Германом. Страница за страницей он листал гигантскую книгу и думал о том, каким мудрым был его предшественник. Ибо тот аббат, который наложил на Германа наказание в виде затворничества и написания Библии, скончался восемь лет тому назад. В принципе, новый настоятель мог бы простить согрешившего монаха, однако счел за благо ничего в судьбе Германа не менять. В конце концов, переписывание Библии являлось священной обязанностью монахов и этим в монастыре занимались практически все. Однако сейчас перед ним лежал продукт нечеловеческих усилий. В этом настоятель убедился, как только раскрыл книгу на странице 290-й и в ужасе отпрянул от стола. Со страниц Святого Писания на него смотрел сам дьявол.

Настоятель перекрестился и поспешил захлопнуть книгу. Он приказал двум монахам перенести ее в свою келью, где спрятал в сундук. Теперь ему было ясно, кто помогал Герману создавать свой шедевр.

Германа похоронили тихо, под покровом ночи, за оградой монастырского кладбища. Настоятель прочитал над его телом лишь одну короткую молитву, ибо был уверен, что душа монаха, покончившего с собой, все равно была продана дьяволу, и поэтому нечего тратить на него свои духовные силы. Совсем другая судьба была уготована труду Германа. Долгие годы Библия дьявола, как ее стали называть, была источником искушения для настоятелей Подлажицкого монастыря. Каждый из аббатов просматривал ее с восхищением и гордостью, дивился красоте и мастерству исполнения, подолгу всматривался в изображение дьявола, ужасался его пророчествам и не забывал после произнести заговоры против нечистого. Никто в миру не знал об этой книге, пока не пришел 1295 год, когда из-за страшной засухи само существование монастыря в Подлажице было поставлено под угрозу. Настоятель

решил, что пришла пора избавиться от дьявольской книги, и договорился о ее продаже братству белых монахов — Цистерцианскому ордену. И сделано это было с умыслом.

Еще в 1142 году вблизи городка Седлеце, что неподалеку от Богемских гор, был основан цистерцианский монастырь — первый и главный монастырь этого ордена в Богемии. Его основателем стал Мирослав из Цимбурка — дворянин из окружения князя Владислава II. Поначалу строгость жизни в монастыре поражала и пугала местных жителей, и потому цистерцианцы были очень уважаемыми людьми. Одежда монахов отличалась аскетической простотой, ведь цистерцианцы считали главным благодеянием строжайшее, без малейших послаблений, следование уставу святого Бенедикта и исповедовали крайнюю личную бедность. Узкая, довольно короткая льняная туника без рукавов и с капюшоном, открытые, напоминающие сандалии башмаки и грубые чулки составляли весь наряд. Ели по уставу два раза в день, а мясо, рыба, молочные продукты и даже белый хлеб были из их рациона исключены. Вино же, если и употреблялось, то в самом незначительном количестве, ибо считалось, что монаху его пить не подобает. Стол ограничивался овощами, маслом, солью и водой с хлебом. Отдельных келий у монахов не было. Все спали в общей комнате, освещаемой одинокой свечой, на соломенных матрасах, положенных на доски, и укрывались плащами, которые также служили для укрытия от непогоды. На ночь одежду не снимали и даже не распускали пояса, всегда готовые подняться и идти в капеллу по знаку аббата. «Сон — это потеря времени, — говаривал святой Бенедикт, — и не лучшие ли средства отсечения вожделений плоти — бодрствование и пост?»

День в монастыре проходил строго по уставу: молитвы и труд. На молитвы в общей сложности уходило около шести часов в сутки, остальное время за вычетом недолгого сна посвящалось труду. На утреннем капитуле каждому монаху указывались его дневные задачи. Труд, как предписывал святой Бенедикт, прежде всего был трудом физическим. Его было особенно много в период становления монастыря, когда приходилось рубить и расчищать лес, отстраивать монастырские здания, налаживать земледельческое хозяйство. Однако значительное время уделялось и чтению Священного Писания и других религиозных книг, а также их переписи.

Надо сказать, что монахи-цистерцианцы преуспели не только в физическом, но и в умственном труде. В течение XII века Седлецкий монастырь стал центром изобразительной культуры, которая в те времена так или иначе была связана с библейскими сюжетами, и в нем была собрана великолепная библиотека. Но вот однажды произошло событие, которое во многом предопределило его дальнейшую судьбу. В близлежащих горах нашли серебро, и Седлецкий монастырь стал хозяином его добычи. В основанном на рудниках городе Кутна Гора стали чеканить монеты отличного качества, серебро принесло процветание и... неизбежные войны. Во время военных конфликтов монастырь неоднократно подвергался разрушениям, и впервые это произошло уже в последней четверти XIII века.

Чтобы как-то предохранить монастырь от войн и разрушений, в 1278 году чешский король Отакар II послал аббата Седлецкого монастыря Йиндржиха в Святую Землю на паломничество. Обрато тот привез немного святой земли с Голгофы и рассыпал ее вокруг стен и по кладбищу аббатства. Весть об этом быстро распространилась по всей Богемии и даже в Германии, монастырь приобрел ореол особой святости, а кладбище стало популярным местом захоронения среди жителей городов и деревень. Многие тысячи людей желали быть похороненными именно на этом кладбище. Седлецкий монастырь стал пользоваться особой славой и Божьей защитой, а когда имеешь дело с нечистым, только на нее вся надежда...

Именно по этой причине Библия дьявола была перевезена в Седлеце. Аббат цистерцианцев Гайденрайх с удовольствием выплатил бенедиктинцам крупную сумму серебром за такую редкостную книгу. Лишь пролистав ее от начала до конца, понял он, какую ошибку совершил, когда решил принять Библию дьявола под свое покровительство. В 1318 году на монастырь неожиданно-негаданно обрушилась эпидемия бубонной чумы, и цистерцианцы решили вернуть дьявольскую книгу назад и даже не просить за нее платы. Однако в Подлажице принять Библию дьявола отказались. Монастырь по-прежнему пребывал на грани разорения, и настоятель не хотел брать еще один грех на душу.

Тяжба цистерцианцев с подлажицкими бенедиктинцами закончилась тем, что гигантская книга нашла свое пристанище в другом бенедиктинском монастыре, расположенном в Бревнове, возле Праги. Там она хранилась в тайне почти два столетия, до тех пор, пока в 1594 году ее не перевезли в Прагу по приказу императора Священной Римской империи из рода Габсбургов, короля Германии, Богемии и Венгрии, эрцгерцога Австрийского Рудольфа II.

Седлецкий монастырь был разрушен гуситами в XV столетии. А еще через сто лет какой-то полуслепой монах раскопал знаменитое монастырское кладбище и сложил в огромные пирамиды останки захороненных там более сорока тысяч человек, из которых позднее полоумный художник создал интерьер кладбищенской часовни. Так она и стоит по сей день, украшенная человеческими черепами и костями, и наводит ужас на посетителей.

Совершенно не удивительно, что именно в этих местах в 1480 году родился черный маг и чародей Иоаганн Штястный (по-латыни — Фаустус), который затем переехал в Германию и зарегистрировался там под именем Фауст фон Куттенберг в честь родной Кутной Горы. К кому же, как не к нему, должен был явиться Мефистофель?

Вена, 1581 год

Король Рудольф II слыл умницей, хотя многие считали его сумасшедшим. Так не раз бывало в истории, да и сейчас нередко случается, когда умного принимают за блаженного. Однако Рудольф не просто слыл, он и был признанным ученым. Кроме всех приличествующих императору титулов, его также величали «королем алхимиков», и именно это прозвище было ему особенно дорого. Как для монарха, то его личные качества были редкостным случаем в Европе. Он обладал глубоким умом, сильной волей и интуицией, был человеком дальновидным и рассудительным, однако терпеть не мог заниматься политикой. В годы его правления государственные дела империи пришли в упадок, но при этом сначала в Вену, а более всего — в Прагу, куда он со временем перенес столицу империи, со всей Европы съезжались ученые, художники и поэты. Астрономы Тихо Браге и Иоганн Кеплер пользовались при дворе Рудольфа особым почетом, а алхимики существенно приблизились к открытию философского камня. Когорту исследователей возглавлял сам император, который увлекался не только естественными, но и оккультными науками. Именно этой деятельностью и объяснялся интерес императора к старинным книгам и манускриптам. И к нечистой силе тоже.

— Прибыл Джон Ди, Ваше Величество, — торжественно провозгласил церемониймейстер, распахнув обе створки дверей в королевский кабинет. — Прикажете пригласить?

Король оторвал голову от бумаг. Он только что перенес тяжелый недуг и очень тяготился любыми обязанностями, кроме своих увлечений алхимией, астрологией и магией. Ему не терпелось отложить бумаги с политическими донесениями в сторону и удалиться в Каменную башню, где была оборудована самая современная по тем временам лаборатория, нужен был только достойный повод. Поэтому приезд Джона Ди был как нельзя кстати.

— Филипп, сколько раз я просил вас оставить этот высокопарный тон в моем кабинете. Кричите в тронном зале. У меня от вашего голоса голова болит, — произнес он с легким укором в голосе и страдальческим выражением на лице. Впрочем, он любил Филиппа — старого и надежного слугу, приверженца консервативных взглядов на протокол императора, и прощал ему мелкие вольности.

— Прошу прощения, Ваше Величество...

— Ладно, зови его, — Рудольф махнул рукой, — посмотрим, что за птица эта знаменитая личность.

Речь, между прочим, шла о блистательном английском математике и астрономе, крупнейшем естествоиспытателе того времени, знатоке философии и языков, собирателе старинных рукописей, владельце одной из богатейших личных библиотек, провидце, алхимике и медиуме, слава о котором гремела по всей Европе. Это был эксцентричный человек живого ума, не гнушавшийся, впрочем, и различных фокусов, если они приносили ему славу или деньги, а еще лучше — и то, и другое. Он был знаменит тем, что предсказал царствование Елизаветы I, за что был посажен Марией Тюдор в Тауэр, но после вышел, получил от королевы Елизаветы защиту от преследований инквизиции и стал ее ближайшим советником при английском дворе.

— Ваше Величество! — вскричал вбежавший через минуту в королевский кабинет невысокий худощавый человек лет пятидесяти с седой клиновидной бородкой, в алхимической шапочке, черном сюртуке и с тростью. — Я просто не могу сдержаться, чтобы не поделиться с вами моим новым открытием.

Король не произнес ни слова, просто молча наблюдал. Он остался сидеть, лишь надел шляпу и нахмурился, поскольку высоко ценил королевскую гордость, а вошедший вел себя довольно развязно. Рудольф несколько нервно барабанил пальцами по столу.

— Тайна магического числа двадцать три раскрыта!

— Тайна чего? — переспросил удивленный Рудольф.

— Ваше Величество, — вошедший перешел на шепот, — вы, несомненно, знаете, что именно двадцать три члена Малого синедриона осудили Спасителя нашего Иисуса Христа на распятие. Но мало того, в древних иудейских рукописях Библии сатана упоминается ровно двадцать три раза, а Жак де Моле был двадцать третьим, и последним, Великим магистром могущественного ордена рыцарей Храма. На Востоке говорят, что Коран ниспосылался пророку Магомету через архангела Гавриила на протяжении двадцати трех лет. И прошу обратить внимание: в человеческой руке ровно двадцать три составляющих ее косточки. Но все это — лишь малая часть удивительных свойств этого числа... Так вот, я нашел формулу, которая все объясняет: если три раза взять по три, затем три раза по два и к этому прибавить дважды по три или трижды по два, то выйдет в точности двадцать три! Это абсолютная симметрия! Число, несомненно, обладает магическим смыслом. Я уже не говорю о том, что в греческом алфавите двойке соответствует бета, а тройке — гамма, что дает первую и последнюю буквы слова «бог».

Рудольф, не проронив ни слова, стойчески выслушал весь этот монолог. Затем император решительно встал и раздраженно стукнул рукой по лежащей на столе стопке книг.

— Хватит!

Доктор Ди сразу же замолчал. На его лице появилось выражение смирения и покорности.

— Я пригласил вас не для того, чтобы упражняться в математических фокусах с цифрами! — Король говорил не повышая голоса, но напряженно. — В Вене наслышаны о ваших обширных познаниях и уникальных способностях. — При этих словах Ди поклонился, как бы благодаря императора за комплимент. — Мы поговорим о них позже — всему свой черед. Сейчас меня занимает совершенно другое... — Король сделал паузу. — В империи брожение, бесконечные разногласия между католиками и протестантами стали реальной угрозой порядку, турки насаждают. Прежде всего нас интересуют ваши провидческие таланты, а не арифметика. — Император грозно посмотрел на Ди. — Мне сказали, что вы обладаете неким черным кристаллом, в котором сопровождающий вас медиум по имени Эдвард Келли якобы видит будущее. Это правда, что он общается с... ангелами?

Последние слова король произнес с изрядной долей скептицизма в голосе. Однако Джон Ди вмиг сделался чрезвычайно серьезным. Он снова согнулся в подобострастном поклоне.

— Да, Ваше Величество, это истинная правда. Мы с Эдвардом — к вашим услугам. Однако хотел бы нижайше просить вас... Дело в том, что наши опыты... чрезвычайно чувствительного свойства... Любое стороннее присутствие может помешать. Прикажите выделить нам отдельную залу для занятий, чтобы мы могли подготовить все необходимое и работать в тишине и спокойствии.

— Разумеется, — коротко сказал король. — Но я надеюсь, что мне-то вы покажете кристалл?

— Конечно. — Джон Ди поклонился. — Прикажите, Ваше Величество, впустить Эдварда. Он дожидается за дверями. Кристалл у него.

Рудольф позвонил в колокольчик. Двери вновь распахнулись, и Филипп впустил в кабинет Эдварда Келли, который нес на вытянутых руках внушительных размеров ларец. С первого взгляда на грузную и какую-то нескладную фигуру Келли, его одежду, черную ермолку на голове и манеры складывалось впечатление, что перед вами — простолюдин. У него были маленькие, глубоко посаженные глазки, слегка крючковатый нос и длинные волосы, скрывающие от любопытного взгляда отрезанные уши. Дело в том, что в молодости он промышлял изготовлением фальшивых денег, а затем посмел обмануть одного английского адвоката, изготовив подложный документ. В результате Келли был осужден королевским судом, прикован к позорному столбу и лишился ушей, хотя мог остаться и без головы. Рудольф был осведомлен об этой истории, и, если бы не слава медиума, которая сопровождала Келли, он никогда не принял бы этого проходимца в своем кабинете.

Эдвард Келли неуклюже поклонился королю и поприветствовал его, затем поставил на стол ларец и бережно достал из него нечто завернутое в шелковую ткань. Это был до блеска отполированный черный кристалл с ручкой, сделанный подобно зеркалу.

— Это обсидиан, Ваше Величество, редкостный камень, привезенный из-за океана, — произнес доктор Ди. — Тамошние жрецы таинственного племени майя использовали его для того, чтобы говорить с духами. Келли научился этому редкому искусству. Он также снискал

покровительство князя ангелов Уриэля, который передает Эдварду магические знания на особом языке...

Король взял черное зеркало в руки.

— Осторожнее, Ваше Величество. — Ди изобразил на лице озабоченность. — Вам не стоит заглядывать в него, как бы чего не случилось...

Рудольф с легким раздражением вернул зеркало Келли. Этот англичанин явно допускал себе неподобающие вольности, но он нуждался в их помощи и потому вынужден был терпеть.

— Все необходимые распоряжения уже отданы, — сказал император, всем своим видом показывая, что аудиенция окончена. — Идите и сделайте то, о чем я вас просил. Мне нужно знать будущее империи.

Прага, 1594 год

Император стоял у окна и смотрел на Влтаву. Прошло уже более десяти лет, как он перевел двор в Прагу. Он любил этот город больше, чем Вену, ему все здесь казалось спокойнее и уютнее. Хотя следовало признать, что последние годы все равно были для него тяжелыми. Рудольфа мучили болезни, периоды меланхолии сменялись припадками чрезвычайного возбуждения и продолжительной бессонницы. И при этом ему приходилось время от времени собирать сейм, бороться с протестантами и поступающими со всех сторон требованиями о самоуправлении городов, играть роль посредника в бесконечных склоках и интригах представителей габсбургской династии. В то же время он продолжал лично следить за созданием своего детища — кунсткамеры, перестройкой Пражского Града, да и самого города, организацией зверинца в Оленьем рве, участвовать в сложнейших алхимических опытах. Вся эта череда событий требовала его постоянного внимания, лишала сна и мешала сосредоточиться.

Кроме всего прочего, в те годы Рудольф был одержим идеей обрести вечную молодость. На своей груди император постоянно носил серебряную шкатулку, обшитую черным бархатом и наполненную очередным «эликсиром жизни». Снадобья под таким названием исправно производили все без исключения «выдающиеся» алхимики, прибывавшие ко двору. Рудольф привечал каждого, кто обещал раздобыть или изготовить волшебный эликсир, который дарует ему бессмертие. Поэтому неудивительно, что при его дворе находили приют не только истинные ученые, но и шарлатаны и фокусники. Прагу заполнили авантюристы, выдававшие себя за знатоков тайных наук и спекулировавшие на страстях своего патрона, которого они подобострастно называли вторым Гермесом Трисмегистом — по имени языческого божества, запечатлевшего на изумруде формулу философского камня. Увы, Рудольф был снисходителен даже к откровенным шарлатанам: в отличие от германских принцев, которые жестоко карали за обман, он не казнил ни одного из них, хотя особо невезучих арестовывал за долги или запрещал въезд в страну. Одним из самых колоритных персонажей того времени был некий грек по прозвищу Мамунья — мошенник из Фамагусты, представлявшийся внебрачным сыном венецианского вельможи, а также магом и алхимиком. Он никогда не расставался с двумя черными злобными псами-мастифами, наводившими ужас на пражан, которые считали, что это звери из преисподней. Приехал в Прагу и проходимец Джеронимо Чиччевино, выдававший себя за прославленного в Италии

некроманта — человека, способного общаться с мертвецами. Ни к чему не годный человешишка, бездельник и лизоблюд с претензией на звание «мага и волшебника», он довольно длительное время вводил в заблуждение своими бездарными фокусами десятки простофиль, охочих до того, что находится за гранью реальности. Впрочем, его карьера оказалась недолгой. Сначала он действительно был принят при дворе как человек способный и с манерами, но вскоре впал в немилость, покинул апартаменты, снятые им для пушного эффекта в роскошной гостинице, и отправился обживать отвратительную перекошенную хибарку на Староместской площади, которую быстро прокоптил своими опытами. В садике возле своего дома Чиччевино содержал воронов, сорок, а также поставил клетки с бешеными волками, чья слюна ему была нужна для опытов. В этой дурно пахнущей хибарке он и закончил свою никчемную жизнь.

Но Джон Ди и Эдвард Келли были слеплены совершенно из другого теста. Вскоре после прибытия ко двору они предсказали королю Рудольфу, что впереди империю ждут волнения, не исключены войны и восстания. Надо признать, что они оказались весьма близки к истине. Год назад вспыхнула новая война с турками, в различных частях государства наблюдались брожения и недовольство властью императора. Однако одно из самых таинственных пророчеств Ди все еще не сбылось. Император и сегодня помнил день 25 мая 1581 года, когда Джон, бледный и удрученный, пришел к нему и сказал:

— Ваше Величество, этой ночью я долго вглядывался в кристалл — и наконец свершилось... Я искал этот знак многие годы, в разных землях, далеких и близких, много трудился, чтобы во тьме неизведанного распознать хотя бы крупицу истины. И вот я увидел... — Джон Ди сделал паузу и сглотнул, как будто ему было трудно говорить, — а увидев, осознал, что мудрость никак не может быть достигнута усилиями человека... Ибо истина — в познании зла, а счастье со знанием не совместимо. Ныне нам остается лишь уповать на волю Господа...

Обычно столь невозмутимый и уверенный в себе доктор Ди был явно подавлен и растерян.

— Книга, — пробормотал он, поежившись, будто от озноба, — это все написано в той книге...

— В какой книге? — вскричал Рудольф. — О чем вы говорите?

— Простите, мой король, но этого я не могу вам сказать. Я лишь знаю, что она существует, гигантская, как грехи человечества. Библия дьявола — так ее называют в царстве ангелов, но вот что там написано, мне открыть не удалось. Я не справился с тем, что обещал вам... Прошу вас позволить мне удалиться в Англию. — Ди согнулся перед императором в церемонном поклоне. — Меня там ждут при дворе.

— Вы должны закончить то, ради чего приехали. — Рудольф едва сдержал приступ ярости. — Я ожидаю от вас практических результатов, а не путаных предсказаний. А после можете возвращаться в Лондон, я вас не держу.

Ныне Джон Ди уже давно покинул королевский двор, и новостей от него не было. Король смягчил свое сердце и отпустил его после того, как тот принес ему в дар небольшую, но совершенно уникальную книгу. Это был написанный на неизвестном языке алхимический трактат францисканского монаха Роджера Бэкона. Ди рассказал ему, что в том зашифрованном трактате, богато украшенном рисунками растений, таинственными диаграммами и астрологическими схемами, содержатся результаты исследований Бэкона по поиску философского камня. Император был знаком с работами великого англичанина,

которому принадлежала крылатая фраза «Кто пишет о тайнах языком, доступным каждому, — опасный безумец», и поэтому ничуть не удивился столь необычному характеру рукописи. Он был настолько растроган, что щедро одарил Джона Ди. Шесть сотен звонких серебряных дукатов были уплачены за манускрипт, что по тем временам составляло немалую сумму, и, кроме того, Ди получил разрешение беспрепятственно отбыть в Англию.

Но вот Келли, этот мошенник и обманщик, остался в Праге. Не зря ему отрезали уши! Двенадцать лет — подумать только! — он морочил королю голову своими рассказами о магическом порошке, который якобы был найден им не где-нибудь, а в могиле Гластонберийского аббата и который превращает железо в серебро, а медь — в золото. Увы, ни серебро, ни золото таким способом получить не удалось. Долгое время Келли потчевал короля сказками о таинственных ангелах, которых он вызывает с помощью особым образом отшлифованного кристалла берилла, обещал, что ангелы эти вот-вот передадут ему тайные алхимические знания... Вместо этого дурачил двор, разговаривая на каком-то птичьем языке, рисуя странные картинки и магические символы. В конце концов терпение Рудольфа лопнуло и Эдвард Келли был заключен под стражу по обвинению в обмане и шарлатанстве. Королю еще предстояло решить его судьбу, но Келли сам нашел выход, когда при попытке бежать из заточения неожиданно сорвался со скалы и разбился. Рудольфу же осталась на память его коллекция кристаллов, среди которых он пока не обнаружил ничего магического, и записи на неизвестном языке, который Келли называл «енохианским», по имени пророка Еноха, библейского отца Мафусаила, взятого живым на небо и возвращенного, чтобы живописать увиденное. Келли утверждал, что именно на этом языке с ним разговаривают ангелы и обитатели Эдемского сада. Теперь, после его смерти, убедиться в подлинности этих утверждений было весьма затруднительно.

Рудольф отогнал от себя неприятные воспоминания. «Не все то золото, что блестит», — подумал он. Кстати, к вопросу о золоте стоило вернуться. Философский камень существовал, его только необходимо было найти — в этом король алхимиков не сомневался. К сожалению, за все эти годы никому так и не удалось расшифровать таинственную рукопись, принесенную ему Джоном Ди. Над ней бились лучшие умы империи. Рудольф даже тайно посылал ее в Краков, к иезуитам, миссионерская деятельность которых распространялась на многие экзотические страны, где говорили на экзотических языках, но все безрезультатно... Происхождение языка рукописи установить не удалось. Знаток лекарственных трав, фармацевт и личный медик императора Якоб Хорчицки не смог распознать странных растений, изображенных на страницах книги Бэкона, а придворные астрологи лишь пожимали плечами, рассматривая неизвестные науке звездные карты. Теперь эта бесполезная рукопись пылилась где-то в библиотеке. Но оставалась еще одна надежда.

Из головы Рудольфа все не шли сказанные когда-то доктором Ди слова о таинственной книге, Библии дьявола, в которой «все написано». Император давно искал ее. По всей империи рыскали посланные им отряды в поисках таинственной Библии, но до сих пор обнаружить ее следы не удалось. Многие о ней говорили, но никто не видел.

— Прошу прощения, Ваше Величество, что отрываю вас от важных размышлений. — Постаревший, но все еще бодрый Филипп, перемещаясь своей особой бесшумной походкой придворного слуги, быстро преодолел весьма значительное расстояние от дверей кабинета до императора. — Хорошие вести из Богемии!

Филипп говорил тихо, почти шепотом.

— Вернулся посланный вами отряд из Бревнова. В тамошнем бенедиктинском монастыре обнаружена невиданная книга — очевидно, та самая, которую вы разыскивали...

Король резко обернулся и посмотрел на Филиппа. От возбуждения кровь прилила к голове монарха. Наконец-то! Он столько лет ждал этой вести! Его приказ был краток:

— Немедленно доставить ее в библиотеку и никого ко мне не впускать до особого распоряжения.

В этом приказе не было ничего необычного. Король часто по несколько месяцев запирался в своих покоях, и никто, кроме его приближенных алхимиков и астрологов, не допускался к нему. В таких случаях при дворе просто терялись в догадках, жив император или уже умер.

Он прошел в библиотеку. Двое солдат принесли книгу несколько минут спустя.

Свершилось! Руки Рудольфа дрожали от волнения. Он, конечно, многое видел на своем веку, но лежащая перед ним гигантская книга была просто невероятна. Несколько последующих недель он полностью посвятил ее изучению. Однажды он приказал принести в его кабинет магические кристаллы Келли, и, говорят, именно после этого на многих страницах книги появились сделанные рукой Рудольфа странные надписи «Я там был». Он никого не посвящал в свои опыты и ни на что не обращал внимания, хотя дела в империи шли все хуже. Но вот однажды поздним вечером он, предаваясь своим обычным занятиям, раскрыл книгу на странице 290.

Само по себе изображение дьявола не смутило короля. Когда хочешь проникнуть за завесу Божественного провидения, все союзники хороши. Однако то, что было написано в книге после портрета нечистого, повергло императора в состояние глубочайшей депрессии. Так вот почему Ди был так взволнован, когда ему открылось, что за предсказание содержит Библия дьявола!

Панический страх грядущих несчастий охватил Рудольфа. В тот момент католик в нем взял вверх над алхимиком. Он упал на колени перед висящим в библиотеке распятием и начал неистово молиться. Неожиданно решение пришло как бы само собой. Эту книгу вместе с ее дьявольскими пророчествами нужно уничтожить! Укрепившись духом, он поднялся с колен, поспешил в соседнюю с библиотекой алхимическую лабораторию, взял стоящую в специальном шкафу стеклянную колбу с кислотой и вернулся к Библии. Перед тем как сжечь, из нее следовало выправить всю нечисть.

Ледяное дыхание, миг заполнившее библиотеку, остановило его. Он не видел того, кто источал этот холод, но явно ощущал чье-то присутствие. Колба в его руках стала нестерпимо жгуче-холодной, и Рудольфу пришлось поставить ее на стол.

— Не ты создавал эту книгу, и не тебе решать ее судьбу, — произнес в ледяной тишине жуткий голос. — Оставь ее.

— Я знаю, кто ты, — с трудом проговорил Рудольф в сторону темноты, откуда доносился голос, — и я тебя не боюсь. Мне сказали, что в этой книге содержится тайна философского камня, а на самом деле — это дьявольское послание о конце времен. Его следует уничтожить!

— Так тебе нужен философский камень? — насмешливо спросил голос. — И это все? Тогда предлагаю сделку: ты оставишь в покое книгу, а я дам тебе камень.

— Нет! — вскричал король. — Я не вступлю в сделку с дьяволом!

Он схватил колбу, взмахнул рукой и выплеснул содержимое в направлении темноты. Кислота, попавшая на книги, мгновенно воспламенила их, будто это была и не кислота вовсе,

а жидкий огонь. В отблесках пламени Рудольф увидел, что в библиотеке никого нет, но огонь распространяется с ужасающей быстротой. Разум покинул императора. Немыслимым усилием, поскольку гигантская книга была очень тяжела, он поднял Библию дьявола и выбросил ее из окна, затем схватил лежащий на столе нож для писем и кинулся прочь из библиотеки.

В замке началась паника. Пока слуги тушили пожар, в суете никто и не заметил, как выбежавший во двор Рудольф склонился к лежащей на земле огромной книге, с усилием открыл ее и решительным движением руки, в которой был зажат нож, буквально выкроил из переплета несколько страниц. Лишь после этого подскочившие слуги помогли королю подняться. Он все еще крепко сжимал в руке огромные пергаментные страницы.

— Заберите эту книгу, отнесите в мою спальню и положите в сундук. Никто не должен к ней прикасаться! — прокричал он. В спешке король не заметил, что слегка ошибся, и страница 290, которую он также намеревался вырезать, осталась на месте. Она лишь слегка почернела от попавшей на нее сажи.

После того случая король заболел и больше месяца не показывался на людях. С ним неотлучно пребывал лишь его личный врач Якоб Хорчицки. Придворным было сказано, что Их Величество немного пострадали от пожара и нуждаются в покое и отдыхе. Весть о необходимости лечения императора была воспринята при дворе с пониманием. Лишь немногие придворные, особо приближенные к царственной особе, многозначительно переглядывались, ибо знали, что доктор Хорчицки был не просто врачом, но человеком с иезуитским образованием, специалистом по травам, полиглотом и алхимиком, который увлекался криптографией. Было ясно, что не только здоровье царственного пациента держит доктора взаперти так долго.

И вот однажды, спустя почти шесть недель, Рудольф вызвал к себе Филиппа. Старый слуга нашел императора бледным, но в здравии. Он протянул Филиппу тщательно запечатанный продолговатый футляр в форме цилиндра из твердой кожи, какой обычно используют для хранения карт или рукописей, и сказал:

— Позаботься, чтобы этот футляр был этой же ночью тайно замурован в одну из арок Каменного моста. Того, кто это сделает, после казнить. Никто не должен знать, где хранятся эти бумаги. Дьявол помог этот мост построить, пусть теперь сам с ними и разбирается.

Приказ императора был, разумеется, исполнен.

И не только этот приказ. Следующей же ночью произошло еще одно важное, но незамеченное современниками событие. Преданный дворцовый церемониймейстер Филипп, без которого император был как без рук, нежданно-негаданно почил с миром перед самым рассветом. Старый слуга попросту тихо уснул и не смог более разомкнуть век, отведав травяного чаю, который ему лично заварил придворный лекарь после их продолжительной беседы с глазу на глаз.

— Возраст, — Якоб Хорчицки лишь пожал плечами, когда ему утром сообщили грустную весть, — с этим ничего не поделаешь...

А за две недели до этого печального события от имени и по поручению императора, переданному, правда, через его личного медика Якоба Хорчицки, в Рим, в штаб-квартиру Ордена иезуитов, был направлен гонец, единственным багажом которого был некий свиток, тщательно запечатанный дважды: королевской печатью и личной печатью доктора Хорчицки. Гонец имел строжайшее указание вручить письмо лично в руки генералу ордена Клавдию Аквавива, и никому больше. Есть основания полагать, что император сильно бы

удивился, если бы его спросили, что за послание он приказал передать иезуитам, которых терпеть не мог. Однако сделать это не было решительно никакой возможности ввиду нездоровья императора, который все еще нуждался в продолжительном покое и отдыхе.

В отличие от доктора Хорчицки, который видел смерть, и не раз, кончина старого слуги повергла императора в очередную глубочайшую депрессию. Он заперся в библиотеке, никого не желал видеть и перестал принимать даже собственного врача. При дворе говаривали, что преданный Филипп не просто так отправился на тот свет и что его душа теперь исповедуется своему хозяину. Некоторые утверждали, что дело не в Филиппе, а в том, что Рудольфу наконец открылась тайна философского камня и ныне он занят важнейшими алхимическими опытами.

Но вот настал день, когда император покинул библиотеку в Каменной башне и пригласил к себе датского астронома Тихо Браге. Знаменитый ученый проживал в те годы в Праге и был обласкан при дворе. Этот небольшого роста человек с короткой бородой и длинными усами, с искусственным носом из серебряных пластин (свой он в юности потерял на дуэли), неизменно появлявшийся в сопровождении слуги-карлика, стал одним из конфиденентов Рудольфа, доверившего ему составление гороскопов своего царствования. В этот раз императора мучил один-единственный вопрос: дата его смерти. Браге прочел по звездам, будто судьба монарха тесно переплетена с судьбой его любимца — африканского льва, проживающего в зверинце, который был устроен в Пражском Граде по приказу императора. С тех пор король лично кормил льва, выгуливал и холил его. Тем не менее предсказание великого астронома сбылось: Рудольф II и вправду скончался всего через несколько дней после смерти зверя.

Впрочем, все это случилось не так уж скоро. Императору еще предстояло пережить дворцовые козни, отстранение от трона, осуждение со стороны семьи и продолжительную болезнь. До самой смерти даже отстраненный от власти король алхимиков не расставался с тиглями, пробирками и перегонными кубами и пребывал в поисках философского камня, который, однако, обнаружить так и не удалось. Необыкновенная книга — Библия дьявола — осталась, забытая всеми, на хранении в его сундуке. Она пролежала там, никем не потревоженная, почти сорок лет.

В 1648 году в ходе Тридцатилетней войны шведские войска взяли Прагу, прорвавшись в город по Каменному мосту. Они и обнаружили Библию дьявола в Пражском граде, подвергнув оный должному разграблению. Еще через год книга в армейском обозе прибыла в Стокгольм и была подарена королеве Швеции Кристине, странная и удивительная судьба которой до сих пор привлекает внимание историков. Не прошло и пяти лет, как королева-девственница отреклась от престола в пользу двоюродного брата, покинула Швецию и приняла католичество. Признательность Папы Римского не имела границ. Кристина стала единственной женщиной, похороненной в соборе Святого Петра в Ватикане.

Рим, 1594 год

— Ваше преосвященство, — вбежавший в церковь Святейшего Имени Иисуса личный секретарь генерала Ордена иезуитов Антонио Поссевино был суетлив и чрезвычайно возбужден, — ваше преосвященство, дело чрезвычайной важности!

Он так спешил и волновался, что с него градом катился пот.

Услышав эти крики, генерал Клавдий Аквавива был вынужден, к своему неудовольствию, прервать молитву. Раз в день он приходил в церковь и в тишине молился Господу, которому поклялся служить безоговорочно и до конца времен всеми своими делами и самой жизнью. И вот даже в эти часы молитвенного уединения ему не давали покоя.

«Ad majorem Dei gloriam»¹⁴, — прошептал он, перекрестился и поднялся с колен. Генерал выпрямился во весь свой немалый рост и поправил сутану. В церковь он всегда облачался в одежду, соответствующую сану главы католического ордена.

— Что случилось, Антонио? Вы так громко кричите, будто русский царь наконец-то принял покровительство Священного престола, — сказал он, обращаясь к своему круглому, как шарик, секретарю. — Вот это была бы новость!

Они забавно смотрелись рядом: гренадерского вида генерал ордена и его округлый преданный секретарь, похожий на добродушного пекаря или кондитера.

Упоминание о русском царе было вовсе не праздным. Антонио Поссевино был специалистом по России — в 1582 году по личному указанию Папы Римского он посетил Москву и даже имел неосторожность участвовать в дебатах по вопросам веры в присутствии самого царя Ивана Грозного. Надо ли говорить, что это предприятие едва не закончилось печально: царь Иван пришел в ярость и чуть было не казнил папского легата. Тому чудом удалось унести ноги, после чего он написал свое знаменитое историческое сочинение о России.

— Увы, ваше преосвященство, Московское царство все еще пребывает в ереси, — совершенно серьезно ответил на эту реплику Поссевино, поклонившись своему генералу. — Я тысячу раз прошу прощения, что отвлекаю вас от молитвы, но прибыл гонец от нашего человека из Пражского Града. Он привез письмо, которое соглашается передать только в ваши руки, ибо оно запечатано двумя печатями, и одна из них — императора Рудольфа.

— Вот как, — произнес генерал Аквавива без малейших эмоций в голосе. — Ну, что же, пойдёмте посмотрим, что за срочность такая образовалась у императора Священной Римской империи. Я что-то не припоминаю, чтобы мы с ним состояли в переписке.

Надо сказать, что в те годы политическая разведка и по совместительству карающий меч католической церкви под названием «Орден иезуитов» был одним из мощнейших инструментов влияния Священного престола, причем не только в Европе, но и далеко за ее пределами. Построенный на манер военной организации, в которой каждый член ордена давал клятву беспрекословного и абсолютного подчинения руководителю ордена — генералу, а тот — Папе Римскому, со строгой иерархией и различными уровнями посвящения, не ограниченный никакими условностями, включая возможность для членов ордена не посещать службы, исповедовать друг друга, жить мирской жизнью и даже вступать в брак в тех случаях, когда требовалось проникновение в светские структуры и особенно в ближайший круг монархов, орден был просто незаменим для выполнения самых сложных и ответственных задач. На счету иезуитов были убийства французского короля Генриха III и деятеля нидерландской буржуазной революции Вильгельма Оранского, пропаганда католицизма в Китае, Индии и Японии, содействие Польше в борьбе против России, яростное противодействие свободомыслию в Европе всеми доступными средствами. В те годы тайных иезуитов можно было встретить среди ремесленников и поваров, торговцев и военных, врачей и математиков. Явно или тайно они присутствовали при дворах всех

¹⁴ К вящей славе Божьей.

европейских монархий. Для добычи необходимых знаний и информации орден не гнушался ничем, даже нарушением тайны исповеди. Ибо иезуиты одними из первых в мире усвоили простую истину: кто владеет информацией, тот владеет миром.

Клавдий Аквавива принял гонца в своем кабинете. Он взял в руки письмо и прежде всего тщательнейшим образом убедился, что печати не взломаны и не подделаны. Для того и нужны были две печати: королевскую подделать труда не составляло, но вот личную печать иезуита-схоластика скопировать было практически невозможно. Все было в порядке, и он милостиво отпустил гонца.

Генерал вскрыл печати и развернул свиток. По мере чтения лицо выдавшего виды иезуита бледнело и становилось каменным. Кровь будто враз отхлынула от его головы или попросту перестала циркулировать в генеральских венах. Поссевино, который, смиренно сложив руки, терпеливо присутствовал при этом, даже перепугался. Он еще никогда не видел этого сильного человека в таком состоянии.

Генерал закончил читать и медленно свернул свиток. Не выпуская его из рук, он откинулся в кресле и закрыл глаза. Так прошло еще несколько минут.

— Налейте мне вина, Антонио, — наконец произнес он.

Поссевино был рад что-то сделать для своего патрона. Он подал главе ордена бокал с вином. Тот молча выпил, удовлетворенно кивнул и вернул пустой бокал секретарю.

То, что он прочитал, было ужасно.

Перед ним, выписанные на свитке стих за стихом, лежали пророчества о будущем человечества, продиктованные самим дьяволом. В письме брата Якоба Хорчицки, который имел тайную степень посвящения схоластика и служил при императоре Рудольфе лекарем, указывалось, что он скопировал эти пророчества из древней Библии, написанной монахом-бенедиктинцем в начале XIII века и оказавшейся по случаю в руках монарха — алхимика и оккультиста. Хорчицки был вынужден сделать копию, причем наспех, ибо безумный император Рудольф II вырезал страницы с пророчествами из указанной Библии, самолично тщательнейшим образом вытравил их и поручил придворным писцам написать сверху устав святого Бенедикта. Более того, эти страницы император приказал спрятать так, чтобы их невозможно было найти. Хорчицки сообщал, что в подтверждение его слов в Библии имеется огромное изображение самого дьявола, которое чудом осталось нетронутым. Якоб также писал, что он пытался разузнать у доверенного слуги императора, где же были спрятаны вырезанные из книги страницы, но тщетно; поэтому церемониймейстера пришлось отправить на Небеса. В связи с изложенным следовало считать, что прилагаемая копия является единственным сохранившимся экземпляром переданных самим нечистым пророчеств о судьбе человечества.

Клавдий Аквавива погрузился в размышления. Затем он жестом указал Поссевино, чтобы тот записывал. Генерал продиктовал ответ верному брату Хорчицки. В нем он благодарил за службу и рекомендовал сделать все возможное, чтобы заполучить указанную Библию в свое полное владение, а также попытаться все же отыскать вырезанные страницы.

— Вы отвезете это письмо в Прагу лично. Кроме того, поручаю вам совершить небольшое путешествие, чтобы выяснить настроения в Европе относительно этих Габсбургов. Что-то они много стали себе позволять. Особенно важно посеять семена раздора между князьями Германии, монархами Франции и Швеции. Чую я, что Аугсбургский мир подходит к концу, назревает большая драка. Мы должны точно знать, что происходит в

европейских столицах. Будьте осторожны и возвращайтесь поскорее, друг мой. Нас ждут великие дела! Да хранит вас Господь!

Генерал запечатал письмо своей личной печатью, перекрестил верного секретаря и отпустил его с благословением. Затем он отправился обратно в церковь Святейшего Имени Иисуса и прошел внутрь. Он запер за собой дверь и убедился, что в церкви, кроме него, никого нет. Клавдий Аквавива прошел к алтарю, наклонился и нажал спрятанную под ним потайную кнопку. Массивный камень отъехал в сторону, открыв ступени, ведущие вниз. Генерал спустился в подземное хранилище со свитком в руках и уже через минуту вышел без ононого. Он вернул алтарный камень на место и снова предался молитве.

— *Cuius regio, eius religio*¹⁵, — прошептали его губы, после чего генерал осенил себя крестным знаменем и сосредоточился на мыслях о Боге.

Киев, 2010 год

После сделанных в Праге открытий Трубецкому ничего не оставалось, как вернуться в Киев. По правде говоря, он был крайне разочарован. Найти после стольких усилий устав святого Бенедикта, который был хорошо известен в научном мире и многократно встречался в различных средневековых рукописях, было просто смехотворным результатом. С такими мыслями он подъехал на такси к своему дому на углу Андреевского спуска и Боричева тока, расплатился с водителем и поднялся на второй этаж, где в небольшой квартире уже несколько лет жил с супругой Анной Николаевной Шуваловой. Он нажал на кнопку звонка, потом еще, но никто не открывал. Сергей Михайлович вздохнул и стал искать ключи. Вообще-то, он любил, когда двери открывала Анна Николаевна, но, видимо, сегодня не сложилось. «Впрочем, сам виноват», — подумал он, поскольку даже не позвонил ей с дороги, — хотел сделать сюрприз.

Трубецкой наконец нашел ключи и открыл дверь. В квартире никого не было, и у него появилось ощущение какой-то особенной пустоты. По множеству бытовых мелочей он понял, что что-то случилось. Бросилось в глаза, что в прихожей не было Аниных вещей, куда-то исчезли ее домашние тапочки. Сергей Михайлович прошел в кабинет. На его столе стояла пустая рамка, где раньше была Анина фотография, а под ней лежал большой коричневый конверт. Он взял его в руки и вытряхнул содержимое на стол. В нем было несколько фотографий. На них были запечатлены моменты его встреч с Маргарет: они с Маргарет мило беседуют на лавочке в парке Хумлегартен, он вручает Маргарет букет цветов, они с Маргарет медитируют (на фотографии эта сцена выглядела весьма двусмысленно), они с Кристиной-Маргарет разговаривают на Карловом мосту. К фотографиям прилагалась записка, написанная ужасным, но таким родным Аниным почерком: «Ты даже не предупредил меня, что будешь в Праге. Мне нужно подумать над тем, что произошло. Не волнуйся за меня. Анна».

Сергей Михайлович глубоко вздохнул и присел на кресло. «Ну и какая же сволочь все это подстроила?» — подумалось ему. Он встал, налил себе изрядную порцию виски и залпом выпил. «Надо же! Значит, кто-то все это время следил за мной и в Швеции, и в Праге! Но зачем? Надо успокоиться, — решил Трубецкой, — а там будет видно».

¹⁵ Чья власть, того и вера.

Ночь он практически не спал. Размышления о том, кто прислал эти дурацкие фотографии Анне, не давали ему покоя. Телефон супруги не отвечал, и Сергей Михайлович не имел понятия, где ее искать. Он отправил ей несколько текстовых сообщений, и даже емейл. Анна не отзывалась. Утро не принесло облегчения. Трубецкой использовал последний шанс — позвонил нескольким общим знакомым в Санкт-Петербург. Никто ничего не знал. Сергей Михайлович не мог больше находиться в пустой квартире и решил пройтись.

Последующие события были из серии дежавю. Не успел он дойти до ближайшего перекрестка, обычно совершенно пустого в это время дня, и ступить на проезжую часть, как его едва не сбил вылетевший из-за поворота синий «СААБ». Собственно говоря, в точности такая же машина, как была и в Стокгольме, сначала появилась ниоткуда, затем резко затормозила и остановилась прямо перед Трубецким. Сергей Михайлович едва успел отскочить на тротуар. К счастью, все обошлось.

Выскочившая из машины девушка сразу стала охать и извиняться. Она же придержала его под руку, когда Трубецкой едва не упал, и на этот раз от психологического шока, ибо перед ним стояла... Маргарет.

«Так, еще одной фотографии не миновать», — не без иронии подумал он, а вслух сказал: — Спасибо, я в порядке.

— Вы уж простите меня, я водитель неопытный. — Девушка выглядела смущенной и излучала желание сгладить свою вину.

Само собой, что она совершенно свободно говорила по-русски.

— Скажите, мы с вами раньше нигде не встречались? — Трубецкой постарался, чтобы этот банальный вопрос прозвучал не так уж банально.

— Ну вот, и вы туда же, — вздохнула девушка. — Нет, не встречались. Я, вообще-то, не из этих мест и тут проезжала случайно. Я могу что-то сделать для вас?

— Спасибо, — еще раз сказал Трубецкой, — я в порядке. И поверьте, я вовсе не собирался с вами заигрывать. Просто мне действительно кажется, что я вас где-то видел.

— Увы, я не припоминаю. — Девушка пожала плечами. — Ну, раз с вами все хорошо, тогда я поехала. Вот моя визитная карточка. Если все же я смогу быть вам чем-то полезной, звоните.

На карточке было написано:

«Екатерина ЛиВей. Астрология, паранормальные явления, психоанализ. Тел. + 380 (66) 666-Катя».

«СААБ» укатил вместе со своей хозяйкой.

Сергей Михайлович вдруг начал что-то понимать. События последних недель стали складываться, как кусочки мозаики, в общую картину. Не случайная, видимо, его встреча в Стокгольме с медиумом Маргарет. Ее необыкновенно удачная подсказка о том, что ему следует ехать в Прагу. Встреча на Карловом мосту с ее двойником Кристиной, закончившаяся находкой восьми пропавших листов. И вот теперь появление уже в Киеве ее тройника Екатерины, тоже паранормальной девушки. Фотографии, присланные Анне, и ее исчезновение. «Все это не случайно, — решил он. — Очевидно, кто-то пытается контролировать ход событий и даже их направлять». И тут в его голове отчетливо всплыл портрет дьявола из стокгольмской Библии. Ему снова сделалось нехорошо. Еще не совсем понимая, какая может быть связь между дьяволом и происходящими вокруг Codex Gigas событиями, Трубецкой поймал себя на мысли, что он совершенно упустил из виду этот портрет. Само его появление в Библии, бок о бок с Ветхим и Новым Заветом было

удивительно, а ведь объяснения сему факту он от своих стокгольмских коллег так и не услышал. Было над чем поразмыслить.

Сергей Михайлович решил восполнить этот пробел и направился в университетскую библиотеку, ибо для Трубецкого это было лучшее место для размышлений. Он провел там несколько часов, усиленно штудировав имеющиеся немногочисленные труды по сатанизму, и вот что ему удалось установить.

Сатана (на иврите «*сатан*») означает просто «противоречащий», «обвиняющий». В иудаизме это воплощение «злого начала» или «злого побуждения» (*йецер га-ра*) — в душе человека. Он — искушитель и обвинитель человека перед лицом Бога, не обладающий, однако, свободой воли. Поэтому сатана не является силой, равной Богу. Творец лишь позволяет сатане действовать в мире с тем, чтобы у каждого человека был выбор между добром и злом. Но в День Покаяния, или День Искупления (*Йом-Киппур*), его власть полностью уничтожается; это объясняют с помощью гематрии: сумма цифровых значений букв имени *га-сатан* на иврите — 364, следовательно, один день в году свободен от его власти.

В Ветхом Завете сатана явно подчинен Богу и является одним из Его слуг (на иврите — *бней ха-Элохим* — «сынов Божьих», в древнегреческой версии — ангелов) и не действует без Его позволения. Он, однако, может предводительствовать народами и низводить огонь на землю, насыпать несчастья и болезни. Тем не менее сатана нигде не выступает прямым соперником и противником Бога.

В некоторых книгах Ветхого Завета сатаной называется ангел, испытывающий веру праведников, но не в противостоянии с Всевышним, а действуя по Его повелению. В евангелиях Нового Завета сатана выступает уже как главный антагонист Бога и злейший враг человечества. Указывается, что сатана пал с неба, и при этом апостол Павел утверждает, что сатана способен преображаться даже в ангела Света. В Апокалипсисе сатана выступает как дракон и дьявол — предводитель темных ангелов в битве с архангелом Михаилом. В свою очередь, слово «дьявол» означает «клеветник», называемый в Евангелие от Иоанна «князем мира сего». Другое имя сатаны — Люцифер (в славянском варианте — Денница) — означает просто «светоносец», «сын зари», «несущий свет», и первоначально в нем не было ничего негативного. Само происхождение этого имени удивительно.

В 14-й главе книги пророка Исаии дается пророчество о надменном царе Вавилонском, который будет непременно сокрушен и наказан Богом и который уподоблен языческому демону, олицетворявшему планету Венеру — «утреннюю звезду» (на иврите Гейлель). С этой планетой связывались все важнейшие языческие женские божества любви и плодородия: шумерская Инанна, вавилонская Иштар, ханаанейская Астарта, греческая Афродита, римская Венера. Царь Вавилонский был низвергнут Всевышним: «Как пал ты с неба, утренняя звезда, сын зари, низвержен на землю, вершитель судеб народов! И сказал ты в сердце своем: “Взойду я на небо, выше звезд Божьих вознесу я престол мой и буду сидеть на горе собрания, на краю севера; Взойду я на высоты облачные, уподоблюсь Всевышнему”. Но ты низвергнут будешь в преисподнюю, к краям ада» (Ис. 14:12—15). И хотя речь шла о преисполненном гордыни земном властителе, который метафорически соотносится с «утренней звездой», это было проинтерпретировано христианами как указание на сатану — падшего ангела, низвергнутого в ад. Поэтому Иероним Блаженный в Вульгате и перевел «Гейлель» как «Люцифер» (буквально с латыни «несущий свет», еще одно именование Венеры; в русском синодальном переводе — Денница). Так имя «Люцифер» совершило

путешествие от иносказательного образа вавилонского царя — притеснителя иудеев — до падшего ангела и стало одним из самых распространенных имен сатаны в христианской культуре.

Библейские тексты довольно четко обрисовывают образ сатаны. В самом начале Библии, в книге Бытия, дьявол появляется в образе змея, обольщающего первых людей в Эдемском саду. Также Библия приводит описание Левиафана, часто отождествляемого с сатаной. В этом случае он — это огромное морское чудовище или летающий дракон. В Апокалипсисе сатана описывается как «большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем».

В апокрифах и апокалипсической литературе сатана не играет важной роли; там, где он упоминается, он почти не наделен личными свойствами, а просто представляет силы зла и противления Христу. В Евангелии от Луки сатана говорит о себе сам: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я кому хочу даю ее». Но в Евангелии от Иоанна о сатане говорится нечто совершенно другое: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». Значит, когда сатана что-то говорит, он лжет, потому что власть, слава, царства — все это на самом деле принадлежит Богу, и Он, только Он, кому захочет, тому и даст или отнимет.

Апостол Иоанн о падении сатаны пророчествует, что его низвергнет с Небес архангел Михаил после того, как сатана попытается «съесть младенца, который должен стать пастырем народов». Вслед за ним последует часть ангелов, называющихся в Библии «нечистыми духами» или «ангелами сатаны». Апостол Павел указывает даже место обитания сатаны: он «князь, господствующий в воздухе», а его слуги — «мироправители Тьмы века сего», «духи злобы поднебесные».

В Септуагинте, переводе Танаха на греческий язык, выполненном еврейскими мудрецами-толкователями в Александрии в III—II веках до н. э., слово «сатан» было передано как *diabolos* — дьявол — «клеветник». В Евангелии от Иоанна Иисус Христос называет дьявола «отцом лжи» и «човекоубийцей от начала» (Иоанн 8:44), подразумевая под ним именно змея-искусителя, ибо через него люди утратили бессмертие и открыли дорогу к возможной гибели своей души. Дьявол искусен: он побуждает человека к гордыне, внушая ему мысли об избранности, либо смущает мыслью о том, что тот бесконечно грешен и потому бесповоротно осужден, отвращая тем самым от веры в Божественное милосердие. Излюбленная сфера деятельности нечистого — область сексуального: он разжигает похоть и искушает давших обет безбрачия. Дьявол и бесы являются носителями ученого знания: часто одержимые ими неграмотные простецы начинают говорить на различных языках, оказываются сведущими в науках, медицине и богословских вопросах. Инквизиция не раз использовала это обстоятельство против образованных людей средневековья, особенно против женщин, обвиняя их в колдовстве и пособничестве дьяволу. Князь Тьмы может перевоплощаться в кого угодно, даже в Христа, но он пустотел и невесом, а в его присутствии может ощущаться либо леденящий холод, либо изнуряющий зной.

Библия также говорит, что в Судный день дьявол будет низвергнут в бездну на тысячу лет ангелом, владеющим ключом от бездны. После второй битвы сатана навечно будет ввержен в «озеро огненное и серное». Только в Танахе сатана упоминается двадцать три раза, а в Ветхом Завете — двадцать шесть. Удивительным совпадением является то, что и

тайному имени Бога — тетраграмматону YHWH, записанному на иврите, тоже соответствует число двадцать шесть.

«Если принять, что сатана действует в мире как орудие испытания в руках Всевышнего, полностью им контролируемое и направляемое, чтобы искушать праведников, побуждая их к гордыне, свидетельствующей о пределе их праведности, то как-то несправедливы пророчества о том, что он будет низвергнут в бездну... Как же тогда Свет будет без Тьмы?» Сергей Михайлович вышел из библиотеки и по дороге домой пытался упорядочить свои мысли о только что прочитанном.

«Что-то все это пахнет пещерным мракобесием: нужен был вселенский враг — так вот он вам, пожалуйста, был лучшим из ангелов — стал падшим, в озеро его огненное, на тысячу лет, и все из-за гордыни... Но при этом сатана является носителем научных знаний, он — частый гость у престола Всевышнего, который вполне спокойно с ним общается, об этом не раз и не два упоминают библейские пророки, ангелы, даже сам Иисус... И потом, от имени сил Света написано множество книг и имеется масса пророчеств, а вот от имени Тьмы никто никогда не говорил. Это выглядит несправедливым. Прежде чем судить, желательно выслушать обе стороны. Не разумно ли будет предположить, что именно тогда, когда писалась самая большая в мире Библия, дьявол и решил исправить этот недостаток? Отсюда и его портрет там — вроде визитной карточки, а эти восемь листов... Ведь так и не понятно, зачем нужно было именно на них писать устав святого Бенедикта, а сразу после устава — заклинания по экзорцизму. Что-то здесь не складывается, даже с учетом необычной компоновки Библии дьявола, что-то я упустил... Очевидно, придется снова ехать в Прагу. Надо будет взглянуть на эти страницы еще раз, и теперь — более тщательно».

Сергей Михайлович вдруг поймал себя на мысли, что он устал думать о сатане. Придя домой и убедившись, что от Анны по-прежнему нет вестей, он решил, что пришло время просить помощи у потусторонних сил, а заодно узнать, в чем же тайна женской троицы Маргарет-Кристина-Екатерина. Сергей Михайлович набрал указанный на карточке номер телефона. Екатерина откликнулась сразу. Они договорились встретиться в девять вечера у нее. Адрес Трубецкому ничего не говорил: какой-то переулок в пригороде Киева.

В этот раз никакого сада не было. По указанному адресу он нашел весьма скромный частный дом, одиноко стоящий у традиционно разбитой киевской дороги. Он постучал. Дверь открыла сама хозяйка.

Сергей Михайлович был озабочен отсутствием вестей от Анны и был не в настроении, чтобы разводить любезности. Он даже, против обыкновения, не взял с собой цветов.

— Вы, Катя, сказали, что если мне нужна будет помощь, то я смогу к вам обратиться, — произнес он, едва войдя в дом и присев на стоящий в прихожей потертый диван. — Так вот, мне нужна помощь. У меня пропала жена. В милицию я смогу пойти только завтра — они не будут ее искать, если не прошло несколько суток, а я не могу ждать. Кроме нее, у меня никого нет.

— Да-да, я понимаю, — сочувственно закивала Екатерина, — я попробую помочь. Прошу вас пересесть за этот столик. В любом случае я рада, что вы в порядке.

Она указала ему на небольшой столик на двоих, на котором стояла свеча и лежали карты Таро. Затем сама присела к столику. Трубецкой устроился напротив нее. Екатерина зажгла свечу, взяла Сергея Михайловича за запястья, посидела с минуту с закрытыми глазами, потом перемешала карты и начала их раскладывать. Так прошло минут десять. За все это время не было произнесено ни слова. Наконец Екатерина взглянула на Трубецкого и сказала:

— Ваша супруга Анна жива и невредима, но она не в Киеве, хотя где-то неподалеку. И ей нужна ваша помощь. Собственно, только вы и можете ее спасти.

— Спасти? — переспросил обеспокоенный Трубецкой. — От чего или от кого?

— Сейчас, сейчас, минуточку, — сказала Екатерина, продолжая играть свою роль. Она закрыла глаза и начала раскачиваться, будто в трансе. — Я вижу вас возле какой-то необыкновенной, огромной книги... а вот вы на каком-то мосту, там много скульптур... теперь что-то вроде музея, какие-то пергаментные страницы... Теперь я вижу цифру восемь... Анну... перевернутую пентаграмму, голову Бафомета... Я вижу ее в каком-то темном помещении вроде храма, но необычного...

— Бафомет? — вскричал Трубецкой.

Екатерина перестала раскачиваться и открыла глаза.

— Да, это такой образ дьявола, — ответила как ни в чем не бывало провидица. — Козел Бафомет.

— Я знаю, что это такое, но как в том месте, где вся эта чертовщина, могла очутиться Анна?

— Я не могу дать вам ответы на все вопросы. Но я вижу, что исчезновение Анны как-то связано с этой книгой, точнее, с пропавшими из нее страницами. Больше я ничего не могу вам сказать.

Где-то под Киевом, 2010 год

— Ну что, убедились? — спросил старший из этой компании, обращаясь к Анне. — И это не все. Мы бы хотели показать вам еще кое-что. Из той же серии. Не возражаете? — И, посмотрев на Анну, кивнувшую в ответ на его слова, скомандовал водителю:

— Поехали.

Анна молчала. Только что она, сидя в черном БМВ с затемненными стеклами, имела возможность наблюдать, как Трубецкой трогательно беседует с этой своей девицей. Они стояли возле синего «СААБа» прямо на улице, и девица, ничуть не смущаясь, держала Сергея Михайловича под руку. Судя по выражению лица Трубецкого, ему это было весьма приятно. Когда они подъехали, Сергей Михайлович и девица уже были возле машины, так что нельзя было понять, здороваются они или прощаются и сколько времени все это продолжается.

А ведь когда вчера, ближе к вечеру, в дверь квартиры позвонили и симпатичный молодой человек передал ей этот конверт с фотографиями, Анна Николаевна решила, что все происходящее — дурацкий розыгрыш. У нее не было никаких причин подозревать мужа в сторонних связях, и, собственно, фото не доказывали его измены, но все равно смотреть их было больно. И потом, от Сергея Михайловича почему-то долго не было вестей. Она пробовала ему звонить, но он не отвечал. Позже все же раздался телефонный звонок, но это был не Трубецкой. Мягкий, обволакивающий мужской голос с легким иностранным акцентом предложил ей самой убедиться в том, что фотографии имеют под собой реальную основу. Незнакомец даже предсказал ей в точности место, где должна состояться следующая встреча ее мужа с девушкой, запечатленной на фотографиях. Сначала Анна Николаевна возмутилась, но потом, видимо, под воздействием уже зародившегося в душе подозрения, неожиданно для себя согласилась. Она решила не разыгрывать сцену ревности, а просто

забрать часть вещей и оставить на столе конверт с фотографиями и запиской. Хотя на самом деле она никуда из города не уезжала, а просто переночевала в гостинице. На следующее утро, как и обещал телефонный собеседник, за ней прислали машину и продемонстрировали трогательную «встречу двух любовников». Правда, все это выглядело несколько странно — сначала они довольно долго кружили по городу, затем старшему кто-то позвонил, и лишь после этого, через несколько минут довольно быстрой езды, они прибыли на место предполагаемой встречи. Однако странности этого дня станут очевидны значительно позже. В тот момент Анне Николаевне было не до логических размышлений, а после и подавно стало все равно, куда ее везут, ибо на душе у нее было гадко и противно.

Между тем БМВ выехал за город, на Одесское шоссе, и направился в сторону Белой Церкви. Шувалова почти не следила за дорогой. В какой-то момент машина свернула с трассы на проселочную дорогу, проехала через небольшой лесок, попетляла между посадками и остановилась возле шикарного дома, одного из тех, которые любят строить себе в самых неожиданных местах «новые русские» или, точнее, «новые украинцы». Дом был хорош, обнесен высокой каменной стеной, с охраной и спутниковыми антеннами на крыше.

— Куда это вы меня привезли? — воскликнула Анна Николаевна, когда наконец пришла в себя от увиденного. — Что это все значит? — Она резко повернулась к сопровождавшим ее двум парням в черном.

— Не волнуйтесь, — сказал один из парней, что был повыше и покрепче своего напарника. — Вам тут ничего не угрожает. Есть разговор. Попрошу выйти из машины.

— У кого и к кому есть разговор? — возмущенно спросила Анна Николаевна, с чувством хлопая дверью. — Что это за первобытные похищения?

— Сейчас вы все узнаете, — последовал ответ, и они прошли в дом.

Собственно, домом это строение выглядело только снаружи. Внутри обстановка напоминала скорее храм, причем весьма странного свойства. Прежде всего Анна обратила внимание на развешанные повсюду черные полотнища, на которых были изображены перевернутая пентаграмма, крест вниз головой, драконы и прочая чертовщина. «Сатанинская секта какая-то», — подумала она. И не ошиблась.

— Прошу вас, проходите, — раздался сзади нее голос. Анна обернулась.

Перед ней стоял одетый, конечно же, во все черное, худощавый мужчина лет пятидесяти, с длинными седеющими волосами, собранными на затылке в хвостик. Анна терпеть не могла этот вид прически у мужчин.

— Я хотела бы получить разъяснение, зачем меня сюда привезли, — холодно произнесла она. — Сначала ваши люди притащили мне компромат на мужа, затем устроили очную ставку, а теперь завезли бог знает куда...

— Точнее, черт знает куда, — не без удовольствия поправил ее вошедший. — Меня зовут Шон ЛиВей, будем знакомы.

Анна про себя отметила, что он говорил с явным иностранным акцентом. Его голос показался ей знакомым... Не он ли звонил ей и уговаривал лично убедиться в «левых» похождениях супруга?

— ЛиВей? — переспросила она. — Вы что же, намекаете на то, что имеете отношение к Антону ЛаВею, основателю американской Церкви Сатаны?

— Напекаю, но, к сожалению, родственником не явлюсь, — ответил назвавшийся Шоном мужчина, — поэтому фамилии у нас разные. Однако я приятно удивлен, что вы

знаете имя нашего Учителя и основателя. А это моя супруга, Екатерина. Мне кажется, вы с ней уже немного знакомы, хотя и заочно.

В комнату вошла молодая, дорого и со вкусом одетая женщина. Анна и вправду видела ее раньше. Именно она была на фотографиях с Трубецким, и это с ней он разговаривал сегодня утром.

Анна не удостоила ее даже приветствием, просто молча оглядела с головы до ног. Екатерина ЛиВей была одета, как и ее супруг, во все черное. Их взгляды встретились, и Анна вдруг осознала каким-то шестым женским чувством, что вся эта история с фотографиями, как и утреннее свидание с Сергеем, — чистейшей воды фальшивка. Все это было подстроено! Как она могла сомневаться в муже! Он просто не мог ни при каких обстоятельствах увлечься этой женщиной, в которой не было ни капли теплоты.

— Но хватит о моих родственниках, — произнес Шон ЛиВей, приобнимая левой рукой свою супругу, которая стояла рядом с ним на высоченных шпильках и самодовольно усмехалась. — Давайте поговорим о ваших. Нас очень интересует ваш супруг. И, что еще важнее, он интересует не только нас.

— Что вам от нас нужно? — нарушила наконец молчание Анна. — Мы вроде с сатаной дел не имеем.

— Ну как же, как же, — снисходительно произнес Шон. — Вы разве забыли, как на днях сами же добывали для супруга информацию о Библии дьявола? Профессор Трубецкой практически вплотную подошел к разгадке тайны пропавших из этой книги страниц. А они нам очень нужны. Лучше бы, конечно, заполучить всю Библию целиком, но этим занимаются другие люди.

— И что вы хотите от меня?

— Собственно, ничего. Главное, что вы — здесь. Вы — наша гарантия. Мы не причиним вам никакого вреда. Просто сегодня вечером, когда Катя будет встречаться с вашим мужем, она намекнет ему, что вы у нас, — так, на всякий случай. Он ей уже звонил.

В этот момент Екатерина подняла руку с цифровым фотоаппаратом и нажала на спуск. Сработала вспышка.

— Вот эту фотографию — ваш портрет на фоне Бафомета — мы ему и покажем, если понадобится.

Анна обернулась. И правда, сзади нее во всю стену висел кусок полотна с огромным портретом козла Бафомета — одного из классических средневековых изображений дьявола.

В комнату вошли две девицы весьма спортивно-воинственного вида.

— Мария и Дарья проводят вас, — сказал Шон. — Надеюсь, вам будет у нас уютно.

Наглый и самоуверенный тон человека, который называл себя Шоном ЛиВеем, был, очевидно, рассчитан на то, чтобы произвести эффект на Анну. На самом деле у него самого тряслись поджилки. Ибо одно дело — сатанинский антураж, ощущение власти, контроля, игры в мистику и сексуальные ритуалы, когда даже вместо алтаря используется обнаженная женщина, и совсем другое — реальная связь с Хозяином. Он и сейчас ощущал тот леденящий холод, который вдруг окутал сатанинский храм несколько дней назад, во время отправления черной мессы. Вначале все шло как нельзя лучше. Но когда магистр прочитал нараспев Первый енохианский ключ, а публика вошла в транс и прозвучал гонг, используемый в ритуалах для вызывания сил Тьмы, ЛиВея неожиданно вызвали к телефону. Узнав, кто звонит, он сразу же покинул мессу. У собеседника был тихий, вкрадчивый голос, от которого тем не менее по коже шли мурашки. Ему приказали сделать все возможное,

чтобы заполучить утерянные восемь листов Библии дьявола. Тогда же ему была названа фамилия Трубецкого. У ЛиВея не было ни малейших сомнений относительно того, кому принадлежал этот голос. И он начал действовать.

Прага, 2010 год

В этот раз Сергей Михайлович Трубецкой явился в Национальный музей Праги не с пустыми руками. Он предусмотрительно заручился поддержкой коллег из Британского музея и библиотеки Ватикана, с которыми ранее работал по различным библейским проектам. Благо, друзья не подвели, и ему удалось все организовать буквально за несколько часов. С рекомендательными письмами в руках он добился разрешения на скрупулезное исследование найденных в арках Карлового моста списков. Результаты не заставили себя ждать. Устав святого Бенедикта, столь аккуратно выписанный на восьми вырезанных пергаментных листах, оказался не чем иным, как палимпсестом. В микроскоп было явно видно, что первоначально на пергаменте был написан совсем другой текст, однако его стерли настолько тщательно, что попытки прочитать хотя бы незначительные фрагменты оказались безрезультатными. Анализ чернил позволил также установить, что устав святого Бенедикта был написан в том же столетии и теми же чернилами, что и надписи на глаголице и кириллице, которые Трубецкой исследовал в Стокгольме, то есть значительно позже самой Библии. Но вот кто и зачем сделал все это, так и оставалось непонятным.

Продолжая свои исследования, Трубецкой ни на секунду не забывал об Анне. Его крайне смутило предсказание Екатерины ЛиВей о том, что исчезновение Анны имеет какое-то отношение к этим злосчастным страницам, ведь изъять их из музея или похитить было невозможно. Он никак не мог взять в толк, какова связь между присланными Анне фотографиями, ее исчезновением и Библией дьявола. И тогда Трубецкой решил на всякий случай сделать очень качественные фотографии с этих страниц, а по возвращении в Киев заняться поисками Анны всеми доступными средствами. В музее долго сомневались, разрешить ли ему фотографировать найденные в арках Каменного моста записи, но потом, с учетом представленных Трубецким рекомендаций, все-таки дали согласие. Можно было считать, что расследование закончено.

Сергей Михайлович покинул библиотеку лишь поздним вечером. Он был утомлен и решил прогуляться до гостиницы пешком, чтобы еще раз насладиться Старым Местом. И хотя загадку восьми вырезанных листов до конца разрешить так и не удалось, он все же испытывал некоторое удовлетворение, ибо сделал все возможное. Трубецкой достал телефон и позвонил Конраду Густаффсону в Стокгольм. Тот сбросил звонок. Было, в общем-то, уже поздно, но Трубецкой набрал его еще раз. На повторный вызов Конрад ответил.

— Кто это, кто? — прокричал он в трубку не совсем вежливо, даже, можно сказать, раздраженно. — Что вам нужно?

— Это Трубецкой, — сказал удивленный Сергей Михайлович. — Вы можете говорить? Чувствовалось, что Конрад чем-то крайне взволнован, поскольку он никогда не позволял себе так разговаривать.

— Профессор, простите Бога ради, у нас тут сейчас такое происходит... — Густаффсон, похоже, был крайне возбужден и говорил с сильным акцентом. — Давайте пообщаемся чуть позже.

— Хорошо, — ответил Трубецкой, — просто я закончил расследование и хотел сообщить вам о его результатах.

— И что же вам удалось установить? — По голосу Густаффсона чувствовалось, что он на секунду сосредоточился.

— Утерянные страницы хранятся в Национальном музее в Праге, в Клементинуме. Их нашли в прошлом столетии замурованными в арках Карлового моста. На них написан устав святого Бенедикта, но это — палимпсест. К сожалению, установить первоначальный текст не представляется возможным. Судя по анализу букв, чернил и некоторым другим факторам, нынешний текст написан в период правления императора Рудольфа II — где-то в конце XVI — начале XVII века. Просто здесь никто не соотнес эти страницы с Библией дьявола.

— Точно, все совпадает! — прокричал, прерывая его, Густаффсон. — Спасибо, я с вами еще свяжусь! — И закончил разговор.

Сергей Михайлович был крайне удивлен такой реакцией, но решил дождаться обещанного звонка прежде, чем делать выводы. Он посидел в небольшом уютном ресторанчике, поужинал. Свежесваренное пиво с «коленом» — запеченной ногой поросенка с соусом, хреном и горчицей было просто *formidable*, как сказал бы француз. Тем временем наступила ночь. Когда он добрался до Карлового моста, часы показывали без пяти минут полночь. Невзирая на поздний час, по мосту все еще прогуливались романтические парочки. Трубецкой уже дошел до середины моста, когда его неожиданно окликнули по-русски:

— Профессор, не правда ли, чудесная погода?

Погода и правда была просто великолепной. Мягкий ветерок, свежий прохладный воздух, звездное небо над головой — что еще нужно человеку для успокоения души? Тем не менее вопрос о погоде в полночь выглядел несколько странно. Сергей Михайлович обернулся на голос. У подножия памятника святому Франциску Борджа, прямо под изображенным на постаменте черепом, увенчанным короной, сидел человек в смокинге, с тростью и в пенсне. На его лицо падала тень, и разглядеть его как следует в лунном свете было совершенно невозможно. Сияла лишь будто намазанная фосфором белоснежная сорочка, на фоне которой угадывалась «бабочка», да поблескивали стекла пенсне.

— Вы ко мне обращаетесь? — спросил Трубецкой.

— Ну, разумеется, профессор, к вам. Согласитесь, что вот тот молодой человек, — незнакомец указал тростью на только что прошедшую мимо них парочку, — совершенно не похож на профессора. Прошу вас, присаживайтесь.

Человек жестом показал на свободное место справа от него. Сергей Михайлович замялся в нерешительности. На всякий случай оглянувшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, он присел рядом с незнакомцем. Вдруг повеяло холодом, и Трубецкой невольно поежился.

— А мы что, знакомы? — спросил он.

— Нет, в личном качестве мы встречаемся впервые, и я рад нашему знакомству, — ответил человек в смокинге.

— И как же вас величать? — поинтересовался Трубецкой.

— Ну, скажем, называйте меня князь.

— Вот как? — Сергей Михайлович не скрывал удивления. — Просто князь — без имени и фамилии?

— Да, так проще, знаете ли. Я не люблю лишней рекламы.

— Пусть так. И что же делает говорящий по-русски аристократ в смокинге на Карловом мосту в полночь? И с чего это вы взяли, что я профессор?

— Сергей Михайлович, — сказал князь назидательно, — настоящий профессор — это же не мясник, право, его сразу видно, за тысячу верст. Интеллект не спрячешь.

— Так вы и имя мое знаете?

— И не только имя. Я много чего про вас знаю. Но дело не в этом. Я здесь, чтобы поблагодарить вас. Ну, не специально, конечно, а так, проездом, но тем не менее.

— Поблагодарить меня? За что?

— За ваши усилия по поиску пропавших восьми листов из этой чудной Библии. Ведь как звучит: «Codex Gigas», — слегка нараспев, мечтательно произнес он, — это же просто музыка! Вы блестяще выполнили свою задачу. — В следующее мгновение его тон сделался деловым: — Между прочим, ваше приглашение в Стокгольм организовал я.

— Вы? — Трубецкой был до крайности удивлен. — Я думал, его направил король Швеции.

— Разумеется. Но король его только подписал — по моей рекомендации. У меня, знаете ли, есть неплохие связи среди европейских монархов, — сказал князь. — Как говорили древние, *per me reges regnant* — через меня царствуют цари! — сказал он, сопроводив свои слова характерным жестом — поднятым вверх указательным пальцем. — Так что исполнение — его, а идея — моя. Но, опять-таки, дело не в этом. Невзирая на свои, прямо скажем, немалые возможности, я, увы, не знал, что император Рудольф сделал с этими страницами. Он так тщательно скрыл все с помощью белой магии, что даже я не смог проникнуть сквозь туманную завесу... И потом, как удивительно ловко, даже остроумно он придумал спрятать их на Каменном мосту! Bravo, старина Рудольф. Увижу — обязательно сделаю ему комплимент.

— Но откуда вы знаете о моем участии в исследовании пропавших страниц? Я что-то не припомню рекламной кампании по этому поводу. — Трубецкой пропустил мимо ушей странное обещание князя сказать что-то давно умершему монарху.

— Нет ничего проще. От Конрада Густафсона. Вы же сами ему недавно звонили.

У Сергея Михайловича все внутри сжалось. Либо этот человек его разыгрывал, либо... Сидящий рядом с ним князь достал сигарету и закурил.

— Хотите? — спросил он Трубецкого и протянул ему портсигар.

— Нет, спасибо, я бросил курить десять лет назад.

— Да, я знаю, просто искушал, — сказал князь с совершенно серьезным выражением лица. — Работа у меня такая.

Возникла пауза.

— А знаете ли вы, почему на постаменте этой скульптуры изображен череп с короной? — спросил князь. И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Официальная легенда гласит, что Франциск Борджа был совершенно мирским человеком, образованным кавалером с женой и восемью детьми, пока однажды не заглянул в гроб с останками горячо им любимой королевы Изабеллы. Что он там увидел, история умалчивает, но после этого он отрекся от мира и стал монахом. Якобы в память об этом событии череп с короной тут и появился. Вот так-то. Я всегда говорил, что религия — это один из способов человечества победить страх смерти. Впрочем, имеется и другое объяснение, о котором, я надеюсь, вы и сами скоро догадаетесь. Кстати, Франциск Борджа — это еще один выдающийся иезуит, третий по счету генерал ордена. Тут, на мосту, вообще-то много иезуитов, так что вам просто повезло, что вы сразу

попали на то место, где стояла скульптура Игнатия Лойолы. Ладно, — сказал он, как бы завершая разговор. — Дело сделано, и мне, пожалуй, пора. Прощайте.

Он встал и неспешно направился восвояси, опираясь на тросточку и чуть прихрамывая на одну ногу.

— Так это был Рудольф? — бросил ему вдогонку Трубецкой.

— Он, — обернувшись, утвердительно ответил князь. Он стоял в нескольких шагах от Трубецкого, расставив ноги и опершись двумя руками на трость. — Редкой душевной цельности был человек, — произнес он с сарказмом. — Только представьте: верноподданный Папы Римского, получивший самое ортодоксальное католическое образование в Испании, и одновременно алхимик, у которого маги и чернокнижники Джон Ди и Эдвард Келли при дворе служили. Выдающиеся были персонажи, с ангелами общались... Не мудрено, что Рудольф закончил жизнь с целым букетом психических расстройств. Но, кстати, надо признать, что алхимиком он был превосходным. Здесь, в Праге, творил, — князь указал тростью на Пражский Град, — вон там, на горе, в Каменной башне. Однако мне пора.

Он снова зашагал прочь, в темноту.

— Я хочу знать, что там было написано! — вдруг выкрикнул ему вслед Трубецкой. Князь снова остановился, обернулся и с явным неудовольствием в голосе проговорил:

— Скажите, профессор, вы хотите быть счастливы? Нет, не отвечайте! Конечно же, хотите, такова человеческая природа. Так вот, знайте, что *истина есть познание зла*, поэтому счастье со знанием несовместимо. Истина — она в руках Всевышнего, ибо Ему только дано отличать Добро и Зло. Вот Адам с Евой покусились познать то, что присуще лишь Творцу, и видите, что из этого вышло... Вспомните, как говорили древние: от многого знания — много печали. Так что пусть лучше все остается как есть.

И ушел в темноту, насвистывая мелодию из «Фауста».

В этот момент у Трубецкого зазвонил телефон. От неожиданности Сергей Михайлович вздрогнул. Все еще пребывая в недоумении от странной встречи, он ответил на звонок. Это был Конрад Густаффон.

— Профессор, — сказал Конрад, уже, видимо, успокоившись, — прошу прощения, что я не смог с вами разговаривать, но вы не поверите — у нас тут была попытка похитить Codex Gigas. Группа каких-то молодых людей, похожих на сектантов, напала на автомобиль, в котором перевозили книгу. Полиция их задержала, сейчас идет расследование. Поэтому я не имел возможности с вами говорить.

— Как книга? — с тревогой в голосе спросил Трубецкой.

— Не волнуйтесь, — ответил Конрад. — Она в целости и сохранности, уже возвращена в хранилище. Они до нее не добрались. Да Бог с ними! Спасибо вам за сотрудничество. У нас тоже было такое мнение, что на пропавших страницах был записан устав святого Бенедикта. Это мы по различным косвенным признакам смогли установить. Так что спасибо вам еще раз. Будете в Стокгольме — позвоните мне. Я всегда буду рад вас видеть.

Густаффон закончил разговор прежде, чем Трубецкой успел спросить у него о князе. Сергей Михайлович сделал еще несколько попыток дозвониться, но Конрад больше не отвечал на звонки, и Трубецкой оставил это занятие.

Сергею Михайловичу ничего не оставалось, как отправиться в отель и лечь спать. Ему было невдомек, что после разговора с ним и прежде, чем вполне осознанно отключить телефон, доктор Густаффон сделал еще один звонок.

— Ваше преосвященство, — сказал он, обращаясь к неизвестному собеседнику, — я вынужден вам сообщить, что наши партнеры едва не сорвали весь план. Представляете, они неожиданно сделали несанкционированную попытку завладеть самой книгой, шведские власти просто в ярости. Надеюсь, что эти фанатики не знают истинной цели всей операции... А вот с нашим славянским другом все в порядке, — в голосе Густаффсона сквозила ирония, — он не только подтвердил свою высокую репутацию и нашел утерянные страницы, но и установил, что на них записан устав святого Бенедикта, который никого не интересует. Однако теперь у нас есть мнение авторитетного ученого по этому поводу, да еще из России, то есть православного. Придаться, если даже возникнут вопросы, будет просто не к чему. Так что сомнений больше нет — имеющийся у вас документ единственный и неповторимый.

Рим, 1998 год

Утро 4 мая 1998 года в Риме ничем особенным не отличалось, оно было солнечным и мирным. Младший капрал швейцарской гвардии Ватикана 23-летний Седрик Торнэ, как обычно, заступил на службу по охране папских апартаментов. Он уже более трех лет служил в гвардии и чувствовал себя на службе как рыба в воде. Платили, конечно, не очень, да и условия были жесткие — запрет на вступление в брак, суровая дисциплина, усиленные тренировки на плацу, в стрельбе и по рукопашному бою, обязательные молитвы, — но честь служить в охране самого Папы — что могло быть престижнее для воина и преданного католика?

Однако тот день все же был не совсем обычным для швейцарцев. Около полудня должна была состояться торжественная церемония принятия присяги их новым командантом — 44-летним полковником Алоизом Эстерманом. Это был тот самый гвардеец, который 13 мая 1981 года мужественно бросился под пули турецкого террориста Мехмета Али Агджи, стрелявшего в Папу Иоанна Павла II на площади Святого Петра. Алоиз чуть запоздал, и две пули все же поразили понтифика. К счастью, Папа был только ранен, выздоровел и сегодня лично благословит Эстермана на командование гвардией. Вот уже пять сотен лет наемный отряд швейцарцев из чуть более ста рядовых алебардистов и двух дюжин офицеров охраняет Святой престол, и эту традицию никто отменять не собирается.

Вступление нового командира в должность было праздником для гвардейцев. Для всех, кроме Седрика. Капрал Торнэ стоял, вытянувшись по струнке, в прохладном коридоре папской резиденции, но мысли его были далеки от места службы. Сегодня вечером, после присяги и благословения, семья Эстерманов переедет из своей римской квартиры в самую резиденцию. Это означало, что он больше не сможет видеться с Глэдис.

Глэдис Ромэро, молодая, красивая и горячая испанка, была женой полковника Эстермана. В особых случаях Папа давал разрешение на брак старших офицеров гвардии, а командант, кроме всего прочего, имел привилегию жить в папской резиденции. Эстерман женился недавно, лишь пару лет тому назад, и с первого дня, когда Седрик увидел его жену, безумная страсть охватила его. Глэдис знала об этом. Женщины умеют чувствовать настоящую страсть, а испанки еще и искусно ею управляют. Разумеется, они оба были католики, и это сдерживало развитие их отношений, но, к счастью, в католической традиции нет грехов, которые нельзя было бы искупить.

Седрик всегда точно знал, где находится его начальник, и они виделись с Глэдис только в безопасные часы. Они еще не стали любовниками, но Торнэ был родом из французского кантона Швейцарии, он умел ухаживать за женщинами и не сомневался, что правильная осада рано или поздно приведет к падению крепости, как бы хороши ни были ее укрепления.

И вот теперь все его усилия пошли прахом. Вне службы вход в резиденцию Папы ему был заказан.

Впрочем, было бы несправедливо утверждать, что Седрик не боролся с искушением. На протяжении довольно длительного времени он весьма успешно гнал от себя прочь греховные мысли. Молитва, дополнительные занятия, даже вылазки в злачные места Вечного города — все это он перепробовал. Но Глэдис приходила к нему в снах, грезилась наяву, и молодой гвардеец сдался. Что ж, надо отдать должное дьяволу — он знает, когда и как подступиться к человеку.

Капрал Торнэ принял стойку «смирно», когда увидел, что по лестнице, ведущей в папские покои, поднимается одетый в парадный камзол полковник Эстерман. Он был невысок ростом, крепок в плечах и удивительно внешне похож на понтифика. Полковник одобрительно взглянул на Торнэ и прошел в приемную к Папе. Там его ждал папский камергер, кавалер Мальтийского ордена, представитель старейшего в Италии дворянского рода Энрико Сини Луцци.

Это была удача! Как только дверь за полковником закрылась, Торнэ сделал нечто совершенно недопустимое, граничащее с нарушением клятвы гвардейца. Он оставил свой пост и переместился к дверям приемной. Ему совершенно необходимо было знать, где и что будет делать полковник Эстерман после присяги. Ему нужно было увидеть Глэдис еще раз!

Один из ближайших приближенных Папы пригласил полковника Эстермана не по праздной причине. До присяги, которую по традиции принимал сам римский епископ, оставалось еще чуть больше часа. Они должны были быть уверены, что новый командир гвардии полностью осознает ответственность, которая на него возлагается. Более двадцати лет безукоризненной службы — это замечательно, но и понимание тонких моментов жизни Ватикана на этом посту совершенно необходимо. А ведь Алоиз Эстерман происходил из крестьянской семьи и не очень-то отличался умом и сообразительностью. Зато у него была обворожительная красавица-жена. Именно в этом обстоятельстве и скрывалась толика сомнения, которое не покидало сеньора Луцци.

— Прошу вас, полковник, присаживайтесь. — Папский камергер, поприветствовал Эстермана и жестом пригласил сесть в кресло напротив себя.

— Благодарю, — кивнув, по-солдафонски отчеканил полковник. Тем самым он как бы отказывался присесть.

— Прошу вас, здесь армейские манеры ни к чему. — Энрико Луцци был настойчив. — Садитесь же.

Полковник повиновался. Даже сидя спину он держал прямо, как на плацу.

— Мы рады, что выбор пал на вас, — сказал ему камергер, — и я поздравляю вас, полковник. Но перед тем как вы примете присягу, мы хотели бы убедиться, что вы до конца понимаете, какую ношу возлагаете на свои плечи.

На лице полковника отразилось недоумение.

— Но я уже более двадцати лет в гвардии...

— Мы знаем ваш послужной список. Он выглядит безукоризненно. Но нет ли у вас в душе нечто такого, от чего вы бы хотели освободиться?

Полковник выглядел растерянным.

— Ну, например, — Луцци сделал небольшую паузу, — не могли бы вы мне сказать, какие у вас взаимоотношения с капралом Торнэ? Правду ли говорят, что тут замешана любовная связь?

Услышав свое имя в таком контексте, Седрик едва не упал. Кровь мгновенно бросилась ему в голову. Он совсем потерял осторожность и буквально весь превратился в слух.

— Это... — только и успел услышать Торнэ, как сзади его грубо окликнули:

— Младший капрал Торнэ!

Седрик обернулся. Перед ним стоял майор швейцарской гвардии Мерде.

— Как это понимать? Вы посмели покинуть свой пост, да еще и подслушиваете? Немедленно отправляйтесь в казарму и под домашний арест! Это просто невыносимо!

Майор приказал одному из двоих гвардейцев, которые его сопровождали, заступить на пост, а второму — сопровождать Торнэ в казарму.

Седрик повиновался, но в его душе бушевала невиданная буря. Сейчас он отдал бы двадцать лет жизни, чтобы услышать ответ Эстермана и объяснение, кто мог так оклеветать его перед ближайшим окружением Папы.

Полковник вышел из приемной минут через тридцать, когда Торнэ уже был в казарме. Неизвестно, о чем еще говорили командующий гвардией и папский камергер, но лицо Эстермана словно окаменело. Он немедленно направился в свой офис и затребовал списки гвардейцев, представленных к награждению. Дело было в том, что все рядовые и офицеры, отслужившие три года, должны были сегодня получить медаль Бенемеренти — знак отличия за безукоризненную службу. Полковник просмотрел список и, дойдя до фамилии Торнэ, решительно вычеркнул ее. Настал момент для торжественного построения, и Алоиз Эстерман отправился на плац.

Он, разумеется, даже не подозревал о том, что сразу же после их разговора Энрико Луцци поднял трубку прямой телефонной связи и сказал неизвестному собеседнику всего лишь одну короткую, как выстрел, фразу:

— Теперь он знает.

Церемония принятия присяги и награждения прошла без сучка и задоринки. Майор Мерде вспомнил о капрале Торнэ лишь ближе к вечеру, когда офицеры уже закончили отмечать назначение нового команданта. У него было отличное настроение. Сегодня ему дали понять, что он — следующий в списке претендентов на звание подполковника и у него в перспективе — командование гвардией. Ему было обещано скорое продвижение по службе, и поэтому у него были основания для снисхождения. Майор направился в казарму, нашел Торнэ и объявил ему о смягчении наказания.

— Я разберусь с вами завтра, — сказал он, слегка покачиваясь от выпитого вина, — а сегодня идите, разделите со всеми праздник.

Сослуживцы встретили Торнэ сочувственными возгласами. От них Седрик узнал, что он единственный из всех не получил заслуженную медаль. Капрал выпил подряд три изрядных бокала вина и покинул собрание. Ему нужно было увидеться с Глэдис.

Он застал жену полковника в гостиной за упаковкой вещей. В квартире царил беспорядок, но для Торнэ все это не имело значения. Он прикрыл двери и решительно направился к Глэдис.

Она сразу же все поняла.

— Седрик, прекратите, — строго сказала Глэдис, оглядываясь по сторонам, чтобы найти что-нибудь подходящее для обороны. — Остановитесь же, вы с ума сошли!

Ранее, что и говорить, ей были приятны ухаживания молодого симпатичного капрала, но теперь, став женой полковника, командующего гвардией, она не собиралась ради страсти мальчишки с французской кровью отказываться от всех благ, связанных с этим назначением. Ну и пусть Алоиз был намного старше ее и не отличался пылкостью в постели, зато он крепко стоял на ногах и успешно делал карьеру. Для комфортной жизни это тоже немаловажно.

Седрик медленно приближался к ней, не выказывая ни малейших намерений внять голосу разума. Вино сделало свое дело, и в эту минуту именно Глэдис стала для него олицетворением всей той несправедливости, которой его подверг Эстерман. Наконец Глэдис оказалась на расстоянии вытянутой руки. Она закричала. Седрик кинулся на нее, схватил за руки и повалил на диван.

В эту минуту двери прихожей распахнулись. На пороге стоял полковник Эстерман с боевым карабином в руках.

— Нет, — закричала Глэдис, увидев мужа, — Алоиз, не делай этого!

Ее голос был заглушен первым выстрелом, а попытка Седрика спрятаться предотвращена вторым. Полковник отлично стрелял, и Глэдис умерла сразу. Впрочем, дополнительных выстрелов вообще не потребовалось. Капрала Торнэ он добил несколькими сильными и точными ударами прикладом по голове и в живот. Он остановился, лишь убедившись, что любовники мертвы.

Дело было сделано. С того самого момента, когда Луцци рассказал ему о связи Торнэ и Глэдис, полковник не находил себе места. Радость от торжественной церемонии была омрачена, он мечтал лишь дождаться вечера, чтобы поговорить с женой и убедиться в правоте выдвинутых обвинений или опровергнуть их. Что ж, сеньор Луцци оказался прав. Полночь застала Эстермана в гостиной. Он сидел, обхватив голову руками. Ружье валялось на полу. Он еще даже не успел осознать ужаса происшедшего, когда в комнату неслышно вошел человек в гражданской одежде. Он не скрывал своего лица и ничего не сказал, а просто достал револьвер и хладнокровно сделал два выстрела. Полковник упал.

— *Ad majorem Dei gloriam*¹⁶, — тихо, почти про себя произнес убийца и осенил полковника крестным знаменем. Затем он без лишней суеты тщательно вытер тряпочкой револьвер, подошел к неподвижно лежащему Седрику и, вложив оружие в его правую руку, крепко сжал немеющие пальцы трупа. Теперь для любого, кто увидит картину преступления, станет ясно, что между двумя мужчинами была перестрелка — очевидно, из-за женщины, — в которой пострадали все трое. С чувством выполненного долга убийца покинул апартаменты теперь уже бывшего командира швейцарской гвардии.

А еще через несколько месяцев в одном римском дворце слугами было обнаружено уже остывшее тело папского камергера Энрико Луцци. Он лежал на полу в спальне возле кровати в шелковом дамском белье и с шалью, затянутой на шее. Наследник древнего рода умер в возрасте шестидесяти шести лет от удара подсвечником по голове. Но вот кто нанес этот удар и почему он это сделал, так и осталось загадкой.

¹⁶ К вящей славе Божьей.

Киев, 2010 год

Сергей Михайлович стоял перед дверью собственной квартиры и никак не решался нажать на кнопку звонка. Он ведь так и не обратился в милицию по поводу исчезновения Анны. Особенно странно это выглядело бы после встречи с Екатериной и ее предсказаний. Что он мог сказать милиции? Что жена ушла, подозревая его в связях с другой женщиной, а медиум утверждает, что она находится в каком-то храме, украшенном изображениями Бафомета? Сергей Михайлович представил себе лекцию о сатанинском козле в отделении милиции. Вот смеху-то было бы. Но теперь Трубецкой сожалел, что не сделал даже этого. А вдруг Анна все еще не вернулась? Прошло уже три дня, как она пропала. Наконец он набрался смелости и нажал кнопку звонка. К его радости, дверь отворилась, и через мгновение Анна Николаевна уже была в его объятиях.

— Ну, слава Богу, ты нашлась, — только и выговорил Трубецкой. — И как же ты...

Анна не дала ему договорить.

— Прости меня, — сказала она, — я, как последняя дурочка, повелась на эту фальшивку и заподозрила тебя черт знает в чем.

При этих словах Сергей Михайлович вздрогнул.

— Прошу тебя, не поминай нечистого всуе, — сказал он. — Я тебе тут такое должен рассказать...

— Я тоже многое должна тебе рассказать. Ты знаешь, что я была в плену у сатанистов? А подозреваешь, что меня вызволил спецназ родной милиции?

У Трубецкого внутри все похолодело.

— Где? Где ты была? У сатанистов? Прошу тебя, расскажи мне все немедленно!

Они прошли в его кабинет, Трубецкой усадил Анну напротив себя, и она рассказала ему все от начала и до конца.

Трубецкой был изумлен.

— То есть, выходит, что эти истории с Маргарет, экскурсоводом в Праге, вроде как случайными встречами в Стокгольме и Киеве, — все это было заранее подстроено ЛиВеем и его женой? Уму непостижимо... Черт, как же я раньше-то не догадался! Признаться, интуитивно я чувствовал, что меня, как говорят шпионы, «ведут», но чтобы такой многоходовый спектакль разыграть... Зачем все это?

— Не знаю, зачем им все это было нужно, но спектакль получился отменный. — Анна покачала головой. — Я думаю, что такой эффектной женщине, как Екатерина ЛиВей, совсем не трудно при необходимости поменять макияж, прическу, стиль одежды, чтобы создать иллюзию мистического перевоплощения, и при этом выдать в нужный момент «правильную» подсказку. Она еще и полиглот, как выяснилось... Я тоже хороша — попала на их удочку, как девчонка! Будто под гипнозом была.

— Ладно, — Трубецкой взял ее за руку, — не расстраивайся, не ты первая, не ты последняя. Главное, что ты потом все-таки разобралась, в чем дело.

— Сережа, я была на черной мессе, — вдруг шепотом проговорила Анна. — Ты даже не представляешь себе, что это такое... Не могу взять в толк, зачем они меня туда затащили, но это был такой ужас... Вообрази: вместо алтаря — обнаженная женщина с распущенными волосами и демоническим макияжем, а чашу, ну вроде той, что в церквях используют для причастий, пристроили между ее ног. Служат у них жрец и жрица — ими как раз и были эта

твоя Маргарет-Екатерина, или кто она там на самом деле, и ее муж. Они говорили, что таким образом чаша наполняется энергией матери-земли... Можешь себе представить: полночь, мрачный, убранный во все черное зал с сатанинской символикой: пентаграммы, Бафомет, свечи с каким-то дурманящим ароматом. У меня потом галлюцинации начались, и я никак не могла прийти в себя. Мужчины все были одеты в черные робы с капюшонами, а женщины чуть ли не голые, ну, в предельно откровенных нарядах. На груди у каждого — амулет с изображением Бафомета. Сначала жрица что-то читала на непонятном языке, вроде как сатану призывала, затем они совершили самое настоящее жертвоприношение — к счастью, не человеческое. Это был голубь, кровью которого они кропили свои пентаграммы. Там было несколько новичков, так над ними проводили обряд посвящения, кровь их брали в общую чашу, по несколько капель у каждого, потом развели водой и всем им дали по глотку... После этого мне стало дурно и я ничего не воспринимала... А еще они говорили в проповеди, что верить в какое-то сверхсущество, то есть в Бога, — очень глупо и бессмысленно, поскольку Бога на самом деле придумал человек, и сделал он это от страха и безответственности. Ведь, мол, очень удобно все, что нельзя объяснить, равно как и вполне понятные человеческие ошибки и проступки списывать на волю Всевышнего. На самом же деле, по их мнению, все в мире определяется прямым взаимодействием человек — Вселенная, и я подумала, что именно такая, с позволения сказать, философия, когда человек, его необузданные желания и самые сильные чувства поставлены в центр мироздания, и привлекает к ним все новых и новых сторонников. Согласись, что непросто спорить с логикой силы, особенно если противопоставлять ей лишь сплошное смирение и послушание.

Анна рассказала, что пробыла под домашним арестом у сатанистов двое суток. Они поместили ее в комнату, предназначенную, видимо, для новопосвященных членов секты, поскольку в комнате была небольшая библиотека специфической литературы, причем многие из книг были на английском и немецком языках. Чтобы как-то скоротать время, Анна полистала некоторые из них. Приставленные к ней девушки из охраны приносили еду, но из комнаты не выпускали. Лишь раз ее сопроводили на черную мессу и назад.

А на третий день в дом вдруг ворвались «беркутовцы», уложили всех на пол, начиная с членов секты и кончая прислугой с охраной. Анне тоже поначалу досталось. Но потом она объяснилась с милицией, и они даже подвезли ее домой.

Оказалось, что произошло нечто совершенно немыслимое. В Стокгольме Библию дьявола должны были перевезти из Королевского музея для демонстрации на какой-то местной выставке, всего на один день. Группа членов секты ЛиВея, которая на самом деле имеет корни далеко за границей, организовала нападение на автомобиль, в котором ее транспортировали, чтобы, очевидно, похитить. Однако охрана сработала четко, и всех нападавших довольно быстро и эффективно отловили, после чего brave воины Тьмы раскололись на первом же допросе и указали место пребывания их магистра. Дальше все было делом техники. Полиция Стокгольма связалась с киевскими коллегами, и в результате штаб-квартира организаторов всей этой криминальной затеи была ликвидирована, а Анна освобождена.

— Знаешь, а ведь я получил от него благодарность, — только и сказал на это Трубецкой.

— От кого? — переспросила Анна. — От ЛиВея?

— Да нет же, от самого князя Тьмы.

И Сергей Михайлович, в свою очередь, рассказал ей о том, что ему удалось обнаружить в Праге, а также о своей странной встрече в полночь на Карловом мосту с незнакомцем, который назвался князем.

— Теперь я думаю, — сказал Трубецкой, — что это был сам сатана, прямо по Новому Завету — князь мира сего, хочешь — смейся надо мной, хочешь — нет. Он такие вещи мне рассказывал, что сомнений быть не может — он тот, кто точно знает, что было первоначально написано на утерянных страницах из Библии дьявола. И много чего другого знает, что происходило в прошлом.

— После пережитого я поостерегусь над тобой смеяться, тут во что хочешь поверишь... Если только это не был очередной артист из их сатанинской шайки, то я вовсе не исключаю, что ты прав. Может быть, именно поэтому он так пренебрежительно и про земных королей отзывался, что он сам — «повелитель земли и огня», которому подчинены земные царства? Во всяком случае, именно так его величают библейские пророки... Но подожди секундочку, у меня к тебе есть другой вопрос. Ты упомянул имена Джона Ди и Эдварда Келли. Я не ослышалась?

— Да, этот князь назвал мне их в качестве «чернокнижников и магов», которые работали при дворе короля Рудольфа. Именно этот монарх перевез Библию дьявола из бенедиктинского монастыря в Прагу.

— Ты знаешь, а я ведь слышала эти имена, когда была у сатанистов. Точнее, читала о них. В комнате, где меня держали, была «Сатанинская библия» Антона ЛаВея — классика сатанизма. Так вот, я полистала ее на досуге. В самом конце, в так называемой «книге Левиафана» содержится его интерпретация каких-то девятнадцати «енохианских ключей» Джона Ди. Я не вчитывалась, но мне кажется, что там упоминается и Эдвард Келли, который получил эти «ключи» как откровение от некоего ангела Уриэля...

— Что? От кого? — переспросил Трубецкой. — Ты не ошиблась? От Уриэля?

— Я не могла спутать, я помню это имя из Библии. Там было сказано, что Джону Ди являлся этот ангел и диктовал какие-то послания на неизвестном языке, который позже расшифровали.

— Невероятно, просто не могу в это поверить... Дело в том, что Уриэль — это ведь не просто имя какого-то ангела. Это особый ангел — земли и огня, гнева и мщения... А еще он называется Князем ангелов. Тебе не кажется, что совпадений многовато? И там, и там — князь, и там и там — земля и огонь...

Найти в Интернете текст «енохианских ключей» из «Сатанинской библии» Шандора ЛаВея было делом пятнадцати минут. Сомнения отпали, когда Сергей Михайлович прочитал первый «ключ». Как утверждалось, в примерном переводе с «енохианского» языка на русский он гласил:

«Я правлю вами, — говорит Бог Земли, — властью, вознесенной с земли до небес, в чьих руках солнце — сверкающий меч, а Луна — пронзающее пламя; ваши одежды находятся среди моих одеяний, власть эта связывает вас воедино, как ладони моих рук, и озаряет ваши деяния светом Преисподней.

Я учредил для вас закон, управляющий святыми, и передал вам жезл своей высочайшей мудрости... Вы возвысили свои голоса и присягнули Ему — тому, кто живет, торжествуя, у кого нет ни начала, ни конца... тому, кто сияет, как пламя, посреди ваших дворцов и правит среди вас, как жизненное равновесие.

Посему же покажись немедленно! Открой тайны своего творения! Будь ко мне благосклонен, ибо я равен тебе, — истинный почитатель высочайшего и несравненного Короля Ада!»

— Смотри, — сказал Сергей Михайлович Анне, — здесь говорится, что это — «воззвание сатаны, излагающее начало законов мирских теологических учений и несокрушимой силы, свойственной тем, кто достаточно смел, чтобы признать земные начала и абсолюты». Теперь я понимаю, почему князь был столь спокоен в отношении восьми утерянных страниц. Он передал свое послание другим способом! Ибо дьявол может перевоплощаться в кого угодно, в том числе и в ангела света. Но в чувстве юмора ему не откажешь — взять и назваться Уриэлем...

Некоторое время спустя догадка Трубецкого получила косвенное подтверждение из совершенно неожиданного источника. Как-то ему на глаза попала написанная еще в 1888 году статья Е. П. Блаватской «Культ звезд и ангелов в Римско-католической церкви», опубликованная в журнале «Люцифер». И вот что он в ней прочитал.

«В середине VIII века христианской эры хорошо известный архиепископ Адальберт из Магдебурга — знаменитость, каких немного в анналах магии, — предстал перед своими судьями. Он был обвинен и в конце концов осужден вторым собором в Риме под председательством Папы Захария за то, что он использовал в ходе представлений церемониальной магии имена "семи духов" — в то время наиболее могущественных в Церкви, — и среди прочих имя УРИЭЛЬ, при помощи которого он достиг успеха в создании величайших из своих феноменов. Как это легко показать, Церковь выступает не против магии как таковой, а против тех магов, которые не соглашались с ее методами и правилами вызывания духов. Однако, поскольку чудеса, совершенные его высокопреподобием колдуном были не такого характера, чтобы их можно было классифицировать как "чудеса по милости Божией и во славу Бога", они были объявлены дьявольскими. Кроме того, архангел Уриэль (lux et ignis, свет и огонь) был скомпрометирован такими проявлениями и его имя должно было быть опозорено. Но, так как такое бесчестие одного из "тронов" и "посланников Всевышнего" уменьшило бы число этих еврейских саптариши [семерки риши] до шести и, таким образом, внесло бы путаницу во всю небесную иерархию, прибегли к помощи весьма хитрой и мудрой отговорки. Однако она была не нова и не оказалась достаточно убедительной и эффективной.

Было объявлено, что Уриэль епископа Адальберта, "огонь Божий", не был архангелом, упомянутым во второй Книге Ездры; не был он также и знаменитым персонажем, столь часто упоминаемым в магических книгах Моисея — особенно в 6-й и 7-й. Византиец Михаил Гликас говорил, что сферой или планетой первоначального Уриэля было солнце. Как же тогда это возвышенное существо — друг и компаньон Адама и Евы до их падения и позднее приятель Сифа и Еноха, как это известно всем набожным христианам, — как мог он когда-либо протянуть руку помощи колдуну? Никогда и никоим образом! Сама эта идея была абсурдной.

Таким образом, Уриэль, столь почитаемый отцами Церкви, остался таким же неприступным и непорочным, как и всегда. Это был дьявол с тем же самым именем — скрытый дьявол, следует думать, поскольку он нигде больше не упоминался, — тот, кто должен был нести ответственность за черную магию епископа Адальберта. Этот "дурной" Уриэль, как это настойчиво пытался внушить некий украшенный тонзурой адвокат, связан с неким важным словом оккультной природы, используемым и известным

лишь масонам высшей ступени. Однако, не зная самого этого "слова", защитник оказался совершенно неспособным доказать свою версию».

Magna est veritas et prevalebit. Истина велика и восторжествует.

Где-то под Киевом, 2010 год

Была уже глубокая ночь, когда синий «СААБ» вырулил наконец на трассу и начал набирать скорость во всю мощь своих форсированных двухлитровых легких. Они держали путь на юг. Сидящий за рулем Шон ЛиВей нервным движением достал сигарету и прикурил от зажигалки, заботливо предложенной супругой. Минут пятнадцать они ехали молча, не отрывая глаз от дороги и думая каждый о своем. Только что им каким-то чудом удалось ускользнуть от милиции, и в целях предосторожности они проехали несколько километров по проселочной дороге, даже не включая фар. ЛиВей был просто вне себя от ярости.

— Черт, черт, черт! — вдруг выкрикнул он с дикой злобой в голосе и ударил рукой по рулю. — Как же это мы попались! — ЛиВей покачал головой. — Ума не приложу, что могло пойти не так... Кажется, все было настолько тщательно спланировано и до цели оставалось только руку протянуть, а тут такое! — выговорил он, уже овладев собой и глубоко затянувшись едким дымом.

— Прошу тебя, успокойся. — Екатерина ЛиВей нежно погладила его по плечу. — Все равно ты — гений. Это, видимо, просто какое-то чудовищное недоразумение... Может, позвоним в Рим, его преосвященству, объясним ему все? Ведь никакой непоправимой трагедии не случилось...

— Еще успеем, — раздраженно ответил Шон. Он только на мгновение представил себе разговор с генералом и его объяснения по поводу того, зачем надо было пытаться похитить саму Библию, когда задача стояла всего лишь отыскать пропавшие страницы. Разве объяснишь этому закостенелому фанатику-иезуиту, что уникальная, самая большая в мире Библия, да еще древняя, с портретом дьявола во весь рост, — это же просто находка, ключ на пути к признанию его главой церкви сатаны! Именно эта книга была истинной целью всей его игры! Он и согласился-то помогать иезуитам лишь потому, что хотел заполучить саму Библию дьявола, а не какие-то жалкие утерянные страницы. Просто иезуитам он об этом ничего не сказал.

— Сначала надо снять стресс, — заявил, обращаясь к жене, ЛиВей и грубоватым жестом обнял свободной рукой супругу. — И лучше всего для этой цели подходит женщина. Но об этом его преосвященству знать вовсе не обязательно. Он у нас девственник.

Шон ухмыльнулся, затушил сигарету и свернул к своевременно показавшейся впереди придорожной гостинице. Он припарковал машину за отелем так, чтобы ее не было видно с дороги. Погони ЛиВей уже не опасался — видимо, им удалось улизнуть от ментов незамеченными, однако он справедливо считал, что осторожность лишней не бывает.

Они быстро сняли номер и поднялись наверх. Екатерина была в ванной, когда у него зазвонил телефон. Номер был незнаком, но Шон ответил. Он несколько раз прокричал в трубку «алло», однако с другой стороны никто не отозвался. ЛиВей с раздражением бросил телефон на тумбочку и сел на кровать. Затем он подумал, снова взял телефон и набрал номер.

— Привет тебе, мой черный брат, — сказал он без малейшей доли иронии в голосе и продолжил говорить тоном человека, не терпящего возражений. — Мне нужна машина. Возьмите «БМВ» с дипломатическими номерами. И паспорта тоже прихватите, мой и Екатерины. Да, я думаю, румынские подойдут лучше всего. Снимите сколько получится денег, хоть и все. Часть возьмите в долларах, часть — в евро. И чтоб купюры были не новые. Я в гостинице на 156-м километре одесской трассы. Жду вас через два часа.

Шон выключил телефон.

— Кто это был? — томным голосом произнесла Екатерина, неслышно, по-кошачьи подкравшись и обнимая мужа сзади. Она уже разделась, за исключением стрингов и лифчика, которые он любил снимать сам.

— Так, видимо, ошиблись номером.

При этих словах Екатерина ловким движением повалила его на кровать и уселась сверху.

— Ну, показывай теперь, какой ты дьявол, — томно зарычала она и принялась сдирать с ЛиВея рубашку.

В эту минуту дверь номера резко распахнулась и в комнату ворвался человек спортивного телосложения, на голову которого была надета трикотажная шапочка с прорезями для глаз. В его руке был пистолет с глушителем. Екатерина умерла сразу. Выстрел в спину откинул ее на пол. Шон, запутавшийся в собственной рубашке, попытался приподняться, но первый выстрел — в живот — пригвоздил его к кровати.

— За что? — прошептал он, корчась от боли.

— За самодеятельность. Ваши люди в Стокгольме чуть было все не испортили. Мы столько сил потратили на то, чтобы проникнуть в эту проклятую протестантскую Швецию, создать там свою сеть, а ваши идиотские выходки поставили под угрозу все усилия ордена. Зря вы затеяли собственную игру, господин ЛиВей. Вы нарушили главный принцип организации — безусловное подчинение. Генерал приговорил вас к смерти, — обстоятельно ответил вошедший и выстрелом в голову довершил начатое.

— *Ad majorem Dei gloriam*. К вящей славе Божьей, — произнес убийца, перекрестившись. Затем он взял из шкафа куртку Шона, нашел и положил в карман ключи от машины, мобильный телефон ЛиВея и вышел из комнаты, тщательно прикрыв за собой дверь.

В коридоре гостиницы он снял шапочку, водрузил на голову кепку, надел куртку ЛиВея и вышел на улицу через черный ход. Не спеша, чтобы даже в темноте не привлекать внимания, он прошел на парковку, где стоял синий «СААБ», и открыл багажник. Затем сделал вид, что роется в каких-то вещах, а сам отогнул сбоку обшивку, достал из-под нее небольшое устройство, которое обычно используется милицией для слежения за угнанными автомобилями с помощью спутника, сунул его в карман, закрыл багажник и выбросил ключи от машины в ближайший мусорный контейнер. Перед гостиницей его ждала неприметная грязно-белая «копейка» с водителем и заляпанными грязью номерами. Как только пассажир сел, «копейка» беспрепятственно выехала на трассу и умчалась в сторону Одессы. По дороге с телефона только что убитого ЛиВея он отправил текстовое сообщение на телефонный номер Трубецкого. Сообщение гласило: «Жду вас, как и договаривались, в гостинице на 156-ом километре одесской трассы». Убедившись, что сообщение доставлено, он выкинул телефон на обочину дороги. Туда же немного погодя отправилась и куртка ЛиВея. «Пусть теперь полицейские ломают голову, чем это ему насолил ЛиВей со своей бабой», —

ухмыльнулся про себя убийца. Лишь после этого он позвонил в Рим и отчитался о проделанной работе.

Рим, 2011 год

Мрачное серое здание неподалеку от собора Святого Петра не отмечено на туристических картах Рима. Посторонним тут делать нечего, это место — для посвященных. Да и те предпочитают приходить в этот дом не для праздного любопытства, а лишь по личному приглашению генерала Адольфо Николаса, ибо глава Ордена иезуитов не любит неподготовленных сюрпризов. Хотя таковые все же случаются, и иногда — даже против его воли.

Именно таким сюрпризом оказался неожиданный звонок из Ватикана от камерлинго — испанского кардинала Хосе Торреса, старшего из кардиналов Римской курии и хранителя престола его святейшества.

— Монсеньор хотел бы с вами встретиться. На вашей территории. Он сейчас прибудет, — сказал камерлинго. — Надеюсь, вы не откажете нам в этой любезности.

Последнее замечание было излишним. Глава Ордена иезуитов был связан клятвой безусловного подчинения своему патрону, Папе Римскому, и готов был служить ему в любое время дня и ночи.

От резиденции Папы в курию ордена ведет подземный ход — пассетто, причем весьма комфортно обустроенный для проезда небольшого электромобиля. Папа прибыл ровно через десять минут. Генерал Николас приветствовал патрона при входе в здание и проводил в комнату для тайных переговоров. По этому поводу подсказки ему не требовались — Папы Римские просто так свидания не назначают. Все их заботы и чаяния связаны со Святой католической церковью; Общество Иисуса служит той же цели. В этом деле мелочей не бывает, зато есть вопросы, которые обсуждать на публике не принято. Они прошли в небольшой, отлично обустроенный зал без окон, но с камином и расположились в стоящих возле него креслах. Здесь они могли говорить совершенно спокойно.

— Я встревожен, друг мой, — задумчиво произнес Папа. Его благородное лицо, обычно полное смирения, выражало грусть. — Мы получили и проанализировали отчеты европейских приходов за последние двадцать лет. Популярность Церкви падает, пустеют храмы и беднеют монастыри. В некоторых странах численность монахов сократилась вдвое! Все меньше доходы, а некоторые страны, Турция например, позволяют себе не признавать статус католической церкви на своей территории... Статистика дает очень неутешительную картину. В последний раз всплеск симпатий к Ватикану был отмечен наблюдателями, когда произошло покушение на нашего святейшего брата Иоанна Павла II... Тогда еще эта история с тремя пророчествами Фатимы сыграла свою роль. Но теперь я крайне огорчен тем, что слово Ватикана уже не так веско звучит, как в былые годы...

— Мы осведомлены об этих не слишком обнадеживающих тенденциях, — осторожно произнес генерал Адольфо, — и мы предприняли кое-какие меры.

— Вот как? — Его собеседник был, очевидно, удивлен таким заявлением. — Весьма любопытно... И что же это за меры, позвольте узнать? Я слушаю вас, генерал, внимательно слушаю.

Адольфо Николас выдержал паузу, как бы еще раз обдумывая то, что намеревался сказать.

— Видите ли, ваше святейшество, с конца XVI века в анналах нашего ордена хранится один свиток, цены которому нет. Он попал к нам из источников при дворе императора Рудольфа II, и с тех пор мы бережем его как зеницу ока.

— И что же это за свиток? — поинтересовался Папа. В его голосе сквозило нетерпение. — Говорите же скорее! Почему я ничего о нем не знаю?

— Это ужасные пророчества о конце света, продиктованные одному бенедиктинскому монаху семьсот лет тому назад самим... — генерал сделал паузу, как бы не решаясь продолжить, — самим дьяволом.

Папа оторвал взгляд от огня в камине и медленно повернул голову к Адольфо.

— Я не ослышался? Вы сказали — самим дьяволом?

— Да, ваше святейшество, в этом нет никаких сомнений. И нам кажется, что настал час этим пророчествам поработать на благо Церкви.

— Каким же образом вы собираетесь это сделать? Как можно использовать пророчества князя Тьмы на благо Церкви?

— План таков, монсеньор. Приближается 2012 год. Вы, конечно же, слышали об этих зловещих предсказаниях, приписываемых то ли индейцам майя, то ли Нострадамусу, что в следующем году на земле следует ожидать глобальных катаклизмов, чуть ли не конца света. Да и гематрия говорит о том же, ведь году 2012 соответствует цифра 5 — нумерологический символ риска, отсутствия стабильности, непредсказуемости. Но это все удел астрологов и гадалок. Церкви не пристало учитывать фантазии всяких там исчезнувших индейцев, хотя, должен заметить, наши братья-проповедники, которые в свое время обращали в истинную веру коренных жителей Латинской Америки, неоднократно подтверждали в своих донесениях магические способности их жрецов предсказывать будущее с помощью специальных обсидиановых зеркал и заклинаний. Якобы они так общались с духами и делали свои предсказания с феноменальной точностью!

Мы же с вами понимаем, что никакого конца света в будущем году не предвидится. Но Церковь может и должна воспользоваться существующей на эту тему дискуссией и, я бы сказал, паническими настроениями, распространенными среди определенной категории людей, которых, кстати, совсем немало. Уже опубликовано с десятков книг, посвященных 2012 году, выпущена дюжина фильмов. Я с ними ознакомился лично и должен вам сказать, что все это весьма поверхностные произведения, рассчитанные на потребителей со средним интеллектом. А теперь представьте, каков будет общественный резонанс, если мы в ближайшие дни распространим в прессе информацию, что не где-нибудь, а в архивах Ватикана найден и расшифрован документ с ужасными пророчествами о конце света, — а парочку из них можно и опубликовать, — источником которых являются не какие-то там непонятные и исчезнувшие с лица земли жрецы майя, а сам дьявол! И при этом будет сказано, что именно католическая церковь и вы, как ее глава, берете на себя высокую миссию нейтрализовать ужасные пророчества нечистого духовным щитом, святой молитвой и благими делами, для которых понадобится мобилизация духовных сил всей паствы! Этот призыв неминуемо должен привести миллионы людей назад в лоно Церкви, ибо страх перед неведомым и ужасным будущим плохо контролируется разумом.

Папа молча слушал, лишь изредка утвердительно кивая. А когда были произнесены последние слова, его взгляд оживился, в глазах появились искорки.

— Почему же вы раньше молчали? — спросил он.

— Всему свое время, монсеньор, — был ответ. — И потом, план этот начал разрабатываться не так давно — после громкого убийства Алоиза Эстермана и его жены, когда репутации Святого престола был нанесен огромный ущерб. Пришлось выдержать паузу, чтобы публика успокоилась. Слишком много шума было в прессе.

Упоминание имени погибшего при странных обстоятельствах командующего швейцарской гвардии, любимца покойного Иоанна Павла II, привело Папу в легкое замешательство. Он подался вперед и с волнением спросил:

— Вы что же, хотите сказать, что дело Эстермана было как-то связано с пророчествами нечистого?

— Прошу прощения, ваше святейшество, — на лице генерала Николаса не дрогнул ни один мускул, — но я не хотел бы ворошить прошлое. В том деле было много неясного, пусть оно так и остается, ибо тех, кто точно знает, как развивались события, уже давно нет с нами. — Генерал перекрестился. — Пусть им будет спокойно на Небесах. Я думаю, нам с вами следует позаботиться о будущем, а не тревожиться о прошлом.

Возникла продолжительная пауза, во время которой собеседники не произнесли ни слова. Они просто сидели молча, не отрывая глаз от огня. Каждый думал о своем. Папа вспомнил, как год тому назад в громком заявлении для прессы главный экзорцист Ватикана отец Габриэле Аморт обвинил в смерти Эстермана, его жены и капрала Седрика Торнэ самого дьявола. По его мнению, в Ватикане орудовал нечистый, а на месте преступления были обнаружены следы четвертого участника драмы, так и не установленного.

В свою очередь, у Адольфо Николаса та история вызывала совершенно другие ассоциации. Тройному убийству в среде швейцарской гвардии предшествовал конфликт Ордена иезуитов с влиятельным Опусом Деи, активным членом которого был Эстерман. Будущий полковник швейцарской гвардии, а тогда молодой гвардеец Алоиз Эстерман был рядом с Папой Иоанном Павлом II во время покушения Али Агджи, и со временем у Николаса возникли обоснованные сомнения относительно легенды о «чудесном спасении» понтифика и о третьем пророчестве Фатимы. От имени Опуса Деи он на протяжении нескольких последних лет проводил собственное тайное расследование этой истории, которое могло привести к истинным организаторам покушения. Орден не мог допустить такого развития событий, однако решить эту проблему путем переговоров с Опусом Деи не удалось. Тогда-то и пришлось прибегнуть к другим средствам.

Кроме того, в свое время ордену было поручено урегулировать дело с родными капрала Торнэ, которого обвинили в двойном убийстве — Эстермана и его жены. По требованию матери Торнэ было проведено повторное вскрытие его тела. Ведь публике была предложена версия, что Торнэ убил полковника и Глэдис из-за ревности на почве гомосексуальной связи, а затем покончил с собой. Когда же выяснилось, что внутренние органы предполагаемого убийцы имели серьезные повреждения, характерные для избиения, отверстия от пуль не соответствовали количеству выстрелов из найденного на месте трагедии оружия, а так называемое предсмертное письмо Седрика, якобы обнаруженное в его кармане, — подделка, продолжение следствия могло привести к колоссальному скандалу. Орден тогда задействовал все возможные аргументы, в том числе угрозы, уговоры и подкуп, чтобы независимое расследование не состоялось. Так что к тому делу и правда не стоило возвращаться.

— Ваш план просто великолепен, хвала Всевышнему, — произнес наконец Папа. — Вы правы, не будем ворошить прошлое. Но в будущем мне ни при каких обстоятельствах не хотелось бы допустить новых человеческих жертв. Уверены ли вы, что где-нибудь случайно не обнаружатся другие копии этих пророчеств или вдруг найдутся доказательства, которые могли бы вызвать сомнения в их подлинности?

— Как раз наоборот, у нас есть документальные доказательства, что они подлинные и что единственная копия — у нас! — ответил генерал. — Мы предприняли все необходимые шаги, хотя, должен признать, в этом деле с самого начала было очень много белых пятен. Мы выяснили, что в оригинальном виде эти пророчества были записаны в самой большой Библии мира — Codex Gigas. Вы, конечно же, осведомлены об этом шедевре неизвестного монаха-бенедиктинца из Богемии?

— Разумеется, — ответил Папа. — Но ведь эта Библия хранится в Королевской библиотеке в Стокгольме, не так ли?

— Именно. Однако никто не знал, где же находятся восемь утерянных из этого кодекса листов и что на них написано. Так вот, в наших архивах есть подлинное свидетельство, что именно на них первоначально и были записаны пророчества дьявола, сразу после изображенного в упомянутой книге портрета нечистого. Чтобы избежать даже случайной возможности привлечения к этому делу наших «заклятых друзей» — протестантов, — в Стокгольм был приглашен ученый из России, которому были созданы все условия для того, чтобы найти утерянные страницы. И он нашел их! Он обнаружил, что ныне на них записан устав святого Бенедикта, а предыдущие записи стерты. Это в точности соответствует имеющимся у нас свидетельствам из других источников. Так что у нас собраны самые что ни на есть научные доказательства, которые, в отличие от многих других аргументов, невозможно оспорить.

— Но, значит, этот ученый посвящен в тайну пророчеств?

— В том-то и прелесть, что нет. Он не имеет ни малейшего понятия о том, что было записано в оригинале. Впрочем, хочу признаться, что и у нас были свои недоработки. Мы попытались заполнить эти восемь листов, чтобы окончательно, раз и навсегда решить проблему дьявольских предсказаний, но нам, к сожалению, не удалось это сделать. Люди, которых мы задействовали для этой цели, стали играть свою игру, чересчур увлеклись и чуть было не погубили все дело. Но сейчас я могу заверить вас, что все в полном порядке. Если вы одобрите наш план, мы начнем действовать — для начала через газеты, затем подготовим официальное заявление Ватикана, дадим несколько комментариев по телевидению. Можно даже договориться с «Би-Би-Си» и снять фильм. В нужный день и час вы упомянете в своей проповеди о необходимости вселенского очищения, покаяния и духовного единства паствы перед нависшей над человечеством угрозой. Цель оправдывает средства, тем более когда цель благородна.

Папа снова задумался. Он вспомнил, как разворачивались события вокруг пророчеств Фатимы — одной из последних успешных попыток Святого престола воссоздать свойственный религиозным институтам ореол таинственности. Она была предпринята в самом начале третьего тысячелетия.

Началась та история 13 мая 1917 года в португальском местечке Фатима, когда трем детям — двум девочкам и мальчику, которые пасли коз недалеко от пещеры Кова де Ириа, — явилась Богородица. Двое детей — 7-летняя Жазинта и 9-летний Франсишку Марто — только видели Пресвятую Деву, а одной из девочек, 10-летней Лусии Сантос, ставшей

впоследствии монахиней, Дева Мария открыла три тайных пророчества. Брат и сестра Лусии умерли еще в раннем детстве, а сама Лусия со временем покинула Португалию, уехала в Испанию и поступила в монастырь Ордена кармелиток. Позже она записала эти послания, которые католическая церковь хранила в строжайшей тайне. Первое из них стало известно лишь в 1941 году. В нем содержались видения ада и ужасных мук душ грешников. Второй секрет гласил, что Первая мировая война скоро закончится, но за ней последует новая, еще более кровавая и разрушительная, если только Россия не будет посвящена «Непорочному Сердцу» Девы Марии. При этом именно безбожная Россия указывалась в качестве источника «распространения своих ошибок», «войн и гонений на Церковь». Третий секрет Ватикан хранил в глубочайшей тайне на протяжении восьми десятилетий.

В мае 2000 года, на пороге третьего тысячелетия, когда все ожидали каких-то чрезвычайных событий, было решено вновь вернуться к теме пророчеств Фатимы. Тогда Папа Иоанн Павел II лично посетил Фатиму и причислил к лику святых давно покойных португальских пастушков, которым явилась Мадонна. Тут же возникли слухи, что третье пророчество как-то связано с покушением турецкого террориста Али Агджи на понтифика в 1981 году, которое произошло как раз 13 мая. Но сам текст пророчества, записанного в свое время сестрой Лусией, по-прежнему сохранялся в тайне. Раскрыть ее Иоанн Павел II поручил префекту Конгрегации веры кардиналу Йозефу Ратцингеру и секретарю этой Конгрегации кардиналу Тарсизио Бертоне. Они и составили официальное послание Ватикана, касающееся тайн Фатимы.

Две странички — тридцать строчек по-португальски — таким было третье пророчество. И вот спустя 83 года после упомянутого чуда явления Богородицы кардинал Ратцингер вошел в ватиканский зал «Стампа» и начал свою речь так: «Многие из вас разочаруются после того, как будет открыта третья фатимская тайна. Там нет великих откровений. Мы увидим Церковь, ее жертв и мучеников двадцатого века». В третьем пророчестве Богородицы, открытой детям в Кова да Ириа Фатима в 1917 году, были Ангел с пылающим мечом в левой руке и епископ, одетый в белое, — Святой Отец. Он был убит группой солдат, которые стреляли в него пулями и стрелами; и так же погибли там один за другим епископы, священники, церковные мужчины и женщины и разные светские люди разных занятий и должностей.

Именно кардинал Ратцингер — будущий Папа Бенедикт XVI — на протяжении многих лет лично опекал сестру Лусию, которая жила в монастыре в глубоком уединении. Он же следил за тем, с кем она встречается. Ни настоятельница монастыря, ни местный епископ не имели права разрешать кому-либо видеться с ней. Даже когда она посещала врача по необходимости, в больнице делали так, чтобы ее никто не видел. Йозеф Ратцингер был также одним из ближайших посвященных Папы Иоанна Павла II, в том числе во всем, что касалось пророчеств Девы Марии. В своем выступлении он интерпретировал третью тайну Фатимы как призыв к пробуждению совести, покаянию и вере в Бога. Явление ангела с огненным мечом символизировало, по его словам, Страшный суд, которым будут судить все грешное и земное. Противостоящая ему сила — это сияние Богоматери, а священник в белом, который показался Лусии Святым Отцом, — это Папа Иоанн Павел II. Именно его чудесное спасение от смерти во время покушения 1981 года должно было стать доказательством Божественного заступничества. В прессе тогда не было недостатка в восхищенных комментариях по этому поводу: Папа как раз благословил какую-то девочку и наклонился, чтобы поцеловать икону

— образ фатимской Богоматери, поднесенный кем-то из женщин, когда пуля убийцы прошла мимо его сердца...

Чудеса Фатимы, деньги и пресса сделали свое дело, и образ католической церкви вновь засверкал во всем своем величии. Даже сам Али Агджа заявил на суде, что имеет прямое отношение к третьему пророчеству... Хорошо, впрочем, что он не сказал тогда, сколько усилий и денег стоило Ватикану убедить его в этом. Ибо еще за год до Агджи была попытка взорвать Папу в Карачи, когда он посещал Пакистан, а год спустя после покушения Агджи в той же самой Фатиме Иоанна Павла II пытался заколоть армейским штыком католический диссидент аббат Хуан Фернандес Крон. Он нанес две раны понтифику, однако исполнение третьего пророчества было решено доверить все же «турецкому террористу», а историю с аббатом Кроном пришлось тщательно скрывать целых двадцать шесть лет...

Не стоит также забывать, что особенное значение пророчества Лусии имели для Португалии, ибо после их опубликования и по сей день миллионы людей стекаются ежегодно в некогда скромный городишко для того, чтобы прикоснуться к великой тайне. Ныне к их услугам — огромный и процветающий туристический бизнес. Повсеместно распространяются также слухи о чудесных исцелениях, происходящих с истинно верующими вблизи освященной Богородицей пещеры Кова да Ириа, что дополнительно способствует притоку паломников. И слава Богу! Все это — на благо людей и Церкви.

И вот наступил, очевидно, черед следующей даты конца света — 2012 год. Почему бы предложенному верными иезуитами плану не осуществиться? Может быть, благодаря этому удастся нейтрализовать еще одно пророчество, которое висит над Римским престолом, как дамочков меч, с XII века? Восемьсот лет тому назад уроженец Ирландии святой Малахий предсказал, что Пап Римских будет ровно сто двенадцать, начиная с Селестина II (1143 год), а после того престол святого Петра перейдет к некоему Петру Римскому, который «будет пасти свое стадо среди многих невзгод и бед; после чего город на семи холмах будет разрушен и Грозный Судия будет судить народ». Малахий не предоставил никаких объяснений своему пророчеству и не назвал имен, лишь дал краткую характеристику каждому из будущих понтификов. Нынешний епископ Рима был как раз сто двенадцатым.

С этой мыслью Папа поднялся с кресла — и Адольфо Николас поднялся вместе с ним.

— Благословляю вас, сын мой, — сказал он генералу. — Боль и страдания в мире ширятся, и нет иного пути, как вернуть заблудшие души обратно в храмы, обратить отринувших от Церкви к Богу. Мы будем молиться всем миром и закроем щитом великой, благостной веры Христовой славное человечество от козней нечистого. С Богом!

Киев, 2010 год

Тревожный звонок в дверь раздался рано утром. Сергей Михайлович собирался в университет, на лекции, и гостей не ждал. Однако Анна еще не была одета, и дверь пришлось открывать ему. Он посмотрел в глазок и увидел на лестничной площадке двух мужчин крепкого телосложения.

— Кто там? — спросил Трубецкой.

— Откройте, милиция, — прозвучало в ответ. Удивленный до крайности, Сергей Михайлович приоткрыл дверь. Он убедился, взглянув на предъявленное удостоверение, что перед ним действительно стражи закона, и впустил мужчин в квартиру.

— Чем могу служить? — спросил он, немало удивленный.

— Сергей Михайлович Трубецкой? — вопрос задал тот, что был постарше, в серой куртке и слегка небритый.

— Да, это я.

— Капитан Мирошниченко, — представился старший по званию и, указав на своего напарника, добавил: — А это старший лейтенант Лопатин. У нас к вам есть несколько вопросов.

— Пожалуйста, проходите. — Трубецкой жестом пригласил их в гостиную и предложил присесть.

— В доме еще есть кто-нибудь? — спросил капитан.

— Да, жена, но она еще спит.

— Скажите, где вы были позавчера в течение дня?

— В Праге, — без колебаний ответил Сергей Михайлович.

— Вот как? Прекрасно. И кто это может подтвердить?

— Да вот паспорт — тут есть отметка, когда я выехал в Чехию и когда въехал обратно.

Капитан взглянул на паспорт.

— Этого недостаточно. Тут указан день, а нас интересует еще и время.

— Увы, — растерянно произнес Трубецкой, — но посадочные талоны с самолета я выбросил еще в аэропорту... Впрочем, — нашелся он, — думаю, для вас не составит труда проверить списки пассажиров на Прагу и установить точное время отлета и прилета. А что, собственно, случилось?

Тут в комнату вошла закутанная в халат Анна.

— Что тут происходит? — спросила она. — Кто вы такие?

— Это из милиции, — пояснил Трубецкой, — я как раз пытаюсь узнать, что произошло.

— А где ваш мобильный телефон? — поинтересовался на этот раз Лопатин.

— Вот, пожалуйста. — Сергей Михайлович протянул ему трубку.

Лопатин взял ее, взглянул на экран, нажал несколько кнопок и показал его коллеге. Тот задумчиво кивнул.

— Вы регулярно пользуетесь текстовыми сообщениями? — спросил Лопатин.

— Разумеется, что за странный вопрос.

— А вот это сообщение вы почему-то даже не открыли.

Он показал Трубецкому телефон, на экране которого светился желтый конвертик, означающий, что получено смс. Сергей Михайлович пожал плечами.

— Вы знаете, у нас тут с супругой такое приключение случилось, что мы два дня в себя приходим, не до смс нам было.

— А что за приключение, если не секрет?

Трубецкой вкратце изложил гостям историю с похищением Анны сатанистами. Правда, он не стал рассказывать о фотографиях, которые чуть было не разрушили их семейную жизнь. Незваные гости снова переглянулись.

— Ладно, я вижу, тут чистая подстава, — сказал, выслушав его, Мирошниченко. — Дело в том, что позавчера ночью в придорожной гостинице на одесской трассе были найдены убитыми Шон ЛиВей и его супруга. По данным телефонных операторов последнее текстовое сообщение с телефона ЛиВея было отправлено той же ночью именно вам. Он вроде как назначал вам встречу в том самом месте, где нашли их трупы. Прочитайте сами.

Мирошниченко вернул Трубецкому телефон. Тот взял его, нажал пару кнопок и прочитал смс, пришедшее с незнакомого номера: «Жду вас, как и договаривались, в гостинице на 156-м километре одесской трассы».

— Я понятия не имею, от кого это, и могу только сказать, что я ни с кем ни о чем не договаривался, — заявил Трубецкой. — У меня и оружия-то отродясь не бывало. Я, знаете ли, профессор, лингвист, специалист по древним рукописям, а не бандит какой-то. Да и зачем мне их убивать?

— Ну, мотив-то присутствует — из-за похищения вашей жены. Но это теперь уже не столь важно. Вы упомянули, что причиной похищения были утерянные страницы из некой книги? Я правильно понял? — спросил Лопатин.

— Да, именно так. Хотя я до сих пор не могу взять в толк, кому и зачем понадобилось таким способом их заполучить. Страницы эти интересны лишь с точки зрения науки.

— А их можно где-то увидеть?

— Ну, оригинал находится в пражском музее, а фотокопии я могу вам показать.

Сергей Михайлович сходил в кабинет и принес большие фотографии страниц кодекса с уставом святого Бенедикта.

Лопатин взял их и бегло просмотрел.

— А что на них написано?

— Это устав католического монашеского Ордена бенедиктинцев. Достаточно стандартный церковный документ.

— Простите, вас, кажется, Анной Николаевной зовут? — Мирошниченко вдруг обратился к Анне. Та кивнула.

— Мы так понимаем, что вы-то как раз знакомы с ЛиВеем?

— Да, если это можно назвать знакомством. Я один раз с ним разговаривала и после этого видела лишь на сатанинском ритуале — черной мессе. К счастью, больше мы с ним не пересекались. В остальном все было так, как рассказал Сергей Михайлович.

— Как они с вами обращались?

— Как для сатанистов, то вполне пристойно. У нас не было никаких причин их убивать, если вы это имеете в виду.

— Ваш супруг упомянул, что вас освободил милицейский спецназ?

— Да, так и было.

— Хорошо, мы это проверим. Вот что, — капитан Мирошниченко встал, а с ним поднялся и лейтенант, — мы не будем вас больше задерживать, но если вас это не затруднит, к концу дня загляните вместе к нам в отделение. Вот адрес. А сейчас мы желаем вам хорошего дня. Фотографии, если вы не возражаете, мы пока возьмем с собой.

Надо ли говорить, что вдохновение в тот день покинуло Трубецкого. Он весьма рассеянно и без привычного блеска провел обязательные пары в университете, а после занятий они вместе с Анной нанесли визит капитану Мирошниченко. То, что они узнали, напоминало детективную историю в стиле сериала «Менты-2».

Оказалось, что ЛиВей — имя вымышленное. На самом деле так называемой семейной парой ЛиВеев были Шон Данофф, американец со славянскими корнями, и Екатерина Белая, его сообщница и любовница, но отнюдь не жена. Екатерина окончила школу актерского мастерства, однако работала не по специальности — переводчиком в турагентстве. С Шоном они познакомились во время одного из туров, когда тот приезжал в Украину. Господин Данофф получил образование в области психиатрии со специализацией по гипнозу и

нейролингвистическому программированию. За деньги и при технической поддержке одной из сатанинских сект, базирующихся в США, несколько лет тому назад они с госпожой Белой открыли под Киевом нечто вроде филиала, но нигде не регистрировались. Через несколько интернет-сайтов и популярные блоги они весьма успешно вербовали себе сторонников из числа «золотой» и «серебряной» молодежи, а также ранее судимых и пока еще не судимых лихих парней и барышень, которым сатанинский антураж пришелся по душе. Сексуальные оргии, магические ритуалы, наркотики, ощущение «элитности» — все это, с учетом опыта практической психологии Шона, позволило им довольно быстро встать на ноги. Как и почему они начали виться вокруг Трубецкого, установить пока не удалось — рядовые члены ничего об этом не знают, а лидеры секты, увы, уже пару дней как дают показания в другом месте — на суде архангелов. Однако известно, что нескольких членов секты были заблаговременно отправлены в Стокгольм, якобы в туристическую поездку. Там посланцы ЛиВея обустроились, а затем попытались силой захватить какую-то ценную книгу, но были пойманы, допрошены, и в результате отечественная милиция получила наводку на штаб-квартиру ЛиВеев под Киевом. Во время захвата здания Шону и Екатерине удалось удивительным образом незаметно скрыться, а потом их нашли мертвыми в гостинице на одесской трассе. Там же был обнаружен и синий «СААБ», но ключей от машины при них не оказалось. Может, трупы еще долго не обнаружили бы, но за парочкой приехала машина, которую, видимо, незадолго до смерти вызвал сам ЛиВей. Водитель сначала ждал несколько часов, затем узнал, в каком они номере, поднялся и увидел два уже почти остывших тела с огнестрельными ранениями. В гостинице, разумеется, никто ничего не знал и не слышал. Машина, как выяснилось, принадлежала сектантской церкви Божьей Благодати, зарегистрированной в Киеве. Проверка показала, что они к убийству никакого отношения не имели, просто поддерживали с сектой ЛиВея партнерские связи на духовной, если в данном случае можно так выразиться, почве.

Сергей Михайлович и Анна покинули отделение милиции, дав честное слово, что в случае необходимости к ним можно будет обращаться по мере осуществления следственных мероприятий. Анна немного повозмущалась по этому поводу, а Трубецкой согласился без всяких проблем. Что-то подсказывало ему, что дело это еще долго будет портить статистику раскрываемости убийств во вверенном отделении районе. Если оно вообще когда-нибудь будет раскрыто. Там, где сатана действует в сговоре с Церковью, милиция бессильна.

Прага, 1594 год

Император долго и тщательно готовился к этому дню, осуществляя все необходимые мероприятия в строжайшей тайне. О том, что в Каменной башне находится зал для магических церемоний, кроме него знал еще только глухонемой слуга, который там прибирал. Потайная дверь была скрыта за массивным на вид книжным шкафом в библиотеке и открывалась даже не ключом, а специальным пружинным механизмом, сконструированным десять лет тому назад одним ныне покойным флорентийским мастером. Император никогда не посещал этот зал без крайней необходимости, ибо, как научил его Джон Ди, общение с обитающими в тонких мирах ангелами требует длительной очистки помещения, собственного тела и духа, а также отсутствия каких-либо посторонних мыслей в голове медиума и предметов в зале для церемоний. Именно поэтому зал содержался в

идеальной чистоте и был пуст; здесь не было окон, украшений на стенах и мебели, не считая престола, установленного на восточной стороне. Это был небольшой квадратный стол из камня, покрытый белоснежным покрывалом — символом чистоты, на котором стояли две освященные восковые свечи, кадила и лежал ритуальный кинжал. Два последних предмета были привезены из Палестины и, как утверждали придворные святые отцы, были самыми что ни на есть подходящими для ритуальных церемоний: кинжал якобы использовался в иудейском храме для жертвоприношений, а кадила — для воскурения фимиама Всевышнему.

Император неоднократно пользовался этим залом для медитаций, но сегодня он намеревался совершить нечто необычное — проникнуть в мир духов как можно глубже, чтобы получить совет высших сил по поводу дьявольских пророчеств, оказавшихся в его руках. Если бы не вмешательство самого нечистого, он бы уже давно их уничтожил, однако теперь было ясно, что собственными силами ему не обойтись.

Рудольф вошел в зал ранним утром, за час до рассвета, зажег свечи и тщательно запер за собой дверь. Он был чисто умыт, одет в белые ритуальные одежды, а в его руке находился кусочек освященного мела. Император нарисовал мелом посреди зала квадрат с углами, ориентированными на север, юг, запад и восток, и три вписанных в него концентрических круга, каждый из внутренних — на расстоянии ладони от внешнего. В углах квадрата Рудольф проставил кресты и рядом с ними — небольшие жаровницы для курений. В них он положил немного раскаленных углей и по кусочку ладана. Жаровницы, как и уголь, заблаговременно доставил слуга, причем уголь был приготовлен из оливкового дерева, опять-таки привезенного из Святой Земли. Во внутренний из трех кругов он вписал два пересекающихся равносторонних треугольника, так что они образовали шестиугольную звезду. В вершинах ее углов он написал четыре буквы тайного имени Бога: ם (йод) ן (хей) ן (вав) ן (хей): ןןן, а также знаки «альфа» и «омега». Именно такую формулу магического круга он избрал сегодня, чтобы как можно тщательнее скрыть от дьявола то, что намеревался совершить.

Закончив приготовления, Рудольф встал в середину круга, взял в руки принесенный с собой кожаный футляр с принадлежностями для писания, обратился на восток, к престолу, и запел псалом «*Beati Immaculari In Via*». После этого он стал произносить священную формулу одного из заклинаний белой магии: «О Господь Адонай, о Иегова, о вечный небесных сил Иеве-Зебаот, о высший судия Элохим, о всемогущий Эль-Шаддай, о превысший Отец, Творец неба и земли, четырех элементов и всех сторон света, и высших духов, всего живого и неживого, заклинаю Тебя ради Твоих сил и добродетелей освятить все эти принадлежности для писания, ибо изготовлены они и применяются для твоего блага. Я заклинаю Тебя именем истины, жизни, вечности, именем творения, происшедшего по Твоей воле, чтобы ничто не было в моем обладании, кроме непорочности и добродетели. Дай мне силы и знания познать истину, умножь своим покровительством дела благие, открой тайну тайн.

О вы, Духи Света, заклинаю вас тайным именем Того, кто создал мир; кто сказал, и свершилось; кто возжелал, и стало так, явиться здесь, перед этим кругом, дабы дать мне, созданному по Его воле, образу и подобию, совет и помощь; придите, придите, придите!»

Повторив заклинание трижды и воскурив ладан, Рудольф опустился на колени в середине круга, достал обсидиановое зеркало, доставшееся ему от Ди и Келли, повернул его так, чтобы в нем отражался восток, и стал призывать ангелов.

Но у него ничего не получалось. Зеркало было темно и безмолвно. Тогда Рудольф достал из внутреннего кармана небольшой флакон. В нем был особый эликсир, состав которого подобрал Эдвард Келли. Именно с помощью этого эликсира тот вызывал ангела Уриэля и, как утверждали знающие люди, преуспел в этом. К сожалению, Келли ушел в мир иной, так и не раскрыв секрета магического напитка. Несколько капель в этом флаконе — все, что от него осталось. Немного, но и немало. Рудольф откупорил флакон, выпил оставшуюся на дне жидкость и закрыл глаза. Прошла минута. Келли был гений — эликсир сработал. Рудольф ощутил, как его тело постепенно стало невесомым, оно как бы растворилось в окружающем пространстве, освободив от материальных оков сознание и саму душу... Перед его мысленным взором, словно в калейдоскопе, стали мелькать видения. Он открыл глаза и вновь обратил свой взгляд на зеркало.

Сначала он заметил, как в его черной глубине появился маленький мерцающий огонек, который прямо на глазах рос и приближался, будто издали, пока не занял большую часть поверхности зеркала. Он напоминал живой сгусток света, окутанного туманным облаком, в котором то и дело проскакивали искорки. Но еще важнее было ощущение мощной невидимой энергии, которая разливалась повсюду вокруг него. Рудольфу показалось, что даже воздух в зале стал более плотным. Наконец, в какой-то момент он всем естеством почувствовал присутствие Духа.

«Ты звал меня, и я пришел», — сказал неслышимый голос.

«Приветствую тебя, прошу помощи и совета», — так же мысленно отвечал Рудольф.

«Все знаю, — отвечал голос, — и вот тебе мое слово. Пророчества нечистого должны быть стерты, ибо лживы они, как сам он есть лжец и обманщик перед лицом Господа нашего. Ибо сказано: когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи».

«Будет исполнено», — смиренно отвечал Рудольф. Это вне окружающих зал стен он был императором и королем, а здесь — лишь скромным путником, алчущим живительной влаги Божьего слова и ангельского благословения.

«Одно лишь Даниила пророчество истинно, и изречено, и ему исполненному быть должно... — Голос, звучавший медленно, нараспев, отдавался в засыпающем сознании Рудольфа гулким эхом. — И будут смуты, войны, мор, лишь верные спасутся. Двенадцать душ святых стоят на рубеже двенадцатого года... О том и весть моя, умеющий ее услышать да услышит...»

Голос говорил еще что-то, но Рудольф его уже не слышал. Сознание вернулось к нему лишь через несколько часов. Придя в себя, он поспешил в библиотеку. Теперь король знал, что ему нужно делать.

Киев, 2011 год

Сергей Михайлович Трубецкой был коренным киевлянином. И ему, как всем уроженцам этого прекрасного города, было хорошо известно хмурое серое здание на Владимирской, 33. Прожив полжизни во времена СССР, он всегда с опаской обходил этот дом стороной, хотя после объявления независимости бывший КГБ уже не нес такой угрозы гражданам собственной страны, как прежде.

И все-таки его сердце неприятно защемило, когда в университете в перерыве между парами к нему подошел невозмутимого вида молодой человек и, удостоверившись, что перед

ним действительно Трубецкой, попросил прийти на Владимирскую, 33 в определенные день и время. Он не объяснил причину приглашения, сославшись на то, что подобные вопросы находятся вне его компетенции. Сергей Михайлович раздумывал недолго. «В конце концов, моя совесть абсолютно чиста и потому бояться нечего. А чему быть, того все равно не миновать», — решил он и в указанный день отправился в СБУ.

От органов он ожидал чего угодно. Это могли быть скользкие вопросы о его контактах с иностранцами или невинная просьба об экспертизе каких-нибудь старинных документов, попавших по той или иной причине в поле зрения чекистов. Но каково же было удивление Трубецкого, когда он узнал, что причиной его появления на Владимирской был... предполагаемый конец света.

В бюро пропусков ему не только выдали необходимые документы, но и выделили сопровождающего, который проводил профессора Трубецкого в незатейливо обставленную комнату на первом этаже основного здания. Через минуту в комнату вошли двое: уже знакомый Сергею Михайловичу капитан Мирошниченко из милиции и невысокого роста худощавый мужчина лет пятидесяти, с приятным лицом и темными живыми глазами.

— Полковник Саенко, — представился он, поздоровавшись с Трубецким за руку. — Я очень рад, что вы нашли возможность откликнуться на наше приглашение. Прошу вас, присаживайтесь.

Все трое разместились за столом. Краем глаза Сергей Михайлович заметил, что Мирошниченко достал и положил перед собой какую-то папку. Трубецкой взглянул на Саенко.

— Мне было нетрудно это сделать. Ваш сотрудник был очень настойчив и убедителен, — спокойно произнес он. — Чем могу служить нашим доблестным чекистам?

Полковник чуть заметно усмехнулся.

— Не преувеличивайте, мы уже давно не играем в ЧК. Но — к делу. — Саенко вдруг сделался чрезвычайно сосредоточенным. — У нас к вам совершенно необычный вопрос, он может вас удивить, поэтому заранее прошу отнестись к нему со всей серьезностью. — Он сделал паузу. — Что вы можете сказать по поводу конца света?

У Сергея Михайловича пропал дар речи. В этих стенах можно было ожидать любых вопросов, но подобное выходило за рамки самого буйного воображения.

— В каком смысле? — спросил Трубецкой. — Что вы имеете в виду? Это только Всевышний знает о таких вещах, и вы, следовательно, не по адресу...

— Да, конечно, прошу прощения. Я уточню вопрос. Видите ли, не секрет, что мы по долгу службы сопровождаем масштабные, государственного уровня финансовые сделки, различные трансакции, приобретения движимого и недвижимого имущества, подписания долговременных контрактов. Так вот, все подобного рода операции обязательно страхуются, и суммы эти порой колоссальные. С недавних пор ведущие мировые страховщики, которых раньше более всего беспокоили политические риски, ныне резко увеличили ставки на страхование долгосрочных сделок сроком на 25-30 лет, аргументируя это высокой вероятностью возникновения в течение этого периода глобальных природных катаклизмов и масштабных катастроф. Все аргументы нашей стороны, что Украины это не касается в силу ее чрезвычайно удачного географического расположения и максимальный риск связан с избранием еще одного члена «отряда космонавтов» мэром Киева, полностью отвергаются. Причем аналогичная картина наблюдается повсюду — от Уолл-стрит до Эмиратов. Такое впечатление, что организован какой-то сговор.

— Прошу прощения, что перебиваю вас, — сказал Сергей Михайлович, чувствуя растущее внутри него раздражение, — но вы, наверное, спутали меня с кем-нибудь из экономистов-финансистов. Я — палеограф, моя сфера — древние рукописи, и я ничего не понимаю в страховом бизнесе.

— Минуточку терпения, профессор, — полковник был невозмутим, — я просто хочу, чтобы вы получили полную картину происходящего. Так вот, мы вынуждены были задействовать наши связи и, скажем так, специальные возможности и выяснили несколько удивительных вещей. Во-первых, аналогичные требования страховщики выдвигают не только по отношению к нам, но и ко всем остальным, в том числе к государствам «большой восьмерки»! Во-вторых, все началось некоторое время тому назад с Банка Ватикана, который вдруг потребовал от заемщиков дополнительных гарантий и резко увеличил суммы страховых взносов, ссылаясь на какие-то секретные документы, свидетельствующие о возможных глобальных катаклизмах в конце 30-х годов этого столетия, т. е. в промежутке 2030—2040 годов. Туда же примешивают прогнозы различных западных исследовательских центров о возможных актах ядерного терроризма. Финансисты — народ пугливый, да еще, как выяснилось, верующий, и снежный ком покатился... Если не удастся доказать, что выдвигаемые нам требования страховщиков не обоснованы, государство понесет убытки в сотни миллионов долларов. Денежки просто уплывут к какому-нибудь Уоррену Баффету, у которого их и так немеряно, а у нас каждый доллар на счету.

Мы копнули еще глубже, и вот что оказалось. Ноги растут от какого-то старинного манускрипта, к которому Ватикан имеет доступ и в котором якобы указана дата предполагаемого «конца света» и «второго пришествия Иисуса Христа» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этот манускрипт попал в руки одного особо рьяного католика, у которого родственник работает в банке. Слово за слово — и пошло-поехало... На первый взгляд звучит неправдоподобно, даже забавно, но теперь у нас проблемы. На Уолл-стрит, наверное, и не подозревают, что именно вызвало панику, однако дело уже сделано.

Сергей Михайлович сосредоточенно слушал.

— Звучит не так уж и смешно, — сказал он, — но я готов вас успокоить: даты конца света уже сотни раз назначались и переносились, иногда они даже совпадали с реальными катастрофическими явлениями, однако мир выжил раньше, выживет и теперь. К сожалению, человечество никогда не испытывало дефицита лжепророков.

— Но разве в Библии нет четких указаний на этот счет? — переспросил Саенко.

— Как раз наоборот, именно в Библии и содержится указание на то, что человеку знать о дате кончины мира не суждено и не положено. Так что смею вас заверить, что, с точки зрения страхового бизнеса, все эти выходки — чистой воды спекуляции. Просто глупость какая-то. Надеюсь, я вам помог и могу идти?

— Увы, Сергей Михайлович, это еще не все. Вы, безусловно, вольны уйти в любой момент, — у полковника в глазах появились лукавые огоньки, — но что-то мне подсказывает, что вы предпочтете остаться. Особенно когда узнаете, что ноги у всей этой истории растут отсюда. — Он указал на лежащую перед Мирошниченко папку. Тот за все время разговора не проронил ни слова. Зато теперь он медленно раскрыл папку, достал и положил перед Трубецким ее содержимое. Это были сделанные самим Сергеем Михайловичем фотографии страниц, вырезанных из Библии дьявола, на которых, как теперь было хорошо известно, был записан устав святого Бенедикта. Пока шло расследование

убийства ЛиВеев, эти фотографии оставались в милиции, хотя Трубецкому не терпелось заполучить их обратно.

— Что вы имеете в виду, говоря, что ноги растут отсюда? — переспросил он, глядя на снимки. — Это весьма безобидный текст, написанный, правда, поверх более древнего, который был стерт и восстановлению не подлежит.

— В том-то и дело, Сергей Михайлович, что нас интересует именно этот, более свежий текст. Есть основания считать, что как раз он и содержит указания о конце света. Вы детально его исследовали?

— Да нет... — неохотно признался Трубецкой. — Честно говоря, я лишь бегло его просмотрел, поскольку совершенно не интересуюсь уставами монашеских орденов.

— Мы бы попросили вас вернуться к этому вопросу и готовы вам помочь. Есть подозрение, что именно в этом документе содержится важная информация, которую сознательно спрятали среди безобидного и хорошо известного текста. Что вам для этого нужно?

— Вот как? Ну ладно, я готов посмотреть внимательнее... Собственно, мне ничего особенного не требуется. Я бы просто-напросто забрал эти фотографии с собой. В Центральной библиотеке имеются несколько вариантов текстов этого устава, датированных XVI—XVII веками, по ним вполне возможно провести сравнительный анализ. И еще. Было бы здорово получить хотя бы во временное пользование оригиналы этих листов из Праги. Вы можете связаться с Пражским музеем и договориться с ними?

Саенко и Мирошниченко переглянулись.

— Связаться-то мы можем... — нерешительно произнес полковник. — Признаться, мы это уже сделали. Дело в том, что некоторое время тому назад оригиналы были украдены из музея. Так что имеющиеся у вас в руках копии — все, чем мы располагаем. Будьте с ними осторожны. И успехов вам.

«На всякого мудреца довольно простоты» — именно эта поговорка как нельзя лучше подходила для описания сложившейся ситуации. Сергей Михайлович был не просто расстроен и растерян, он рассматривал происшедшее как личное поражение, причем в самом что ни на есть профессиональном смысле. Он никак не мог понять, как это ему не пришло в голову внимательно прочесть текст бенедиктинского устава, ведь для этого у него были две (!) реальные возможности. Кроме того — эта мысль лишь сейчас посетила его, — явной подсказкой о необходимости тщательного анализа текстов был тот факт, что листы пергамента с записанным на них вполне безвредным уставом бенедиктинцев оказались замурованы столь необычным образом — в арках Каменного моста. Кому и зачем понадобилось это сделать, если текст не представлял какого-то особого интереса?

Несколько последующих дней Трубецкой провел в библиотеке. Он работал не отрываясь, сличая слово в слово текст устава святого Бенедикта с двумя другими аналогичными текстами, полученными из независимых источников. Они совпадали практически полностью — слово в слово. Но время от времени в тексте из Пражского музея встречались отдельные слова, явно выпадающие из общего контекста, поскольку они были чужеродны для данного документа. Сначала Сергею Михайловичу эти слова показались просто случайными, однако затем он догадался выписать их все подряд, одно за другим. Результат превзошел все ожидания. В переводе с латыни получившийся текст гласил: «...будет много смут, и войн, и мор, и солнца гнев... конец времен грядет с числом святых апостолов — двенадцать; так Даниил предрек».

Двенадцать! Первое, что пришло Трубецкому в голову, — это 2012 год, как предсказывается календарем майя. Но тогда при чем здесь пророк Даниил? Сергей Михайлович открыл первоисточник — экземпляр синодального издания русской Библии. И когда прочитал двенадцатую главу книги пророка Даниила, то все понял...

Уже на следующий день уставший, но довольный Трубецкой рассказывал о своем открытии полковнику Саенко.

— Понимаете, — Сергей Михайлович говорил несколько возбужденно, стараясь как можно более доходчиво донести логику своих рассуждений, — в новозаветном Евангелии от Матфея, заканчивая описание грядущего «конца времен», Христос произносит следующие слова: «Претерпевший же до конца спасется. И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец. Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы...». Так вот, фраза эта явно двусмысленная, особенно на иврите, где слово «видеть» имеет еще одно значение — «предвидеть». Первый ее смысл прямой и прозрачный: любая «мерзость запустения», а именно так называли в Иудее разрушение Храма, всегда сопровождается бегствами и катастрофами. Это понятно и в комментариях не нуждается. С другой стороны, эти же слова можно рассмотреть и так: события, предшествующие «концу времен» и «второму пришествию», начнут осуществляться в период, определенный пророчеством Даниила, в котором речь идет о «мерзости запустения». Если принять эту точку зрения, хотя я и не утверждаю, что она единственно верная, то необходимо сделать и следующий шаг. Прежде всего, важно установить, что же может «разуметь читающий», если, последовав указанию Евангелия, обратится непосредственно к тексту «Книги пророка Даниила». В первоисточнике образ «мерзости запустения» встречается у ветхозаветного пророка два раза, и оба связаны с разрушением Храма. Один из них касается Второго Храма и даты 70 года н. э. Однако Даниил упоминает о «мерзости запустения» еще один раз, в двенадцатой главе, которая целиком посвящена лишь одному — хронике последних дней этого брэнного мира. Именно она заканчивается следующими словами: «Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней. Блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней. А ты иди к твоему концу и упокоишься, и восстанешь для получения твоего жребия в конце дней».

Можно попробовать рассчитать этот срок, приняв в качестве допустимой замены, что под «днями» вполне могут скрываться и «годы». Дело в том, что на иврите слово «день» означает также «время», «эпоха», «промежуток времени», именно потому, к примеру, «древний период» на этом языке прозвучит как «день древности». Так что «годы» в данном случае — вполне допустимая замена. Тогда промежуток времени от «прекращения ежедневной жертвы» (то есть от разрушения Храма, ибо никакой другой причины прекращения ежедневной жертвы Всевышнему в иудаизме быть не может) до радостных дней «блаженства» составляет $1290 + 1335 = 2625$ лет. Полученную цифру остается только прибавить к дате разрушения Первого Храма и посмотреть, что получится.

Так вот, общепринятой датой разрушения Первого Храма считается 586 год до н. э., хотя на самом деле абсолютного единодушия в этом вопросе нет. В некоторых источниках упоминается 587 год до н. э., а в известном энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона присутствует 588 год до н. э. Другими словами, точность составляет плюс-минус несколько лет, что, соответственно, отразится и на результате. После прибавления числа 2625, данного

Даниилом, к этим датам мы получаем 2037 или 2039 год нашей эры... Кстати, подобные даты встречаются и у Нострадамуса. Я лично думаю, что речь идет все-таки о 2039 годе — по той простой причине, что $9 + 3 = 12$. Вот такая арифметика выходит.

Впрочем, справедливости ради следует учитывать, что пророк Даниил — ветхозаветный. В христианстве же принято считать, и я с этим абсолютно согласен, что, какие бы измышления разума не предпринимались, точная дата конца света и второго пришествия все равно останется сокрытой от мира. Спаситель говорил: «Не ваше дело знать времена и сроки» (Деян. 1:7); «О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец; Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время» (Марк. 13, 32—33). Лично я считаю просто недопустимыми любые спекуляции на эту тему. Уж сколько раз пророчили глобальную катастрофу человечества, а оно, слава Богу, все еще здесь и неплохо выглядит. Пророчества о конце света — это не Божий промысел, а происки сатаны!

— Отлично, — произнес Саенко, — я очень благодарен вам за исчерпывающий анализ. А теперь взгляните вот на это.

Он положил перед Трубецким пачку свежего выпуска итальянских, французских и немецких газет. Все они пестрели заголовками на первых страницах, которые гласили: «Ватикан провозглашает обретение пророчеств дьявола! Дата конца света известна! Папа молится за спасение человечества!». «Бог им судья», — только и подумал Сергей Михайлович, а вслух сказал:

— Знаете ли вы, что означает само слово Ватикан? Оно образовано от латинского слова *vaticinia* — место пророчеств, гаданий или, если хотите, сновидений. Это еще до святого Петра его так звали, там располагался храм богини Кибелы — Великой Матери Богов. Ее поклонников крестили в бычьей крови, наводя ужас на христиан. Поэтому ничего удивительного, что обитателям этого холма до сих пор мерещатся всякие кошмары...

Богемия, 1229 год

Герман всматривался своими слезящимися воспаленными глазами в Тьму, затаившуюся в углу его кельи. В отблесках чуть дрожащего огонька масляного светильника ему мерещились там глаза самого дьявола. Ему казалось, что звучащий в келье — или только в его ушах? — голос, который произносил ужасные пророчества — одно за другим, — исходил именно оттуда, из этой непроницаемой Тьмы. Она ширилась, захватывая всю келью, медленно, по-змеиному обволакивая и самого Германа. Слабенький свет от лампы, его единственное оружие против Тьмы, ничего не мог с ней поделать. Германа била мелкая дрожь, донимал озноб. Он был болен, слаб и с трудом находил в себе силы для работы. Последние несколько месяцев его мучил жестокий кашель, и Герман чувствовал, как с каждым вдохом силы покидают его. У него не было сил сопротивляться Тьме, и он против своей воли стал записывать все, что говорил голос. А закончив писать, Герман уронил голову на манускрипт и потерял сознание.

Неизвестно, сколько времени прошло с тех пор, как он впал в небытие. Но когда Герман очнулся, лампа потухла, и ему пришлось заправить ее свежим маслом. Затем он прочитал только что им самим написанное и ужаснулся:

«Я вижу, и я знаю, что будет.

Когда свершится тысячелетие, пришедшее за нынешним, человек окажется перед темным входом в непроницаемый лабиринт. И в глубине этой ночи, в которую ему предстоит войти, он увидит лишь красные глаза Минотавра. Его ярость будет беспощадной к живущим в тысячелетии, которое придет за нынешним.

1

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, все золото окажется в крови. Взирающий на небеса и там увидит деньги, а кто в собор войдет — тот встретит там Ваала. В ростовщиков, менял и торгашей обернутся вассалы, меч станет защищать Змею. Огонь заполнит души, умерших от болезней забудут хоронить, а их останками украсят храмы.

2

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, всю землю, море, небеса собой заселит человек. Он станет призывать, не зная никаких границ, и будет рваться к власти, равной власти Бога. Но кончится все в одночасье, качнется, как пьяный исполин, помчится, как всадник слепой, ударами шпор загоня коня в непролазную чащу, за которой в конце — только пропасть.

3

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, построены будут повсюду вавилонские башни, а в полях воцарит запустенье. Не будет Закона для всех, но у каждого свой, как у всякого подобного ему. Варвары отнимут города, и хлеба на всех не хватит, а зрелище будет одно — разрушенье. И люди, не имеющие завтра, устроят большой пожар.

4

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, голод настигнет людей, и руки их посинеют, и возжелают они новый увидеть мир. Но торговец придет и устроит пир, и будет яд предлагать в золотой оправе. Душу и тело отравит тот яд, и кто свою кровь с ним смешает, станут, как зверь в западне, насиловать и убивать, грабить и вымогать, и жизнь станет вечным концом.

5

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, к страстям и похоти потянется каждый, кто и как сумеет. Старик возжелает ребенка, отец обесчестит дочь. Мужчина захочет мужчину и женщина — женщину, и все сотворят это на глазах у всех. Кровь их станет нечистой. И зло поползет от дома к дому, тело познает весь грех и всю боль земли. Grimасы застынут на лицах, недуги скрючат тела. Любовь станет самой большой угрозой для тех, кто сам для себя не только плоть, но спасенья не будет.

6

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, голос, о законе и клятве кричащий, больше не будет услышан. Голос, о вере высокой молящий, останется гласом в пустыне. И мощные волны неверных хлынут, все затопив. Ложный Мессия сплотит вокруг себя слепых. Придет Неверный и будет говорить о справедливости и праве, его пора будет жаркой и разящей, и будет мстить он за крестовые походы.

7

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, гром смерти разразится над землею. Порядок и закон падут. Ненависть, как пламя в сухостое, людей охватит. Случится избиение солдат, безбожники задушат верных. Жестокость будет в каждом сердце и во всех. И города обратятся в пепел.

8

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, все будут знать, что в разных уголках земли творится. Увидят черных детей, чьи кости торчат через кожу, и тех, чьи глазницы кишат червями, и тех, в которых стреляют, как в крыс. Но человек, что увидит все это, лицом отвернется — для него нет выше личных забот. Как милость бросит горстку ржи, а сам спит на мешках добра. Что дал он правою рукой, назад он заберет другою.

9

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, каждая вещь обретет свою цену, и вода, и дерево, и воздух. В подарок никто ничего не получит, только купить можно будет теперь. Цена человека не больше чем фунт задней части свиньи. Кто ухо возьмет, кто сердце захочет — ничто тогда не останется свято, ни жизнь, ни душа. Споры пойдут за кровь его, и брненное тело будто стервятники падаль делить соберутся.

10

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, изменит человек лицо земли. Он будет мнить себя хозяином лесов и пастбищ, он пролетит все небо, перепашет земли, избородит все реки и моря. Но земля станет бесплодной и голой, воздух будет гореть, и вода дурно пахнуть. Жизнь будет вянуть — человек уж растратит к веку тому всего мира богатства, и станет он, как волк одинокий, жить в ненависти и злобе.

11

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, то даже дети будут на продажу. А некоторых возьмут как жертву для гнусных наслаждений, чтоб прикоснуться к юной коже. С другими станут обращаться, как со скотом ничтожным. Неприкосновенная слабость ребенка будет забыта, и тайна детства канет в Лету. Жеребенком он объезженным предстанет, ягненком срезанным, со спущенною кровью. А человек будет знать лишь наживу.

12

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, без веры править будут господа, безвинным немощным народом помыкая. Они лицо свое сокроют и сокроют имена. Их замки неприступные укроются в лесах. И участь каждого и всех они решать возьмутся. Но никого чужого с собой не позовут в собрание, чтобы решать порядок мироздания. Каждый будет на деле их крепостным, считая себя и рыцарем, мужчиной вольным. И тех из них, кто из диких деревень, с еретической верой поднимется против, побьют, уничтожат и заживо сожгут.

13

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, не будут люди больше к закону Бога обращаться. Они хотят, как всадник, жизнью управлять, и выбирать дитя еще в утробах женщин, и отмечать убийством тех, что стали нежеланны. Каким же станет человек себя вдруг Богом возомнивший? Имеющие власть захватят лучшие наделы и самых лучших женщин, а бедные и слабые — как скот. Их хижины убогие станут им тюрьмой, и страх, как яд, засядет в каждом сердце, его сжигая.

14

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, возникнет темный и секретный порядок уложений, в котором основным законом будет ненависть и яд — оружием. Ему потребно будет золото в количествах неисчислимых и власть на всей земле. Служители его соединятся кровавым поцелуем. Праведники и немощный люд познают жизнь по страшному тому закону. Сильные мира сего будут на службе его, единственный закон признает тот порядок, который сам украдкой сочинит, и яд проникнет даже в храмы, а мир пойдет вперед со скорпионом под стелькой башмака.

15

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, болезни водные, болезни неба и земли настигнут человека и сразят его. Он станет думать и о том, что сам разрушил, и снова строить и хранить, что целое осталось. Страшиться станет он тех дней, что дальше предстоят. Но будет поздно — сетью плотною пустынь затянет землю, и вода уйдет так глубоко, что в страшный час все разорвет собою, нахлынет, как потоп, лишит всю землю завтрашнего дня, и воздух разорвет тела у самых слабых.

16

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, во многих тех местах, где землю сотрясет, все города погибнут, уйдя под землю. Все, что без совета мудрых построено когда-то, будет снесено. Ил с грязью погребет селенья, земля разверзнется под новыми дворцами. Но человек, гордыней одержимый, упрям и твердолоб, не будет слышать то предупреждение, посланье от Земли, как вновь и вновь она к нему взывает. И новые пожары разрушат новый Рим, и бедняки и варвары разграбят брошенные замки.

17

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, луч Солнца опалит всю землю, и воздух не сможет больше от его огня укрыть людей. Останется лишь занавес дырявый, и свет сжигающий разест глаза и кожу. Море вспенится кипящею водою, города и реки собой покроет, уйдут под воду земли, а люди убегут на горы и там, начав плодиться, совсем забудут, что произошло.

18

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, научатся люди будить видимость жизни. Смысл ее будет запряган ими, и захотят они тронуть то, чего нет в природе, стремясь пойти путями, которые, как мираж, только глазами смогут увидеть, и сон они поймут как явь. Но не сможет человек различать больше то, что есть, и то, чего нет,

потеряют себя в запутанных лабиринтах те, кто видимость примет за жизнь, правоверных обманут, и многие люди станут хуже подлых собак.

19

Когда придет к концу тысячелетие за нынешним вослед, то человек, вступив в непроницаемый тоннель, застынет в нем от страха и глаза закроет: не будет силы видеть. Тревогой вечно охвачен будет, при каждом шаге ощущая страх. Все ж будет он идти без сна и без покоя, но глас Кассандры, громкий, сильный, он не услышит. Ему ведь мало все, он хочет все и больше, и разум его замутился виденьями, лишь призраками жизни. И те, кто мастерами назовется, все обманут, и стадо поведут неправедные пастухи. Кем станет человек, из праха сотворенный, законы жизни сам презревший, смешавший все живое в комок презренной глины? Дитя ли Бога он, ему подобный, иль сатаню порожден? Нет ответа...»

Этого нельзя было так оставлять. Герман упал на колени перед распятием и торжественно, чтобы услышали все, в том числе и Тот, кто прятался во Тьме, стал молиться:

Pater noster, qui es in caelis;
sanctificetur nomen tuum;
adveniat regnum tuum;
fiat voluntas tua,
sicut in caelo et in terra.

Panem nostrum cotidianum da nobis hodie;
et dimitte nobis debita nostra,
sicut et nos dimittimus debitoribus nostris;
et ne nos inducas in tentationem;
sed libera nos a malo.

Quia tuum est regnum, et potestas, et gloria in saecula.
Amen.

Прочитав священную молитву, Герман трижды перекрестился, не обращая внимания на дьявольский вой, который сопровождал эти действия. После молитвы он вдруг ощутил необыкновенный прилив сил. Теперь он мог продолжить свою работу. Он начал с того, что записал все, какие знал, заклинания по изгнанию дьявола, затем «Богемскую хронику» Козьмы Пражского, и так далее, пока не закончил. В самом конце книги он поместил список насельников Подлажицкого монастыря, чтобы оставить о них добрую память, а последним в списке вывел свое имя: «Герман Отшельник, 1229 год». Затем Герман встал, потушил светильник, открыл дверь своей кельи, в которой провел ни много ни мало, а двадцать лет, и вышел на свет Божий. Его путь лежал на монастырскую колокольню, и это был путь к спасению и свободе. Это был путь к Софи, воспоминания о которой жили в потаенном уголке его сердца и поддерживали его все эти годы. Там, стоя на краю монастырской стены, он трижды прошептал про себя, как бы перед кем-то оправдываясь: «Господи, будь милостив ко мне, грешному», — осенил себя крестным знаменем и шагнул в вечность.

Omnis hora, est hora nobis. Каждый час есть наш час.